ИЛЬЯ КОРМИЛЬЦЕВ

ПОЭЗИЯ

ИЛЛЮ

МИНА

ТОР

ILYA KORMILTSEV

poetry

Illuminator
S.G.T.R.K Media-Lab
Armchair Scientist
Moscow — Yekaterinburg
2017

ИЛЬЯ КОРМИЛЬЦЕВ

поэзия

Иллюминатор
S.G.T.R.K Media-Lab
Кабинетный ученый
Москва — Екатеринбург
2017

УДК 82-1
ББК Ш6(2р36)6-335
К66

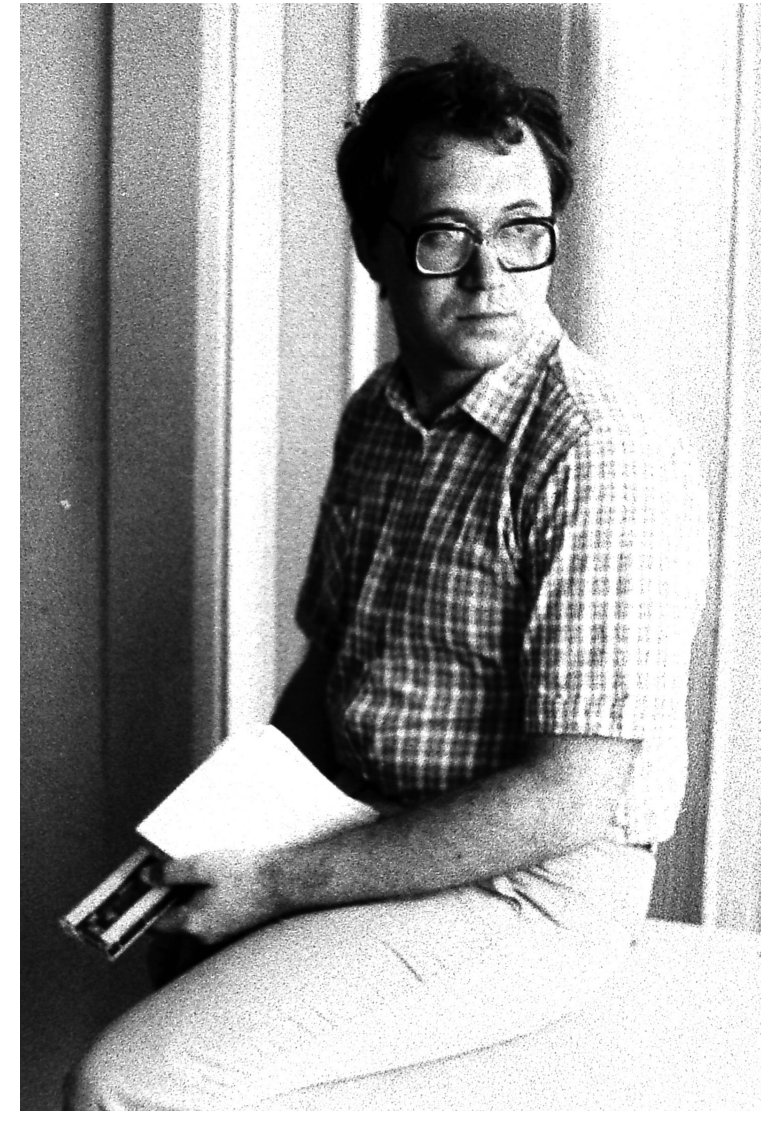
Кормильцев, И.
К66 Поэзия / Илья Кормильцев. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — 680 с.

ISBN 978-5-7584-0162-0

В первый том собрания сочинений Ильи Кормильцева (1959–2007) вошел полный корпус поэтических текстов, включая текстовки для известных рок-групп.

© Кормильцев И. В. (наследники), тексты, 1974–2007
© Авторы статей и комментариев, 2017
© Кабинетный ученый, 2017

ISBN 978-5-7584-0162-0



Илья Кормильцев. 1985 г. Фото Дмитрия Константинова

Дмитрий Быков

Не в Перу

1

Есть особый разряд людей, не обязательно художников, произведших над собой мучительную операцию — перешедших в иной класс, новую социальную группу или просто на следующую эволюционную ступень. Эволюция, если не рассматривать ее в чересчур буквальном биологическом смысле, иногда делает резкий скачок на протяжении жизни одного поколения, просто способны на этот скачок оказываются не все. Знаменитый вопрос о том, что было сначала — курица или яйцо, не имеет строгого ответа, или, верней, ответ этот за пределами предлагаемых вариантов. Сначала было то предкуриное существо, которое выползло из воды, посмотрело на себя в ручей и запело: «Где-е-е твои крылья, где-е-е твои крылья?!» Оно сделало над собой усилие и обросло перьями, потом снесло яйцо, а уж из этого яйца появилась полноценная курица. Эволюционистов просят не беспокоиться. Эта метафора не претендует на научность.

Вот есть такие люди, которые довольно рано, в первые годы молодости или — реже — зрелости, избавились от обычных поколенческих иллюзий, перестали следовать интеллектуальным модам, вырвались из контекста и резко шагнули за пределы человеческого. Я разумею, конечно, не примитивное расчеловечивание, которое обычно выражается в забвении приличий и культе животных удовольствий (его тоже часто называют сверхчеловечностью — так Гитлер отличается от Ницше), — а именно отказ от «слишком человеческого», движение

вверх, прыжок на следующую ступень. Такие рывки обычно происходят не то чтобы массово, но и не сказать, чтобы совсем в одиночку. Всегда можно назвать несколько таких людей, выросших, как правило, в одном ареале и сходных условиях; с географией тут вообще сложно, никогда не поймешь, почему один регион вдруг дает целую плеяду. Может быть, действительно пучок гумилевских космических лучей упал, но это объяснение слишком похоже на грезу самодеятельного мыслителя на пенсии, читателя журнала «Наука и жизнь» семидесятых годов. Как бы то ни было, Свердловск семидесятых-восьмидесятых годов (и в целом Урал) породил сразу нескольких людей, сделавших такой скачок. Наиболее заметны Кормильцев и Балабанов, которые хорошо друг друга знали, но не дружили, потому что дружеские чувства и обычные человеческие эмоции людям следующей эволюционной ступени вообще мало свойственны. Обычно они умирают между сорока и пятьюдесятью, как Шукшин. И умирали они от странных, редких болезней: рак позвоночника, как Кормильцев, или рак сердца, как Курехин, чья эволюция с кормильцевской очень сходна. Кстати, общая черта: эти люди в первой своей, человеческой жизни достигали профессионального совершенства — после чего заниматься первой профессией им становилось неинтересно. Курехин был гениальным пианистом («самые быстрые пальцы мира»), Кормильцев — первоклассным переводчиком и знаменитым поэтом. Курехину было неинтересно только играть, Кормильцев все реже писал стихи и увлекался по-настоящему только своим издательством. Закрыли издательство, а через полгода он умер в Лондоне.

Впрочем, я предпочитаю думать, что Кормильцев не умер, а улетел в Перу и теперь живет там. Он всегда этого хотел, говорил, что лучший алкалоид — листья коки, они не изменяют сознание, а снимают страх. На похоронах в гробу лежала какая-то желтая кукла, небрежно сделанная, совершенно на Кормильцева не похожая. И многие переглядывались таинственно, слишком таинственно. Я не был в эту тайну посвящен, меня,

видимо, не сочли достойным. Эта мысль ужасна, но все-таки менее ужасна, чем смерть Кормильцева. Поэтому я и до сих пор думаю, что он там и что мы с ним там увидимся. Я ведь по его совету тоже стал ездить в Перу и снимать там страх, который, впрочем, и так ослабел с годами.

2

Кормильцев был великим поэтом — если принимать это как термин, без придыхания и пафоса: великим поэтом называется тот, чьи слова ушли в народ, разошлись на цитаты и стали обозначать новые состояния, для которых раньше не было термина. Это могут быть принципиально новые состояния, которые появились вследствие технических или медикаментозных новшеств, а могут быть эмоции, которых раньше не замечали. Скажем, «Такое ощущение, словно мы собираем машину, которая всех нас раздавит», — ощущение человека специфической переломной эпохи, но переломные эпохи бывали и до Кормильцева, а формулы такой до него не было. Подчеркиваю: говоря о цитатах, ушедших в народ, я не имею в виду газетные заголовки, лозунги, иные формы внедрения поэтического слова в массы. Но Маяковский и Окуджава, например, все равно великие поэты, хотя тысячи статей назывались словами «Читайте, завидуйте: я гражданин…» или «Каждый пишет, как он дышит». Кормильцев внедрялся в массы с помощью русского рока, который на рубеже девяностых звучал отовсюду — ни до, ни после перестройки он не знал такой славы; но дело не в интенсивности внедрения, а в убийственной точности мгновенно запоминающихся формул, в которых парадоксальность сочеталась с очевидностью. Поэзия, в общем, это и есть внезапная формулировка очевидного, когда один высказал то, что знали все.

Кормильцев изначально не был рок-поэтом, просто рок подвернулся вовремя, чтобы растиражировать его открытия и, шире, его манеру. Алексей Дидуров часто повторял, что особенность русского рока — преимущественное внимание к слову. Это и так, и не так: не ко всякому слову. Рок отразил именно

этот слом, восторг и негодование нового существа, которое ощутило себя не совсем человеком, от одних отстало, к другим не пристало и теперь тоскует, мучается в одиночестве, страдает от мнительности, ненавидит всех — но однако располагает новыми, невиданными возможностями и начинает осторожно ими пользоваться. Это мироощущение во многом подростковое, когда ты внезапно рвешь с родителями, неуютно чувствуешь себя в любимом прежде доме, зато можешь пить, курить и все такое прочее. Кормильцеву в начале восьмидесятых, задолго еще до краха СССР, открылась относительность и узость многих понятий, он понял всю спекулятивность любой морали и всю ограниченность любой идеологии, ему многое стало понятно про человека, он стал интересоваться только крайностями, консервативными или анархическими, неважно; трагизм и пошлость человеческой участи, увиденной с порядочной дистанции, стали его главными темами. Писать обо всем этом в рифму, традиционным стихом, было невозможно, конечно. И тут подвернулся свердловский рок, для которого главными доминантами были те же трагизм и пошлость (причем и в самом этом роке хватало как пошлого, так и трагического).

Интересно, кстати, что в Ленинграде Кормильцев не прижился. Он интуитивно туда потянулся в семидесятые, проучился год и перевелся назад в УрГУ. То есть он сделал по молодости лет распространенную ошибку — поехал в столицу советского нонконформизма и вообще всяческой альтернативы, но быстро сообразил, что ему туда не надо. Почему? Вот Башлачев, например, поехал туда и там погиб. «Наутилус» посвятил питерскому року песню «Синоптики», восторженную, но и дистанцированную; дело, по-моему, вот в чем. Во-первых, питерские допускали к себе крайне неохотно, отгораживаясь северным снобизмом, культурностью и абсурдистскими насмешечками. Во-вторых, когда тебя все же допускали в эту прекрасную северную страну с ее сквотами, мансардами, культом Толкиена или Боба Дилана, хармсовским юмором и насмешливым сексом, — ты вдруг убеждался, что ничего особенного там не было;

что культура не только парашют, но в каком-то смысле и тормоз. Что питерские, высокомерно поглядывая на провинциалов, пьют, но не спиваются, играют, но не заигрываются, — и вообще в какой-то момент успевают удержаться от полной гибели всерьез. (Балабанов переехал — но не удержался). Конечно, слишком демонстративная саморастрата, надрыв, разрывание струн с забрызгиванием кровью всех присутствующих — это некультурно и в каком-то смысле моветонно; но ведь надрыв необязателен. В Кормильцеве не было надрыва. Но серьезность была, и он сказал мне однажды, что «пришло время архаики как поиска новой серьезности». Архаика, конечно, его увлекала лишь эстетически, как одна из возможностей, — он интересовался разными путями и не зацикливался ни на чем, — но серьезен он был, и потому питерский рок для него чересчур поверхностен. И для «Наутилуса» переезд оказался неблаготворен.

3

Разбирать стихи Кормильцева бессмысленно — они как раз довольно просты, в том и дело, что простые вещи приходят в голову немногим, не боящимся видеть, как устроен мир. Интересно, что эти стихи сами по себе не нуждаются в музыке, но музыка высвобождает нечто, в них имеющееся, но не самое очевидное. Это постоянная тихая печаль, скорбь души, которая улетела от своих и пока еще (пока, условно говоря, живет здесь) не прибилась к чужим, настоящим, будущим. Поэтому чаще всего песни Кормильцева поются на минорные, даже заунывные, даже элегические мотивы. Подспудная тема Кормильцева — это скорбь его действительно прекрасной души по поводу тех ужасных, нечеловеческих вещей, которые он видел и предвидел. Вогульские духи предсказывают мальчику, что скоро они вернутся в этот мир — потому, собственно, что этого мира не останется, — но им-то не жалко, а ему жалко. Вот, кстати, и ответ на вопрос, зачем Кормильцеву архаика, язычество, ислам, которым он интересовался в конце жизни: это

оптимальный способ разрушения этого мира, измельчавшего, зашедшего не туда, но всерьез верить в эти архаические ценности так же несерьезно, как обожествлять, допустим, кувалду. И вот эта несколько занудная, слезная печаль действительно очень хорошего человека (а Кормильцев, при всей своей упертости и невыносимости, был и добр, и даже сентиментален) — выходит наружу в музыке «Я хочу быть с тобой» или «Занозы».

В поэзии Кормильцева много рефренов, повторов, что и делает ее столь песенной, — но это ведь потому, что рефрен вообще имеет в стихах, так сказать, хронологическую функцию. Он остается неизменным именно для того, чтобы показать, как изменились обстоятельства, как много времени прошло и насколько по-другому он теперь звучит. А иногда этот повтор подчеркивает, до чего все в мире повторяется — и как хочется уйти наконец туда, где нет этого навязчивого циклического повтора.

Отличаются ли песни Кормильцева от его стихов? Вероятно, да: он сам сознавал эту разницу. Я бы рискнул сказать, что у них разная лирическая тема. Песни Кормильцева разомкнуты вовне, экстравертны, они о том, что он видел вокруг, что его мучило и бесило. Стихи гораздо эзотеричней, закрытей, и они о том, что он видел в себе.

И, может быть, это к лучшему, что Кормильцев сейчас там, где его не мучает больше «Заноза». Он теперь там, откуда эта заноза прилетела.

Если, конечно, он не в Перу.

Москва, 2017

2006–2007

Поминки

представь себе,
что ты умер
и оказалось,
что это совсем не больно,
напротив —
кайф такой же,
как от черного
марокканского гашиша,
только в тысячу раз
круче

и вдруг какие-то сволочи —
то ли соседи, то ли менты,
то ли водопроводчики —
начинают ломиться в двери,
требуют немедленно открыть,
выкрикивают твое имя

ты прислушиваешься и понимаешь,
что это — друзья и родственники,
и думаешь:
«господи, какой же мудак
придумал
эти поминки!»

2006

* * *

мир — это больница для ангелов,
которые разучились летать
и позабыли дорогу на небо,
свалившись с лестницы,
как героини латиноамериканских сериалов
их можно легко опознать по увечной походке,
по стыдливым взглядам,
опущенным в кружки с кофе,
по тому, что, даже одетые в хорошие костюмы,
они всегда чем-то неуловимо
смахивают на бомжей
и с каждым днем они все меньше и меньше
верят в свое исцеление
все реже и реже пытаются украдкой взглянуть
вверх…
а не дай Бог еще и выздоровеешь?
и что там тогда делать, на этом небе?
все дети пристроены, все внуки здесь
и вообще — кто мне сказал,
что я когда-то был ангелом?
и вот, посреди подобных размышлений
плечи их неожиданно раскрываются,
стыд покидает глаза,
а тела медленно растворяются в воздухе
вместе с кустами азалий,
бутоны которых ангелы только что
задумчиво сшибали концами тросточек

2007

* * *

city of copters cruising in dragonfly skies
summits of pyramids topped with cyclopic eyes
square miles of masonic lies
place of René Magritte lookalikes…

2007

Saint Thomas I

Больные ангелы выглядят довольно жалко.
Ходят как-то наперекосяк —
видно без крыльев им явно трудно соблюдать
равновесие.
Нелепый пух на голове — словно их
ощипали охотники.
Один похоже совсем выжил из ума —
орет по ночам «Mind the gap! Mind the gap!» —
видно работал когда-то в молодости
диспетчером по станции.

Иногда смотрят печально наверх — и
тут же опускают глаза в чашку
больничного кофе.
Чтобы выбраться, надо научиться летать
обратно — а где взять силы?

2007

Лето огнедышащее

1974–1980

* * *

Пусть в нашей северной стране
ночь расцветает ненадолго,
и листья скошенной травы гниют в воде,
не высыхая никогда.
Пусть не в клоаке карнавала ломают стебель
и не так, как юг чесночный;
а сопровождая
тоскливой флейтой раскаянья
свою весеннюю игру —
иные силы и иные
цветы растут на темной почве страсти,
иные, чем снотворный Мак.
И сладкий гной в коробочках соплодий
для опытного знахаря растет,
для опытного знахаря, который
совою лупоглазой умудрен
и знает, как от малой капли яда
под кожей загорается румянец.
В пещере, где пучками белены
щетинятся веревки,
на огне поспело варево из нашего сомненья…
сплетенных стеблей простоты желанья
и скрюченных ветвей обоснованья —
лиан, растущих в нашей северной стране.

* * *

сытые удавы мохеровых шарфов
душат гладко гильотинированные шеи.

итак, мы свидетельствуем великолепную казнь.

мы много прошли по воде, по земле и по воздуху
и камни и сталь разъедая слезами.

зеленоглазый мартовский вечер когтистою лапкой
играет с шуршащими мертвыми оттаявшими
мышами.
мы сквозь зеркала проходили, чтобы пить
с отражением спирт.

итак, мы любили, но больше ласкали себя
надеждой, что любим, и верой, что будем любить.

итак, мы шли независимо, закрывая глаза
на овчарок косматых, что гнали покорное стадо.

и мы отзывались резко и дерзко о Руке, Которая
Кормит.

мы жили в мире и в мире мечтали почить,
но с четверга на пятницу нам регулярно
снилась война.

мы что-то предчувствовали, но предпочитали
играть, потому что наш мозг был лишен
сухожилий и мускулов.

голосуя машинам, мы мысленно верили в то,
что мы покидаем увядшую зону, навек уезжаем —
но мы истерически мчались по внутренней
гладкой поверхности прочного шара.

* * *

о, сколько их в тумане ходит
в прозрачный майский день,
когда порою самый воздух
невидим,
позволяя рассмотреть край ойкумены

о камни старости боятся
споткнуться
и, глаза вниз опустив,
идут
и лбами налетают на юности преграды

их волосы застыли в эйфории,
общаясь с ветром,
налетев на них,
терзают их ногтями гарпии сомнений

стряхнув с себя чужую плоть, идут,
затем, родную плоть стряхнув с костей, идут,
затем идут,
оставив кости

уже не видно их,
но сгустки теплоты
мне говорят об их движенье

Палитра

Грустно. Медленно. Тихо.
Смешал голубое с серым.
И это назвал восходом.
Так ему захотелось…
Нервно и торопливо.
Кисть горела от боли.
Бросил в синее сливок.
Море…

Нежно и осторожно.
Музыка и смуглый колер.
И понял — это женщина,
и быть не могла другою.
Черные бусины вклеил
в яркую-яркую охру.
И это назвал собакой.
Успокоенным вздохом.

Хотел сделать шаг — не смог.
И нарисовал песок.
И вместе с любимой вдоль моря
пошел к восходу.
Бежала сзади собака.
Такой сделал Землю Художник.
Все прочее сделали люди.

* * *

если это необходимо —
то пусть будет так!
пусть радиация сшивает мелкой стежкой
разорванного воздуха лоскутья
и стен бетон — в потеках смолянистого стекла
пусть неба вывернут чулок дырявый,
и ось Земли завязана узлом
и то, что было плотью,
в которую мы погружали плоть,
в распаде гнилостном
прорвется пузырем
пусть будет так —
но при условии, что шлаки
великой плавки
образуют Красоту,
предельнее которой не бывать,
и кто последним будет умирать,
напишет ручейком из вен на камне:
«Эксперимент закончен, о, Творец,
колония мышей твоих
погибла,
но потрясающий величьем Результат
ты можешь видеть, слышать, осязать».

Три сна

1. Ничейная земля

Здесь я занимаю круговую оборону —
на ничейной земле;
вырываю кольцо из взрывателя одуванчика.
У меня четырнадцать глаз
(на каждый сектор обстрела);
я весь соткан из указательных пальцев
на спусковых крючках.

Запах бодрого кваса,
запах бодрого риса,
запах бодрого виски —
я их разгоняю — мои автоматы
строчат дезодорантами.

Слова на излете свистят, рикошетят:
ах, малые дети! их мягкое мясо
пробито навылет словами
из беспокойного пистолета…

Я принципиально отчаян. Мое удовольствие в том,
что ярость распределяется равномерно:
смерть равномерно я сею.

Да, потом представления к награждению
ярлыками различной степени.
Да, потом, к сожалению, огорчения, что
он был слеп, этот мертвый воин:
не выбрал из клубка гадюк,
гадюк подобрее.
Не заметил движущей силы осла,
вращающего колесо арыка.

Но этот пустынный песок
в окопе моем
течет на дно — великая армия

безвременно погибших песчинок,
скрип на зубах.

Черные пузыри лопаются, оставляя оспины.
И с пением сугубо национальных хоралов
голому мертвому воину несут
гробы различных достоинств
с различным престижем.
Когда он лопает кашу из котелка
(Усилия бесполезны; вареная крупа
снова вываливается через рану
пониже пупка);
когда он лопает кашу гнилую из котелка
(перемирие пищеварения),
к нему приезжает на белой свинье
с бантиком на хвостике витом —
— на свинье приезжает
старая немытая белобрысая шлюха
по имени Веритас и говорит:
«Зови меня Верой!»

А дальше она молчит.
Она считает за благо молчать.
Что бы она ни сказала: на благо одному,
во вред другому.

А иногда она мычит, и это мычание
почитают за доказательство ее существования.
А мертвый голый воин задает ей вопросы:
«Если я закрою глаза с одной стороны фронта,
принесут ли мне:
говорящего попугая,
плачущего ребенка,
родинку у верхней губы?»

Веритас падает в вино, вытекшее из жил воина,
и кричит как вампир…

А мертвый голый воин задает ей вопросы:
«Если я прекращу огонь с одной стороны фронта,
принесут ли мне:
положение в стране,
бассейн с золотыми рыбками
высокогрудыми,
уверенность в завтрашнем дне?»

Веритас смотрится в зеркало, вытекшее
из жил воина,
и думает, что она существует, раз у нее есть имя…

А мертвый голый воин задает ей вопросы:
«Если я брошу оружие в горячий песок,
положат ли меня:
на брачное ложе?
в землю?
Если я прекращу огонь с обеих сторон фронта,
прекратят ли меня убивать?»

И тут мертвый голый воин просыпается и видит,
что умер на горячем песке пляжа,
говорил с бабочкой, раздавленной его
сонной рукой,
смотрел на разноцветные боевые флаги
цветущего луга:
в каждый из флагов было завернуто алмазное тело
женщины с ликом, в который глядели великие
мира сего,
женщины, убитой пулями,
прилетевшими одновременно
с разных сторон.

И тут мертвый голый воин встает,
подбирает свои разбросанные кости,
бутылку с пивом, и удаляется с ничейной земли,

где он вел свои трудные бои
с продажной женщиной,
не поддающейся изнасилованию,
носящей гордое несуществующее имя
Веритас.

2. Жизнь на чердаках

Выстрел из базуки отнял жизнь
у человека, который никогда не жил,
хотя и носил черные очки,
и любил тискать девиц из кордебалета
— и вот я скрываюсь на чердаке.

Нахожу свой приют в монастыре,
где строгий устав запрещает умеренность,
где сигареты не случайно пахнут, как поле
горящей травы.
Мы ловим голубей и их едим,
питаясь образом таким
одним лишь духом святым.
На крыше флюгер, ученик Кратила,
указывает в рай, назвать его не в силах.

Под крышей крысы, раздирая пищу,
пищат и адским жаром, огненные, пышут.

А крышу лысую уютно чешет ветерок,
чтоб сонный бес задуматься не мог.

и мы в мозгу его живем, как черви
и мозг его живьем едим и верим,
безумно верим в то,
что мы когда-нибудь умрем.

Пять женщин в ослепительных лохмотьях
нам помогают разделить поочередно
все страхи ночи,
воющей в платок.

Они поют:

ПЕСНЯ ЖЕНЩИН С НЕМЫТЫМИ
И СПУТАННЫМИ ВОЛОСАМИ

У тела есть пределы,
У жажды тела — нет
Какое телу дело:
Темень или свет,
17 или 40
И был ли дан обет?

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

У духа нет пределов,
У жажды духа — есть:
У духа мало брюхо,
Хотя велика спесь.

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

ПЕСНЯ МУЖЧИН С МОРЩИНАМИ
НА МОЗГУ ВМЕСТО ИЗВИЛИН

Медленно переваривает себя
тело — плотоядная змея.

Медленно переваривается сам в себе
дух, принесенный в жертву змее.

Все чаще изменяют силы,
как бы это тебя ни бесило.

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

Медленно подступает страх,
все реже шевелится в штанах.

Медленно наступает сон,
и никогда не кончится он.

Все ближе подступает грохот,
перерастающий в хохот.

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

Нас будят пулями, не в силах приподнять
словами,
и мы проснемся с алой раною в груди:
мы были ложью, вставшей на пути
у горькой Истины, с него не чаявшей сойти
и певшей нашим Женщинам о том,
что вожделенья не добавят нам бессмертья.

И мир кончается не всхлипом, а ничем.

3. Гуру поучающий

И третий сон на третий день был сотворен
и третий стон, сильнее прежних, вырвал он.

На золотом холме,
глядевшем на поля,
стоял барак, и окна в нем без стекол.
Застыл, выслеживая мышь, чеканный сокол
на меди листовой оплавленных небес.

Неподалеку, около дверей,
ждал молчаливо бронетранспортер,
Был час заката.
Рваный небосклон был тучами залатан.

В бараке, на столах, в свободных позах
сидели юные мужчины в черной коже
и женщины, а старую бумагу
катал сквозняк своей простудной лапой.

И все спокойно слушали гуру.

«Взгляните на грецкий орех.
Приняв форму головного мозга,

он не стал разумнее, и память его не кричит,
пережевываемая зубами.
Обратите взор на себя,
приближающихся ко всемогуществу:
принимая форму высшего, вы далеки от Атмана,
как и прежде.

Но вне вашей воли составляете часть того,
с чем не имеете ничего общего.

Сохраните это равновесие,
не ища новых выходов к старой пропасти.
Слишком много жертв пало
сражаясь в лабиринте,
защищая подступы
к одному и тому же выходу».

* * *

И сны разрешаются — в то,
что было ими создано.

И одинокий выстрел падает
замерзшим воробьем на лету.

Это было плохим портвейном
или северным ветром
или углом подушки, уткнувшимся
в подбородок.

И побоями, и ласками.
Перфокартой неизбежной программы,
осознанной машиной.

В крике освобождения,
спугнувшем тараканов
крике освобождения…

* * *

огни фильтруются, фильтруются сквозь штору

ты свободен — поверить не можешь — свободен,
потому что все цепи все ядра,
потому что все тронуто и на запястьях отбито,
потому что все было

ночь вечерняя — прозрачною плиткой вымощен
воздух
кто отчаялся жить, потому что
неопределенность,
потому что над страной
сопли идиота переплетаются на ветру —
тебя празднуют

ночь утренняя, ох боюсь тебя, голая,
неприкаянная, под одеяло рвешься отчаянно,
нарумяненная пылью
ночь утренняя настигающая,
напудренная, постигающая
до дна мерзости
колодец

не рассматривай пальцы
свечи без пламени
не возгорятся
в этих руках дело не запылает
одинок и холоден
ты, брат мой

но хоть свободен,
пока что свободен,
ненадолго свободен

мыслящий индивидуум

* * *

приходит миг

струны воздуха сладкую песню поют
вином сапфировым воздух наполнен

босые ноги топчут брызжущие звезды

мозг подобно дрожжам раздувает наш воздух,
предвещая пагубу зноя для ледышек в бокале вина

и вот

клетки комнат неудержимо лопаются,
и мы выплескиваемся из одиночества

Часы, похожие на луковицу глаза

Братья и сестры! Градовая туча яблоневых садов
Слишком огромна, чтобы в ней отыскать
Дерево, под которым мы были зачаты.

Гулякам с перебродившими флягами фруктов
Каждая яблоня кажется домом,
Каждое дерево — местом рожденья.

Не к миру я призываю обретших оплот
У разных деревьев, у разных религий и вер —
Ведь не мира мы ищем…

Но если в нашей борьбе проливается кровь —
Пусть красиво прольется она,
Как волосы на свадебную кровать.

Поскольку нельзя нашим детям оставить
Восковые фигуры уродства!
И если есть мертвые в нашей войне —
Пусть в глазницах у них аметисты сверкают,
И алмазы — их пот на висках.

Только в красоте нашей смерти на вечно
неправой войне
Залог нашего возвращения к корню
Прадерева цивилизации.

И если часы, похожие на луковицу глаза,
Неумолимо двигают стрелки к моменту
исчезновения нашего —
Пусть оно будет подобно вознесению Илии —

В искрах и фейерверке
вечно горящего
Разума человечества.

* * *

неумение петь похоже на морскую медузу:
концентрат жгучей силы в слизи бессильной
неумение петь зажимает нам рот,
полузаглоченное в гортань,
расцветает у нас на пальцах
и уже проникло в наши песни
и в смуглые животы наших женщин

неумение петь делает грубой нашу улыбку:
подобие дынного ломтика в блюде лица
неумение петь в этот век —
неуменье запеть:
Нет! Петь мы умеем —
чистота ладоней плюща
высыпает в лоток наши улицы и одежду
и приподнимает ветер над землей
на сосках Королевы Танца!

И очистит все дождь!
Только что в капле был человек,
высокий, мрачный, бородатый, перевернуто
отраженный
но капля упала,
и он исчез:
Человек, Который Растворился

Чекасин

он пьет клюквенный морс,
он принимает аспирин,
он сбивает лихорадку
снегом вместо перин
его душа — это лев
на пылающей крыше
он дует каждый вечер в раскаленную медь
он не может обжечься, он не может сгореть —
его температура
        значительно выше

Воспитание рук

огромные неистовые руки свесив
из прорези окна, ты загребаешь
цветастый хлам секунд в свой музыкальный ящик
там музыка от стенки к стенке бродит
с огромным круглым животом
и плачет и тоскует

а ты сгребаешь время под себя
и падаешь в слезах на время
и высидеть теплом своим мечтаешь
птенцов крикливых синей птицы

а иногда ты вместе с ней лежишь на этой груде,
пытаясь оплодотворить секунды
но только пыль — ответ твоим усильям,
и все возможное богатство умирает
под тяжким грузом неразгаданных часов
и ностальгия под слезами размокает,
как хлеба кус, забытый под дождем

но времена воспитывают руки:
они хватают лишь понятные секунды,
в ее глаза глядишь ты с сожаленьем,
а жизнь идет — с тобой и без тебя

и розовый фонтан хватает вязь секунд, разбрасывает
всем свой рот жемчужный
и за окном тюремной камеры души
свершает чудо — то, что ты не смог свершить,
вдыхая запахи колосьев и колен

Блюз

липкие пальцы
скользнули по трепетной грани
меж музыкой и молчаньем
и балансируют, работая без сетки

под стеклянным колпаком
начинаются вечерние жалобы
на недоступную прозрачность
кандалы избитых аккордов
влачатся по дороге,
вымощенной благими намерениями

ведро воды
летит в бесконечный колодец,
приближаясь к холодной душе
там на дне
по старой железнодорожной насыпи
со снятыми рельсами,
раздвигая улыбками сумерки,
идут под кедрами
незаметные привидения
кристальный мотив
валяется в этой пыли

этот странный блюз
горькой сигареты
подобен томительному ожиданию
ответа на апелляцию
нечего ждать —
достаточно представить
мужчину и женщину
в комнате,
где радужная полоска
томительно застыла
на пластмассовом диске,
непокорная мотору проигрывателя

липкие пальцы,
путаясь в хитросплетениях струн,
выводят душу к ивам, смотрящимся в реку
первую росу
осмелишься ли нарушить
мыслями о любви?
господствует блюз, липкие пальцы
скользнули по трепетной грани
меж музыкой и молчанием

* * *

Сделайте мне комнату,
безобразную и кривую,
холодную, нетопленную, нежилую.

Вас поблагодарю я.

Дайте мне сделать спутницей
грязную, похотливую,
глупую, недостойную и нетерпеливую.

Стану я лишь счастливее.

Дайте мне сделать фатумом
горькое, искореженное,
вечно неблагосклонное, каждый час тревожное.

Вам ведь это несложно, а?

Потом вы, конечно, спросите:
«Зачем ты с таким усердием
молил у нас это месиво, это крошево?» —

Вы отдали мне задешево
Знак бессмертия.

Ecce Homo

Найди и выбери нечто яростное.
В клетку не запирай. Подвергайся его укусам.
И плечи и грудь подставь.
Вырабатывай иммунитет.
И отдайся, позволь попрать самое себя.
И в утробе ярости перевоплотись,
движимый ей даже в неподвижности сна —
воздавай великую дань ярости
и шепчи ей: «Праведна. Праведна. Праведна».

О, как она тебя будет бить и метать!
Куда не закинет! Терпи и надейся.
Пока указующие взгляды не обратятся к тебе:
— Смотрите, вот он грядет со своей яростью!
— Смотрите, вот он идет!
— Ecce homo.

* * *

Мой пупок — это фикция. Еще не разрезана
Та пуповина, которая с чревом мира связала меня,
Хотя готов уже пепел, чтобы присыпать разрез
(как это делают эскимосы).

Я еще не рожден (опасаюсь, что мне
никогда не родиться).
В состоянии эмбриональном, ощущая
свои атавизмы,
Я рвусь из чрева века во всю беспредельность,
Но XX век узкобедрым родился.

Как Нью-Йорк моментально без света остался,
И лифты заснули в колодцах, проеденных
в сыре домов,
Так нет электричества в домах моего рассудка.
Труден спуск по пожарной лестнице.

На первый этаж я рвусь, где подъезд
Обещает выход на летнюю улицу,
Поджаренную как картофель.

* * *

Сон и розы, волнующе-яркий муслин.
Ты лежал, источая дурман под ногами,
словно пиво — томящийся солод — никто не открыл.

На шестнадцатый год откровений достигнув,
на семнадцатый их откровенно прокляв,
все постигнув (скорей, ничего не постигнув),
лишь в одно, несомненно, ты верил всегда:
в крючкотворство смешное игры стихотворной.

Бесконечнострунная гитара чернобыльника
плыла вечером под пальцами проворными
голосистого и сладостного ветра:
и смерть постиг ты, не дойдя до смерти,
и паутину на воде кристальной лужи,
закованной в янтарь прозрачной стужей.

И пальцы яростно сжимались возле горла
желанием пересыпать песок
и бесконечно наблюдать его паденье —
как каждая песчинка, убегая,
уносит дактилоскопию теплоты.

Лишь на каких-то волхвов уповая,
бесплодно открывающих твою звезду
в тщедушный телескоп,
ты, тихим вечером безмолвно проплывая,
терновникам и лаврам подставлял свой лоб,
на неизвестных вечности волхвов лишь уповая…
Терновникам и лаврам….
Бесполезно мудрый лоб…

Шарлатаны

Хой, в деревню телега въехала!
Значит, снадобья в ларцах иссякли,
Значит, столпятся лица болезные
У двери фургона, где застиранный какаду
Щиплет перышки на заду.

Шарлатан Мар-Абу, доктор медицины,
Мандрагору привез и другие medicinae:
Яд змеиный и лакрицу,
Корень руты и корицу.
Подгулявшая девица,
Хочешь ты освободиться?
А карга — омолодиться?
Все у нас! Лишь у нас!
И мартышка голубая,
шкура монстра из Китая,
Лакуеху — черный знахарь,
Натуральный папуас!

Это маленькое лэ я слагаю
В пользу шарлатанов —
Усталых работников истинного милосердия,
Везущих в своих фургонах
Истинное освобождение,
Оргиастическое упоение надеждой.

Старый Болонэ! Сейчас на гнутой спине
Колдовского горшка пишется тебе приговор —
Тебе и твоей драгоценной склянке
С sal mirabilis.
Нет, не от микробов проистекают болезни,
Не от микробов, которых никто и не видел,
Кроме лиц, кровно в этом заинтересованных,
А от неверия шарлатанам.

Да, пусть это тебе не кажется странным —
мы тоже шарлатаны:
Шарлатанская наша поэзия,
Шарлатанская наша жизнь,
Доверившаяся мыслям и цветам
Там,
Где силу имеют
Лишь амбиции и инвестиции.

И эти юные души,
Слившиеся в единении,
Использовав момент
Небрежного отсутствия
Родительской власти,
Верящие в свое всевластие
В сиреневом сиропе города,
Вливающемся густым потоком
В пыльные окна старой квартиры
На центральной улице —
Тоже носят значки нашей тайной службы
На отвороте лацканов тел обнаженных.

О шарлатаны! Шарлатаны!
Целый мир шарлатанов,
Плененных злыми
Циркулем и Весами.

Теплый день

кладбищенские парочки, целуясь,
свивают гнезда около крестов
и вот цветы душистые мостов
овеяли дыханьем стебли улиц

из окон, с языков ковров и простыней,
свисают капли испаренной влаги
зеленою оберточной бумагой
укрыты сучья голые аллей
покачивая бедрами, плывут
как дым над пламенем курящиеся взоры,
и тело белое расплавленной просфоры
пошло на пищу розовым червям
утóк протягивая сквозь основу,
летит на крыльях возгласов судьба,
и ландышевый перьев блеск, слепя,
соединяет и разъединяет снова
бесформенные губы и сердца
в соитиях, проклятьях, буффонаде,
и пеной у пророческого рта
застыла уличная толкотня,
и туча вечера, кончаясь звездным градом,
выталкивает нас на лунный круг,
качающийся на снегу постели,
как в круг перед судом — куда нас занесло?
куда мы, одинокие, летели?

* * *

колокольчики вечера впились в улыбку —
пьют веселую кровь
благовест теплоты
пауки и ветра открывают калитку
вечно я,
вечно ты

тем же самым путем, в ту же старую кожу
возвращаются змеи,
уставши линять
тот кто скажет: «Брат мой!» — испугает прохожих
никогда и опять

отцветают безумства в политых слезами
обездоненных кадках
и кошкой она —
эта вечнобеременная память
в теле новом всегда повторяет себя

дважды в реку входить твоей плоти и духа,
дважды в ту же
и знать, что не будет иной,
помнить кожу и когти и
(это для слуха)
помнить песни, пропитанные темнотой

где дорога до дома — дорога до Бога,
там любовь расправляет свою простыню
обнимает руками себя одиноко,
каждый час покоряясь,
как снегу,
огню

Возвращение добродетели

Не возвращая музыки, за эту ночь он скрылся —
Должник Геенны огненной
и холодности чемпион.

Легкий ездок на крыльях кожаной куртки,
Фанатик прохладного воздуха —
отрекся ради жаркого дыханья километров
на номерном знаке.

За ржавыми зубами арки
унылая скамейка укрыла
испуганно рыдающих невинных жриц
июньских рос и пыльного двора.

«Мы играли в его присутствии
и видели уйму таинственных знаков
и торжественных откровений:
любое пустейшее слово в прокуренных комнатах
и прогулка и жаркий смех в парке
и откровенное: “Пойдем” —
все благословлялось его смеющейся рукой».

А он, с глазами разноцветными
и задорной молодой бороденкой,
Он никогда не заставит зайтись
сердце молоденькой девчушки,
прикинувшись танцем безмолвных секунд
на полыхающей струе
от безжалостного асфальтового веера —

и четверги наползают на пятницы
и жизнь сжимается как гармонь,
издавая предсмертный стон,
и вот вчера я упал в снег, пьяный,
но паденье закончилось на соленых скалах июля,

и я не верю, что она — это она,
ибо каждую секунду
она просит называть ее другим именем,
а я знаю не так уж много имен:
Страх, Отчаянье и Блаженство —
вот в этом круге я замкнут;
и я убедился, что завтра —
это остывшее позавчера,
холодные щи в одиночной камере гурмана,
и душа нашего соития тонет,
слепая и новорожденная —
возможно, будущая гроза крыш —
фосфорически-черная кошка,
несчастье, пересекающее дорогу;
и чем больше я стар, тем больше я молод,
и моя любовь питается одной лишь ненавистью,
и я становлюсь неравнодушен
к геранькам и домино,
вползая в колготки и подгузники,
и скоро я куплю газету со своим некрологом —

Не возвращая музыку за эту ночь,
Он скрылся, должник Геенны огненной,
Мой дьявол, дух искушения, сеющий ростки добра
На бесплодной почве бездвижной добродетели.
Дух, отрешенный от счастья летать,
но вершащий свой путь по земле.

Завтрак на траве

Ах, буйные наросты тополей,
качавшиеся в гамаке титана,
бросая тень на завтрак на траве!

Мост взвешивал крутые берега,
и водопад струился отовсюду,
скрестив в дуэли струи, словно шпаги.

И вечный, вечный петушиный крик
блестящих глаз испепелял нас на рассвете,
Чтоб на закате вызвать нас опять!

На оргиях, два пальца сунув в рот
и приступая к новой части трапезы,
сатрап отождествлений держал нас за рабов.

Как мальчики лежали мы на ложе
у сладострастника животных наших жажд
и плакали — не проронив ни слова.

В скотов нас поцелуи обращали,
а водопад вновь извергался, вновь
снимая краски новых гримов.

Но ничего вовек здесь не решалось:
суд спал, стрясая с париков крахмал
на тех секретарей, что нам писали
столь протяженный смертный приговор,
что с написанием его мы умирали.

* * *

Арго, развевай паруса тополей!
Истрепанные паруса подставь поцелуям ветра.
Мы уходим в Эвксинский Понт —
Навстречу золоту, навстречу смерти.
Нок-реи заготовлены подлинней,
Солонина заготовлена погнилей,
Мачты готовы отдаться Борею,
Мачты готов повалить Борей.

— Старый боцман, пьяный лоцман,
Пыхтят трубчонками над пороховыми бочонками.

Мы будем плыть до первой веранды
С тобой, неизвестное.
На мертвой почве растут олеандры
И кипарисы отвесные.
Мы будем плыть до первой потери,
Пока за борт не свалится слабый,
Пока не разделит братьев вражда
Из-за портовой бабы.

— Старый боцман, пьяный лоцман,
Пыхтят трубчонками над пороховыми бочонками.

Не зная, каково на вид руно, возьмем говно —
Корабль станет ассенизационным обозом —
Но нашим носам давно все равно —
Среди навоза — раздолье розам.
Мы расцелуемся, и на прощанье
Снова, как во времена стародавние,
Любовь покажется неизбывной вовек.
Но когда берега Колхиды скроются утром из вида,
Начнется июльский снег.

Вероника

Плаун, пылящий и поджарый,
Исстеган дождевым кнутом
И сонный лес похож на старый,
Истрепанный, in folio, том.

И ломонос подобострастный
Усов своих рассыпал сеть,
И, значит — время подобралось
Для вероники засинеть.

И, значит, время вновь настало
Нам, глядя в старый водосток,
Вести счет каплям, размышляя:
Зачем ты поднесла платок?

И кто была ты: свежесть сена,
Букет из нераскрытых роз?
Толстуха спелая Пуссена,
От жира падкая до слез?

Красотка с профилем семитским —
Смесь состраданья и греха —
И вожделеньем каинитским
Горела добрая рука?

Святой назвал бы и разрушил
Сомнений тяготящий ад,
Но летом дьявольским разбужен
Твой слишком синий грешный взгляд.

И лето открывает двери,
Бросая в холод и знобя,
И я все более уверен
В истолковании тебя.

И о шагах любимых помня,
О лета пышущем огне,
Я все отбрасываю кроме
Одной догадки о тебе.

На память об июльской ночи
Коснулся белый холст лица
И лазуритовые очи
Кричали ужасом конца.

Был запах яростный и дикий.
И ложе. И не нужно слов.
И бились в отдаленье крики
Апостолов и их ослов.

* * *

Где, тополиный пух, твоя судьба?

— В могучем древе!
Я, втоптанный в асфальт, дождем прибитый,
на своих ветвях
Рассаживаю голубей Святого Духа,
Лаская ближние частицы пуха!

В трех стенах

Лето набросилось внезапно.
Разбросало по пляжам восхитительную наготу.
Уткнулось косматоглаво в сырой песок.
Созрело. Захохотало в сосновом бору.
Наполненное светом, лопнуло
Как безобразный гнойник.
Брызнуло в глаза. Замутило взгляд.

И только тут я заметил отсутствие себя.

Ты сказал: «И в опрокинутой рюмке
остается вино...»
Да, но как его выпить?
В трех стенах разума с выходом, ведущим
к прошлому
Не может быть влечения,
Не может быть иного состояния, кроме затянутого
взгляда
На Я-прежде;

Лето промчалось, ничего не оставив,
Кроме размытого воспоминания
о воспоминаниях.

Открытое окно — морщинистые веки стекла
Распахнуты, освежая взор влажным языком
Полночного веяния:
Обсосанные леденцы, облизанные свежестью —
Можем ли мы вопросить, можем ли мы
осмелиться
Спросить, для чего и как
Надевают на голову Времени черный колпак?
В трех стенах комнаты не видно иного выхода,
Кроме окна, открытого в неизбежность.
Видишь ли, над твоей головой пробегает

Стайка девушек, сморщенных, как
Сухофрукты из компота:
Душ — постель, душ — постель, душ — постель —
И бесконечно их лица повторяются,
не повторяясь.
Серпик Луны в четверть фазы
Похож на зеленую завязь:
Каждый день Луна возрастает,
В сочетанье с Сатурном давая
Жидкую кровь, меланхолию — и этот день
Покровительствует нечестивцам.

В трех углах кладбища нет иного выхода,
Кроме заросшей вероникой тропинки,
Ведущей в угол нечестивцев:
И желчные листики вероники
Хранят портреты святых нечестивцев,
Похороненных за кладбищенской оградой.
Проржавевшая дорога упирается прямо
В их полузабытые могилы, где только
Высохшие букетики похожи на заботливые
веники,
Сметающие пыль с имен нечестивцев.

А лето промчалось, составив список
Представленных к награждению:
Всех вероотступников, с мозгами,
Прикипевшими к крышке черепа,
Всех, менявших одежду гостиниц,
Гостивших в различных постелях —
О лето, тянущее жевательную резинку
Любви среди ивовых зарослей
Пригородного пляжа!
И я не могу остановиться перед рискою
Влажной губы, ощущая ее, как переход
На тенистую сторону лета,
Предводитель нечестивцев, ересиарх,

Отрицающий даже видимое глазами,
Мою любовь, блуждающую,
Касающуюся влажными бедрами бледных
кисточек вёха,
С лютиками, приникающими к черному
треугольнику лобка,
Идущую, повязав свои волосы красной
индейскою лентой —
Тебя — прошу! — превратить ее в дятла-желну.

Ибо есть ли выход из трех стен,
Кроме монотонной последовательности ударов,
Кроме коричной трухи, разметанной шлейфом
Под солнечным диском, кроме глянцевой
солоноватости
Утренних ягод?

Не повторяясь ни разу в лицах,
Не вспоминая о безысходности,
Разбросаны девушки, сморщенные,
как сухофрукты,
По парковым скамейкам, и у каждой — табличка:
«Осторожно, окрашено!»

Этот день дань отдаю я
Церемониалу прогулки:
Задумчиво разглядывая собственную тень,
Как Франциск проповедую сумрачным рыбам
В водопроводе журчащих аллей.
Лето взметнулось на недосягаемую высоту
И рухнуло оттуда, разбившись на капельки
утешения.
Безумный пленник в ожидании чая!
Сможет ли смертный понять
Всех в тупик заведенных,
Всех в полете одернутых?

Ты взлетаешь, плавно расправляя крылья —
Так, чтобы каждое перышко прополаскивалось
встречным потоком —
Вдруг жилистая ехидная рука хватает тебя
за хвостовое оперенье:
Знакомо ли тебе это ощущенье?

Такова жизнь: твоя и моя!

Итак:
Снова ни к чему не пришедший,
Семнадцатилетний огрызок карандаша,
Которым божественная рука
Написала строчки стихов,
Скрежещущий металл не произошедшей катастрофы —
Я —
Обращаюсь к лотерейному аппарату мироздания
С одной из немногих оставшихся просьб.

Лиши меня прошлого,
Пусть стена четвертая встанет,
Превратив мне оставшееся в тюрьму,
Чтобы смог я себя ощутить
Бурым, опаршивевшим медведем
И поднять вверх косматые лапы,
Трясти кандалами в ритме фанданго,
Смешанном с воем.

Ибо лето набросилось слишком внезапно,
Чтобы зима рискнула в это поверить.

Лето огнедышащее

Развенчанный шпиль церкви здесь неподалеку
Зовет к общению с неотомщенным Богом.

Мы принудительно лишь видимое видим:
Секирой огневласые главы
Отрублены у взглядов в неземное.

Бесформенное самый яркий цвет имеет:
Любовь багровей страстоцвета пламенеет,
И отрешенье снежное, зеленая тоска —
Искристей снега, зеленей листка.

Лишь выход в поле сделает доступным
Познание — и мудрый переступень
В белесых кудрях нам отдаст свое
Понятье огнедышащего лета.

Кто знает жизнь — безумно не мечтал
Узнать ее законы и приметы;
Неопытный считает, что украл
Огонь, когда он сам — лишь отблеск света.

Воистину, прекрасен не восход,
Мгновенно осветляющий окрестность,
А предвосходные часы: в благом тумане
Владений феи озера — Морганы —

Куст зверем кажется, а зверь — кустом.

Наш глаз рождается в краю пустом,
Но зренье оплодотворяет местность
Чудеснейшим соитием примет,
Припоминаний — горькую пустыню.

Бог-Глаз, Бог-Око, несомненно, есть,
Но слишком Он заметен, чтоб заметить…

Пока еще есть время (время есть!),
Сквозь пальцы ты прищурься на закат:
В багрянце ногти — это ты убил,
Убийство зренья — твой позор всецело:

Ты, одинокий, не мечтал о встрече с Богом,
Неотомщенным Богом бытия,
Который ждал, все время ждал
Тебя.

Стихи для огненнокрылого пса

«Далеко ли вы собрались?» —
Спросил я королей.
«Настолько далеко, чтобы,
вернувшись, мы могли сказать:
“Мы где-то были...”»

Боб Дилан

мы встанем из гробов, где мы лежали, думая
о жизни,
и мы с тобой пойдем
по невесомым вздохов переулкам —
пойдем ежевечернею
прогулкой
и оросим кусты в невидимом саду

у нас есть столько сил и столько вожделений,
что завтра мы изменим то, что назовут вчера,
и в судорожные вечера
нас поведет живучий рак-отшельник
— туда, где раковины образов лежат

да, здесь была стоянка человека...
пустые створки все расстались с мясом,
и их блаженная сверкающая масса
лежит, как разродившиеся самки:
уже вне боли
— но еще вне счастья
мой пес, неужто ты и я, хоть и прожгли крылами
дырку в небосводе,
не заслужили бóльшую свободу,
чем эта высохшая скорлупа?

какой мальчишка запустил из трубки
горошину с насмешливым лицом? —
— о, все мы одурачены юнцом!
и мы заблудимся в безудержном тумане

и не найдем двери в стакане,
и мы залаем горько и покаянно:
«верните слову слова содержанье!»

и мы вернемся от Элеазара
с молчанием и страхом на устах,
но что скрываем мы, и чем
наш вызван страх?
возможно,
жаждой следующей прогулки.

Возвращение

Зверь времени линяет секундами.
Сколько дворников!
Сколько собирателей пуха!
Пересекаем коралловый песок в неясном свете.
Сколько ловцов ставит сети!
Звук перебирается, прижимаясь к стенам.
Из уха в ухо — от бесконечных лун на интегралы
скрипок.
Что сталкивается на небесах:
пустые звезды или значение судеб?
Тени кругом — все в мантиях судей.
Мы возвращаемся в дом.
Возвращаемся в дом.

Выйди, сынок, встань на порог.
Это день возвращенья, ибо кости к суставам
стремятся.
Сколько мы не уходим — круглое время.
Магеллан, Магеллан — ты седеешь,
но покинуть орбиту не смеешь,
так как время — почти что арбуз.

Совершенно кругло и лысо:
на планете король и крыса —
можно миловать, можно казнить —
все равно неразрывна нить
между futurum и plusquamperfectum.

Может свет невесомый гнить
между звездами, словно солома —
просто слишком время огромно
при гниении света звезд.

Мы возвращаемся в дом.
Возвращаемся в дом.

Только дело не в том, что мы постарели
и серый наждак беспробудной щетины
залег среди хрупких морщинок.

Дело совсем не в том.

Даже когда мы моложе были
и звуки музыки плыли
беспрерывным святым полотном,
выходя из дома — мы направлялись в дом.

Я возвращаюсь в сиянье и блеске —
сгнивший остаток былого начала.
Встреть, как встречала!

В расцвете, упадке или гниенье —
все на пути возвращенья.

И непониманье и откровенье —
все в возвращенье.

Косари

Трава привстала на носки корней.
Обабок потный в капюшоне листьев,
Качаясь на чешуйчатой ноге,
Заворожил осклизлые грибы.

Он — дервиш
Поющих луж, проселков,
Косарей, лежащих на листве
Вокруг истлевшей бочки, из которой
Полтысячелетия сочится мед.

И ржавчина и гниль на месте кос
Нисколько не смущают захмелевших —
Они безумно смотрят на покос.

Их дождь корит, гноя густые травы,
Но самый старший косарь говорит:
«Там, где мы хоронили наших предков,
Все смешано насмешливо и зло,
То тимофеевки клонится колос редкий,
То вежливо бормочет плевелье.

Кто вложит шибболет в цветущие уста?
Кто лезвие направит, не робея?
Мы знаем, что косы ждет орхидея,
Но к орхидее не пройдет коса!

Ведь все меняется, не глядя, лепестками,
И охмуряет этим меткий глаз:
Вот горицвет пылал огонь-цветками,
Но глянь — и там пырей, где он погас.

И меткий глаз становится глупей,
И гнева царского предожидает шея:
Изменник воронов — из рода голубей
Иль ворон, только статью похищнее?

Никто нам не подскажет, как нам быть.
Пришла пора косить, да только что косить?
Мы на краю покоса коченеем!»

У сельской дороги

Грязь унизить нельзя.
Попирай хоть ногами —
Только всхлипнет, глотая твой след.
Серо-коричневая, все та же —
Равнодушный кисель,
Исхлестанный жизнью проселка.
Грязь и после тебя будет жить.

Дождь ударит лиловыми копьями в землю.
В этот день и в душе, и в земле
Грязь смешается с каплей небесной:
И в ошейнике комнаты тесно,
На цепи у погоды тоскливо.

Грязь потом отстоится,
Возникнет туман —
Изгоняемый дух недостойных желаний,
Разгоняемый ветром, он тщетно
Ждет найти пограничье своих очертаний.
Вот и чистые игры заплещутся в охре,
Игры выползков, и обнажившись на дне,
Все следы амальгамою влаги зажгутся:
Тело луж ослепительно! — очи огромны!
И нескромны, как жизнь нескромна
К тайнам исчадий своих…

Недостойные жизни — достойны лишь зла и добра.
Тем, кто истинно есть — тем прилична иная судьба:
Терминатора света и тьмы; в оседании мути
Наблюдать проясненье кристальное сути.

Грязь добром не унизь!
Там, где грязи подходы открыты —
Жди рождения новых открытий.

А иначе ты сам
С болью своей и любовью —
Лишь безумный агент страховой,
выживший в атомном пекле,
Что, размахивая пачкой горелых листков,
Ищет под пеплом наследников.

* * *

В этом безмолвном пруду ослепленной Земли
Города — как кувшинки: раскрывают соцветья
лишь ночью.

Веря — молчи. Но не веруя — тоже молчи,
Ибо каналы твоих восприятий висят на цепочке,
На брелоке всенощного стража Петра.

Если где-то в рай и открывается дверь,
Может, совсем не тебе, но по звону полночных
небес
Понимаешь — кому-то
Ты воспарению чувств бессловесно поверь,
Ибо подошва твоих восприятий
Кремнистой дорогой разута.

Вряд ли столь важно,
кто
пропуск в Эдем получил,
Когда в полвторого тебя фонари погружают
в затменье,
Важно, что есть эта ДВЕРЬ —
ну а ты иль не ты —
выше и выше вовек твоего разуменья.

Женщину встретив полночной порой,
не доверься глазам,
Различающим ясно лохмотья и выступы плоти:
Может, это — ниспосланный грешнику ангел небес?
Только глаза загрубели, и сердце бесстрастно
колотит?

Пьяного встретив — песни за райское пенье прими
(в это ли время ушам неразумно поверить?)
Так в этот час обратится в дорогу тупик,
И на бетонной стене обнаружатся двери.

В игры невинные
с тенью и светом играй.
В сердце великая
смена эпох происходит.

Может, сейчас
на тебя
благодатно нисходит твой рай,
Лишь потому,
что к кому-то
он вправду нисходит.

Молчаливый соловей

купальщицы ногой босою море крови топчут
тепла ль еще? не застудит ли грудь?
Мой Соловей, пропой им, не забудь,
шипом прокалывая сердце, песню,
с которой Лодочника провожал ты в путь.

того, кто спился от работы вечной,
кто знает, что на берегу ином
их встретят тени вьющихся растений
и те же муки — год за годом, день за днем.

да, песня та была всем песням песнь!
в ней не было ни звука: сочетанье
ритмических фигур молчанья
и в гармоническом порядке
ты слил с молчаньем пустоту
и дал нам зримый образ неживого тела,
хранящего живую красоту.

ведь то был самый лучший похоронный марш!

и с этой песнею купальщицы вошли
в кровь по соски, и закипела пена,
маня их, словно некая сирена,
нырять, и пить,
и грезить наяву.

«Все то, что жизнью выпито из вас,
вам возвращает смерть, не требуя оплаты.
И Демоны, как верные солдаты,
Вас охраняют в этот час.

Ваш ложкой выскобленный мозг
не дал бы вам таких наитий,
как этот Лодочник пропитый,
осуществивший перевоз...»

Пой, Соловей, храня молчанье!
Им, промолчавшим жизнь насквозь,
Пусть станет лучшим наказаньем —
на темя — капли старых слез…

У зерцала вод

ночные экзорцисты беспардонно
изгнали дух тумана из пучины
студеной лужи
ее эпилептический эллипс
дымился раскаленной сковородкой,
и плавали по ней зрачки

для Вас глазунья, госпожа Безумье!
из лучших глаз — все на показ!

тонуло в озере за отраженьем отраженье,
и в озеро бросались прототипы,
ныряя до изнеможенья

уж бездыханных полон берег

одетые, нелепо собираются опять
они, пожалуй, только в это верят —
лишь в то, что повторяется опять

небрежно голова сидит на шляпе,
подходят плохо руки к пиджаку,
ботинок жмет нога

они не пожелали скрыть тоску —
свое очередное развлеченье

вот у зерцала вод собрался весь народ
и просит воротить вчерашний день,
когда еще не умирала тень,
когда еще само несло теченье

теперь руками надо им без промедленья
грести самим, чтоб не почить в воде
тень, первым ты была предупрежденьем!

кто вычел легкость из струенья вод?

виновных обнаружили, и вот
детей своих бесстыдных и нагих
они в огонь бросают, как в цунами,
поднятое вещающими снами,
что снились им, когда они в траве
играли с сестрами в волнующие игры

здесь, у зерцала вод, идет расправа,
но пенная вода и правых и неправых
зеленою ладонью накрывает

та нежная вода, что ты пила,
та темная вода, которой стала,
та пенная вода, откуда родилась

Пловец

Тени сгущались в чернила,
ими писались кляузы
на улиц ярких лентах
        темными подворотнями.
Плакали глупые ивы
в зеленые воды страха,
падали спелые слезы —
        универсальное рвотное.
В зеленые воды страха
гляделось такси одноглазое,
скользило по ним, ведомое,
        как лодка на перевозе.
В зеленую воду с грохотом
сыпался щебень смелости —
былые колонны храбрости,
        разрушенные морозом.
Скручивались и спутывались
прозрачные волосы вечности,
как водоросли подводные,
хватающие за руки…
        …пловец был последним камушком,

на откуп случаю брошенным,
последним героем Магии,
        последнею жертвой Науки.
Пловец был всплеском и выкриком
в зеленом зеркале стонущем,
нелепым пеплом ярости,
        плевком разъяренного гнева
И те, кто на берег выплыли,
уже почти растворившиеся,
кидали ему с их облака
        небес спасательный круг.

В зеленые воды страха
входили глупые женщины,
взвизгивая от удовольствия,
        пробуя воду ногой.
В этой визжащей массе
нелепо пловец барахтался,
укутан водой, как Истина,
        в воде, словно Ложь, нагой.
Ах, быль, разновидность небыли!
Пловец, разновидность тонущего!
Нашей борьбы с океаном
        нелепая подноготная…
Плакали глупые ивы
в зеленые воды страха,
падали спелые слезы —
        универсальное рвотное

Ложе

А тени скрадывают тени
И лунных дисков на воде бобы —
Плоды чудовищных растений,
Корм пастырям, ушедшим во гробы.
Акриды с диким медом и мокрицы —
В сиянье глаз пред балдахином дань
Хитином ослепляюще искрится
И освещает синюю елань.

Фиалковые лица ослепленных
Животворят сияющий покой.
Живую дань Царь Насекомых
Берет дряхлеющей рукой.
И мы пришли, два локона сиреньих,
Уступленных прибрежным валунам;
Два листика, дрожащих в опасенье
Прервать счет гипнотическим слонам.

Слонов считали, потому что сонно
Все плавало вокруг, а спать мы не могли,
Взволнованные плеском патефона
Пруда округлова с лучом вместо иглы.
И чуялось, что Царь придет внезапно,
Узнав, что ложе узурпировано вдруг,
И горизонты вмиг захлопнуты капканом,
Мы сбавим ожиданье хищных рук.

И мы спешили, заплетая ноги
В косу Лилит, успеть познать ночлег,
Пока нам не швырнули громы боги,
Как будто на спину холодный снег.

А ведь сейчас, в плачевное мгновенье,
Когда поднялись груди-жемчуга,
Арена боя в чудном мановенье,
Наставит миру карликов рога.

И предводитель карликов, Царь Муший,
Сам Бель-Зибаб, швырнет нас от грудей,
К комедии, известной под названьем
Истории Трагической Людей.

30.07.1978, с. Ловозеро

* * *

О эльфы! Лица, стиснутые рамками
Моих мир искажающих очков;
Изгнанье беса радости из радуги
Мишени концентрической зрачков.

Они тебя вели сквозь мятый папоротник
И берегли от змей в малине, только где,
Как к ягоде, к ноге влекущей маленькой,
Браслет из раковин на золотой ноге?

И прозябали мы в своем неведенье,
А эльфы волокли речной браслет,
Туда, где мы бывали не последними;
В овес, в крушину, в ежевику, в бересклет.

В траву бросали смятую, где помнили
Травинки тяжесть двух гранитных тел,
Где все увидели глаза росы, где пролили
Молочный сок и очиток и чистотел.

И в раковинах, что травою тронуты,
Уста песка детей произвели:
С глазами желтыми, увенчанных коронами,
Вооруженных памятью золы,

Золы сожженных дней, бескрайних гарей, пустошей,
Сердец разбитых и твоей любви:
Твой пот стал кровью величавых юношей,
Зубами стали ссадины твои

Те ссадины, что никакие грешные
Не сделали б, ни шиповатый лес,
А выскребло в лодыжках путешествие
По битому стеклу твоих небес.

Чудовищно огромные, прекрасные,
Они под утро вышли из лесов

И мерно шли дорогами опасными
Все дальше, прочь от наших слов и снов.

Чтоб нас сберечь, в траве лежащих сутками,
Они причину уничтожить шли
Тех бед, что предвещали бедным путникам
Горгоны волосы из-за холмов вдали.

И мы, родители, не слышали о каре,
Постигшей чорта на холмах вдали,
И белое, лишенное загара
Цвело кольцо на стебельке ночи.

И мы в ночном дыханье не слыхали
Звучанье битвы: утренний наш слух
Лишь звон жары и луга наполняли,
Жужжанье то ли эльфов, то ли мух.

23.07.1978, с. Ловозеро

Дом палача

что больше выжимает слез из век тряпичных?

руки тех рек, к которым вновь нельзя вернуться

и мы потеряны в кустарнике когтистом
дрожим и падаем, бежим на огонек
как страшно, если лист в лицо ударит —
зеленая пощечина из тьмы!

деревья вынут корни из земли,
обуют их и двинутся в дорогу,
чтоб скинуть иго человека
недолговечное: его поглотит лес

все потому, что провели мы детство
в библиотеке пыльной,
во дворе хромого Дома Палача,
к которому не приближались
благопристойные

и эта щель в стене, и дачный флирт
и лень в тоскливый полдень, и девчонка,
ведущая, как тропка, в луговину —
все обернется против нас

ты помнишь: она купалась голая в реке,
и этот знойный луг ты проглотил,
как горькую пилюлю самосознанья
и фатальности кончины
под шпагой леса, сдвинутого вдруг
и недоноска с воинством зеленым?

а ей уже за двадцать было,
порочность обещала целый мир…
но как ты равнодушен был!
и только тихо удивлялся,
что речка вылилась из берегов —

так много было в этой женщине
напева пеночек и плеска

О Дома Палача тоскующие дети!

* * *

просыпаясь между двух тел —
теперь уже вне гравитации
плавая и растекаясь
над расколотым мрамором
собственного изваяния

просыпаясь между двух тел —
не в силах пить гнилую воду
в стеклянной поллитровой банке
и даже не нуждаясь в ней
и ни в чем — кроме пламени и полета

просыпаясь между двух тел —
ты еще не понимаешь
что создал Новый Запрет
из невинности девичьего бунта
и что он готов вырасти в Ветхий Завет

* * *

Здравствуй, то, что за закрытой дверью,
то, что встретит в сумерках прихожей,
спрятавшись в пальто не первой молодости,
уцепившись за рукава бесформенные.

Сладкая тревога в гардеробе.
Платья смущены его присутствием.
То один карман, то другой оттопырится,
колыхнутся деревянные плечики.

Здравствуй, то, что под диваном выцветшим.
То, что под разбитой пепельницей.
То, что испугавшись выключателя,
скроется и больше мне не встретится.

Не бойся. Не визжи. На стол не прыгай.
Это просто карликовый тигр
воспоминаний, жвала навостривший,
паутину в туалете свивший.

Бесполезно плакать в коридоре —
встань к окну, и ты увидишь море,
огненное и бесформенное.

Первый день Содома,
первый день Гоморры.

* * *

это еще не ненависть: так, лишь вспыхнула спичка,
выхватив из темной комнаты два безликих лица
плачущие, звериные, не знающие, какого черта ради
они глядят и дышат одно в другое

это еще не ненависть: легкий зуд на шкуре огромного
черного животного,
лижущего лоно той, которой мы страшно боимся,
будучи ее сторожами и кормилицами

это еще не ненависть: случайная пощечина
в ресторане,
после которой, как это ни странно, все остается
по-старому,
и те же босые желания, спрятавшиеся
под диванами —
босиком по грязному полу

это еще не ненависть: только легкое брюзжание
перед иконой, смысл которой еще не осознан
это скитания в темных лесах подсознания,
нечто неосязаемое

это еще не ненависть: только лишь вид бурления
некой вязкой жидкости,
вечное промедление
это — словно где-то на помойке
среди банок консервных зачинают дитя

и на этой помойке пробуждается жерло вулкана

Поминки по упоению

босоногое упоение отыскивает осколки стекла

кровяные прожилки стопу в лепесток превращают
расцветает нога и испугано вьется поломанным
стеблем

(черный траурный бархат на листьях
молчащей в тени неизвестной травы)

мы его пригласили на праздник вчерашний,
но прогнали, как только дождались зари

серая завязь утра расступились, дорогу ему уступая,
и пошли мы печальной дорогой, где лезвия стеблей
скрежещущих безустально точит тростник

мы не знаем причины, но, верно, оно забежало
случайною гостьей
и потребность в себе не прочло в наших
бесплодных глазах

...и рыдай и стенай и страдай!
но не смей страстно клясть.
Что в проклятьях на голову синюю Неба,
если мы не сумели (и вряд ли сумеем)
любить?

если мы в грязь втоптали путеводную нить
только лишь потому, что она не была золотая?

Ад воров

Сухая пыль поддерживает свод.
Палящий зной заносит молот
на воду хрупкую в оправе тростников.

Пути воров приводят в этот ад:
здесь нечего украсть и не к кому взывать.

Звенит в отчаянье качнувшееся лето
на скользкой кромке исполинских вод,
и отражаются в воде кометы,
пророчащие предпоследний год.

Возьми за воды свой народ!

Но было время водам расступаться,
когда тяжелый караван мог проскользнуть.
Теперь преследователь совместился с жертвой.
И некуда бежать. И от кого бежать? Забудь...

У края вод собрались воры.

Чужую боль, любовь чужую
опустошая как карман,
надеждам пели аллилуйю...

Но ремесло сломило волю.

И все осело в легких памяти, как пыль:
и тонкие и хрупкие богини,
дожди, прижавшие своим расстрелом к стенке,
спокойный сон на пламенной росе.

Вся пыль на полке памяти осела.

Весь прах отдать?! Карманы вывернуть и этим
искупленье и облегченье приобрести?!
И легкими как луч преодолеть
бескрайнее пространство?!

Но черви с неотступным постоянством
желают неотступно руки грызть.

Не утешайся тем, что это — месть.
Месть — преходяща. Ад пребудет вечно
С тобой — когда в тебе уже он есть.

Когда в себе его взрастил беспечно.

* * *

Бессонны очи пустоты;
Ей, не наполненной смятеньем,
Век простоты быть воплощеньем,
Не зная прелесть простоты.

Ей — вечно к призракам на грудь
Склоняться головой пустою,
Век вслед за смутною толпою
Фантомов выбирая путь.

И, пролетая сквозь года,
Сама себе лишь интересна,
Всепожирающая бездна
Любви не встретит никогда.

* * *

по водам призрак снова вынудит ступать
туда, где каждый шаг за чудо
почтут немые обитатели глубин
и сердцу снова нужен господин,
чтобы продать его, как продавал Иуда,
и отрицать его и, низведя в ничто,
остановиться перед выбором великим,
вновь обратившись просветленным ликом
туда, где чувства новые и новые молитвы
заставят снова буйствовать его.

Потоп

набросил небосвод на лица жертв свой плащ,
и снизошла вода на крыльях грома
в хрустальных змеях струй
        прозрачными ногтями
вцепилась в листопад
        — и порвала листву
и заметалась с плеском под ногами

язык ее слизнул все краски с улиц
и растворил в гортани пенной слюнкой

чудовище воды подмыло стены
        — и погналось за собственным хвостом

спокойствие!
поближе к сердцу жарко
копченых языков огня не жалко
шипят желанья на сырой траве

и так прозрачна, лжива и доступна
сухая страсть в объятиях воды

Второй потоп

наполнен, уходящий тяжестью в песок,
ты попрощался с поздними цветами,
с камнями, где вскипает очиток

стекают слезы с глаз, ресничными зонтами
прикрывшими весь череп, и встает
надбровие рыдающим цунами

и пережить возможно ли потоп,
когда ковчег былым столь перегружен
и флаг разорванного неба хлещет топ?

о той, об этой вспоминая, этим
себя отдать пытаясь — кто мог знать,
что содержание, расплесканное летом,
оборотит поток воспоминаний вспять,
и вряд ли удается рассказать
о мелодичности однообразных дней
тоскливых,
коктейле неба с желтою оливой,
о том, что составляет в целом
неповторимость человека,
о прищуре
глазного уголка
пленительного ящера горы
все рассказать, особенно когда
ступня предгрозовая тишины
зависла над заброшенным селом, и струйки
песка, стекающего с пальцев, шепчут
еще одно смешное имя бытия

* * *

Эту старую кожу, местами порванную,
набросив на плечи души,
выходишь в мертвый утренний дождь ощущений.

Затерявшуюся в складке, сломанную сигарету
дыхания
Зажигаешь быстрой спичкой открытого глаза.

Кепку черепа с густым козырьком
накинув на сновидения, как на насекомых, которых
усердно
ловил в детстве.

Выходя
на
чужую
улицу,
враждебную
улицу.

Когда станешь домоседом?

Когда больше никогда не придется
надевать эту вышедшую из моды одежду,
пропахшую пробуждением?

Просыпающийся облачается в себя
спросонья на левую сторону.

Всегда на левую сторону.

* * *

я возвращался домой по улице темной,
словно танцор — по минному полю
каждый шаг был выверен — но и рискован,
каждый удар сердца — грозил детонацией
я увидел огненную черту — поперек улицы,
и за ней — уходящих вдаль юных героев,
пишущих кровью имена женщин
на стеклянных стенах
узкого и мрачного коридора
отягощали карманы невыполненные планы,
но головы, как аэростаты — тянулись
к высокому небу,
искривляли лица злокачественные пороки —
так долго сердце жило на воде и хлебе
оглянувшись назад — я вдали увидел
робко ступающих — по моему следу
я понял — я должен лечь поперек
и загородить проход усталым телом
девушки, строящие на песке воздушные замки
великой жертвы,
юноши, выкрикивающие пункты обвинения
— о, я должен быть последним и первым!
и я упал на черте — не дойдя до дома,
и увидел — стекленеющими глазами:
они шли по следу — ничего не заметив.
переступая через тело ногами.

Предел

Достигнув предела пути,
Я оглянулся, чтобы описать путешествие
Лицам, пославшим меня сюда.
Хоть в дороге мне снились иные сны,
Чем вам, оставшимся дома,
Хоть увидел я столько лиц,
Что я лица родных не вспомню —
Вид стены, преградившей мне путь
Вдохновляет меня на поэму.

Стена, как и положено старой стене
В романтических образах,
Может быть описана так:
Темная зелень плюща,
Взирающая на путешественника,
Трещины, давшие обиталище
Скорпионам, тарантулам, сороконожкам,
Яркая зелень берез,
Налипшая на глаза,
Золоченая маковка церкви,
Разрезающее солнце в движении к меридиану.

Но если воспользоваться иными словами,
Сочлененными в иной последовательности,
То как вы назовете эту преграду
На пути к истоку всех времен?
Сюда уперлись все призрачные тропинки,
Прорубленные лунным светом
Для лунатиков, бредущих с высоко поднятыми
руками,
Для несчастных, опустивших руки.
Здесь прохладно и приятно,
И есть родник, необходимый для жизни,
Но нет движения вперед,

Хотя по смеху детей мне понятно,
Что и по ту сторону стены есть жизнь.

Познав измену раньше, чем женщину,
И женщину раньше, чем любовь,
Я теперь познаю окончание жизни
Раньше, чем смерть.
Потому что, как ни приятно будет
Существование возле стены,
Оно не продвинет меня ни на йоту дальше.
Радует лишь сознание того,
Что ни один,
Ни один из попутчиков
Не перейдет на другую сторону Старой Стены.

В одни времена стена — лишь препятствие,
По преодолении которого
Новое солнце восходит —
Барьер революции образа жизни и мыслей.
Но время от времени в ходе веков
Стена становится неодолимой.
Это время, когда эмаль листвы
На воде прудов
Знаменует конец старой жизни,
Но новой еще не видно
За выпавшим снегом.

Для пальцев слабых остекленела поверхность
Стены.
И мысли погрузятся в оцепенение беременности
У Старой Стены.

И дети, играя, полезут за стену,
Как в сад
Соседский.

Поэтому жду терпеливо детей я.

* * *

дети Больше и дети Лучше! дети, вспомните,
вы — дети Случая,
вероятностного взаимодействия
лицедействуя и злодействуя
на подмостках, что мнятся бытием,
единичное вы событие,
недостойное званья открытия
создавая свои концепции,
вы и сами — всего лишь концепция,
что нуждается в доказательстве.

Кривь и кось

корявые ветви деревьев — фотографии кумитэ
приготовимся, дети, к тяжелой борьбе:
мы должны уничтожить себя в себе

я — за все извращенное разом:
в нормативном нет хитрости разума,
нормативное — память о пастбище

кривь его превращает в ристалище
кось его превращает в сражение

кривь и кось не дают повторениям
подменять собой отражения

грязная женщина занята грязным делом
    пифагорейские сферы
    золотые созвучия
    энергии тучи
    ветры высот, текущие через
    пиратский флаг, что полощется в хаосе
    выше мелодия, выше нота
        обрывается

корявые ветви деревьев — фотографии кумитэ
приготовимся, дети, к тяжелой борьбе...

* * *

Телефонный номер Бога.
Таксофон. Напевы диска.
Пережеванные строки
Вяжут зубы, как ириска.

А снаружи: стон и грохот
Пробежал чугунной крысой.
Жаждет под унылый хохот
Ветер Землю сделать лысой.

Вызывающе и грубо
Скалятся в ночи березы,
Словно мраморные зубы
Крутобедрой чернокожей.

В непрозрачности незнанья —
Ни единой вспышки, кроме
Искр огненных рыданий,
Пробежавших по соломе.

Смолянистая дорога.
Две заломленных руки.
Телефонный номер Бога.
И короткие гудки.

* * *

Рано или поздно ты обнаружишь,
что безумье твое за притворством не скрыть.
И, над бездной баюкая на руках
нерожденных детей в пеленках свободы,
ты свой взор просветлишь, чтобы взгляд потемнел.
Ядовитые слезы на жалах ресниц задрожат,
и, впервые решившись гниению мысленно
тело подвергнуть,
— засмеешься над тыщей напрасных шагов.

Вспомни, Господа ради, дитя, стрекозу у пруда,
что дрожала, как жилка, на мраморной шее
березы,
и соленую кожу, где бился в крутых буранах
твой корабль не раз, ожидая слияний
и претерпевая крушенья.

Погаси телевизор и дверь за собою закрой.
Once again you must hit the road.
Прикоснись к голубому клыку ночных освещений.
И рискни, наконец,
вечно связанный тысячей пут,
совместить свое я с я чужим в единенье великом.
Останавливай пьяных, прохожих считай за друзей.
Будь
что
будет.
Конец —
неизбежен.

И чудесный фиал, что тебе безрассудно вручен,
наполняй чем придется. Клади так, как ляжет.
Укрепляет все сплав. Тает в сплаве все, как
шоколадные женщины
на солнечном пляже.

Магнитная любовь

Нежные черточки напоминаний
Облекаются пышностью безудержной памяти.
Яростный воздух
Бурю поднял
В стакане черепа.
Исход аллеи, обсаженной липами,
Предрешен стальным прутом дикого аромата,
Который ты запомнишь навечно,
Который года один за другим
Насаживает чеками,
Уплаченными за доли жизни.

Иди без стеснения,
Думая, что душа
Застегнута на все пуговицы,
Хоть и станет
Розовеющая нагота
Достоянием холодного объектива Луны.
Лица шепчут под ветром,
Очищающим стратосферу твоей мысли
От увядших ладоней осени.

Снова дождь упадет к пояснице, как платье —
Человек, в мир пришед нагим,
За колонны дивного храма прячется.

Будь ящерицей, а не птицей —
Хоть ты и не взлетишь,
Но обманешь дьявольскую руку
И твой хвост издевательски в ней изогнется.

Ты — открытая дверь,
Из которой выходит
Затихающий смех;
Облизывая сухие губы,
В темноте нащупав

Изобразительное богатство раздетого тела,
Или, совершив иное экспансивное движение
К эйфории — остановись:
Не задуматься, а принюхаться, сделать привязку
К звезде путеводной
Изведанной ласки,
Чтобы не потерять ориентацию
На Магнитную Любовь
В темном лесу
Неизведанных впечатлений.

Если ты стоял на балконе
С сигаретой в руке,
Словно бог, снисходительно наблюдая
Линьку весны
И массированную атаку
Детских колясок,
То что стоит тебе
Еще раз раствориться богом
В плывущем весеннем запахе?

Пробуждение памяти откровенно —
Не стесняясь наготы, подгоняет она чужую одежду
Под тело свое.

Так и иди — смехотворно медленно
Вдоль аллей, обсаженных лицами,
Останавливаясь на секунду
(Лишь когда асфальт липок)
Перекусить
И утихомириться в слиянии с сигаретой
У полуосвещенной стойки.

Измена

и осень начинает раздеваться,
лишь только наступают холода —
сперва приподнимает край одежды,
внезапно покраснеет от стыда,
синея утром от желтеющих туманов,
желтеет, лихорадочно дрожа —
и в окончанье, —
вся донага:
как высохший коралл
торчит остов лесов,
мычат напившиеся облака,
как ветер, застревающий в проулке,
не смея сделать шаг,
боясь разворошить палас кукушкиного льна,
переминается сосновый лес с ноги на ногу,
качается, устав стоять — и тут же засыпает

березы в исступлении нудизма
кистями крон печально лакируют небо,
и ели черные, закутавшись до пят,
насуплено глядят
и иглами пытаются содрать
лак бирюзового загара

но лиственница среди них
стоит, раздевшись,
сочувственно глядя на пляж берез
и по углям идет,
а ели раздувают
гранатовый огонь

Изменщица — Измена!

Чеснок

Прочисть ноздрю пророчествами древних,
и ты учуешь, как натерт внутри
сих глиняных расколотых сосудов
Чеснок Дурных Деяний.

Уныло песнь поется колесом,
вращаемым Мидасом и ослом,
сознание отличности растет в них,
и крепчает
Чеснок Дурных Деяний.

Возвысится, чтоб смерти избежать,
Но смерть страшнее высшим, чем простейшим —
И в страхе тянутся они все выше снова,
и вместе с ними тянется
Чеснок Дурных Деяний.

Очищенный и злой, накрошенный, натертый:
тобою привлечен, уже летит Четвертый,
Страшнее первых трех, и он крещен огнем.
Он носит имя Трезвого,
и из следов копыт его
растет Чеснок Дурных Деяний.

* * *

По переулку, по переулку
Гуляет ветер, бессонный ветер.
Стучит он в ставни, колотит в двери.

«Эй, прихожане, стелите коврик,
Молитесь страстно, молитесь долго,
Целуйте землю!»

По переулку, по переулку
Несется пламя, сквозное пламя,
Всех очищая своим дыханьем.

И через пламя проходят души
Всех оскорбленных:

Дев престарелых, их черных кошек,
Жен изможденных, отдавших лица
Огню плиты и пене мыльной,
И стариков, кричащих тщетно
В припадке пьяном пустым карманам.
И тех, в ком старость таится скрытно
И проступает сквозь их поступки.

И ищут, ищут в путине листьев
Несчастных души: себя и время.

По переулку, по переулку
Идут, танцуют, поют и пляшут,
Не замечая скорбей пропащих —

Лиц безупречных горды анфасы,
Сердца стальные, глаза — хрустальны.
Воспоминанья! Воспоминанья!

В толпе прекрасных себя находят,
Себя находят и мчится эхо —
— о, громовое! —
Я был тобою! мог быть тобою!

Но отстраняет суть воплощенье —
В морщинах дробится отраженье.
Они снимают ладони падших
С плечей прекрасных и вдаль уходят.

Совсем уходят… навек уходят…

По переулку, по переулку
Гуляет ветер, бессонный ветер,
Колотит в ставни, молотит в двери.

Молитесь ветру,
Нерожденные дети!

Ангелы в форточке

i. Пришли времена

Вторгаются ангелы с чашами, полными горечи,
в окно моей спальни и будят меня
влажным хлопаньем крыльев: пришли времена,
держась за руки, от похмелья прозрачные — Боже! —
пришли времена, те времена, что прошли…
И пальцы возложены на окончания молний —
застежки старой кожи разошлись —
устав кусать грудь белой клеопатры,
сатиновой, набитой пухом и пером,
я приползу линять под умершим окном.

ii. Под Окном Дома

Здесь, под Окном Дома, куда я вечно возвращаюсь,
ослабляя крепления дыбы, на которой подвесил
я память,
протерев формалином блестящие крючья…
Под этим Окном, прорубленным в коже того,
кто из тайн пирамиды слагает,
очень давно танцевал я Пьеро
в маскарадном наряде болвана…
Очень давно я верил, что любовь — выключатель
магнитофона с искрящейся от пьянств музыкой
пробуждений…
Сюда, под Окно Дома, куда я вечно возвращаюсь,
я приношу новый виток спирали, новый венок
для сераля тех красавиц,
что золото перековали на монету —
металл вечно юных волос.

iii. Корабль за невольницами

Ночные улицы — простор для карнавала
гулящих ветров в балахонах из газет…

По улицам друзья идут к большому Кораблю
конца своих скитаний, на котором
привязаны, как привидения, и стонут,
и мечутся как паруса для сонных Эльдорадо —
непобедимая страданьями Армада —
сонмы Чистых Белых Простыней.
Ах, легкие полны предвосхищеньем
грядущих вздохов, трапез на траве,
и берег путешествия звенит
как колокольчики пленения
на ногах невольниц,
с волненьем выбегающих на берег
навстречу Кораблю.

iv. Danza de flores

Мы вас любили, в вас себя любя,
Вы — соучастники открытия себя.
В руках, казалось, брякали Ключи
к любому сердцу от любой двери.
Мы — феи ваших приключений наяву.
Рычали пятна, желтые, как ягуары,
а попугаи переулков повторяли
слова любви на сонном берегу,
пока к нему не подошел Корабль
и вы с него на берег не сошли.
У вас в руках лежала Музыка, которой
так не хватало солнцу джунглей и страстей.
Танцуй, моя сестра, танцуй!
Пятнадцать золотых колец на срезе бедер,
пятнадцать светлых годовых колец.
Танцуй, моя сестра, танцуй!

И грудь твоя, как носик твой, курноса,
и ты еще не задаешь вопроса,
но ты уже ответы знаешь все.

Танцуй, моя сестра, танцуй!

Лупите, черномазые, по бонгам!
Сосудик вьется вверх по щиколотке тонкой,
он алым в лоне расцветет цветком.
Танцуй, моя сестра, танцуй!

Низ живота курчавится дремуче,
кора лодыжек в бархатных обручьях.
Я — глина, будь для пор моих водой!
Налейся, как в сосуд, в мой глаз пустой,
заполни пустошь меж закатом и восходом,
будь голой непосредственной природой,
танцуй, моя сестра, танцуй!

v. Love labour's lost

— Где же вы?
Вечно непосредственные, нашей юной жажды утолители.
Где же вы?
Юного безумия добрые целители?
Где же вы?

— Там же, где и были —
в Гренландии и пыли —
Скептически губы застыли,
мы начисто нынче былое забыли.
Стояли на пороге, да не знали дороги.
Думали вечно свечами гореть
у изголовий юных безумцев,
но нынче мы ищем иное.

— Что же вы?
Те, кто так любовь ценили, ради одних ее усилий.
Что же вы?
Те, кто все терять готовы, но не обрести оковы.
Что же вы?

— Терпеть мы вечно не могли.
Не претерпеть того, что нам готовит плеть.

Мы вечно не могли хотеть, хотеть…
Теперь любовь не цель для нас, а средство!
Зачем манить обратно в детство нас?

Желанья ваши были святы, но — плачевно! —
лежал под пологом хромой и умный бес,
и он желал совсем иначе, что ж — поплачем —
но все и впредь останется как есть…

vi. Машина ищет хозяина

Здесь, под окном, где я вечно стоял,
принося обломки спирали,
Сквозь боярышник, скрывший места наших
тайных курений,
вечно рыщет дорога, и по ней вечно рыщет Машина.
Вечно рыщет и ищет Хозяина вечно.

Без шофера, сама по себе, утыкается бампером
влажным
и случайно сшибает в ночи зазевавшихся пьяниц.
Вечно рыщет машина во тьме.
Пусть вся музыка хищных вечерних гуляний утихла,
все же рыщет машина, и знак номерной
так же полон ее оживляющих букв.

И лишь только один питекантроп, вечно один
питекантроп,
ловит машину под утро и загоняет в гараж.

vii. Morrison’s Song

Я плачу о мачо…
Ему не понять, что бродяга иначе,
чем он, достигает блаженства, вниманья
восторженных женщин с цветами желанья.

Я плачу о бывшем и настоящем…
О бывшем, в цветах
Настоящим не ставшем.

Змея с президентскою дочкой жила,
Нерон где-то бегал, окутавшись шкурой,
но грех человечества не был натурой,
хотя грех всегда — отражение зла.

Я плачу о том,
кто все это напишет,
о том, как в потемках
устало он дышит.

Я сын адмирала,
тень блудного сына,
но та субмарина,
в которой мы плыли…
…он в ней не повинен.

Наивное — глупо?
И свято!

viii. Кофе на небесах

Ангелы вторглись, чтобы весть возвестить
Горлом своим всем детям заснувшим.
Боже! — пришли времена — мы их ждали
за чашкою кофе
со всеми друзьями на небесах.

Ангелы въехали в мою форточку на мотоциклах,
с радостным воплем, на крыльях неся
хлопья первого снега — Боже! — мы снова
подымаемся, пав,
со всеми друзьями на небесах.

ix. Baila, mi hermana (pasada segunda)

Танцуй, моя сестра, танцуй!
Тело женщины, бейся и вейся,
На объятия снова надейся.
Танцуй, моя сестра, танцуй!

Мы еще повторим нашу жадность

К немедленным переменам.
Мы еще повторим, повторим —
Непременно!

Танцуй, моя сестра, танцуй!
Это все отступленья: давши раз представленье,
Мы немного устали…
Повторяем сначала!

Ведь не зря ангелы влетали в мою форточку
Танцуй, моя сестра, танцуй!

13 октября 1980 года

* * *

Сорвала Ева с древа
не натуральный плод,
А было это, верю я,
пюре или компот!

Кто ест пюре из яблок
По утренней поре,
Тот в тысчу раз счастливей
Не кушавших пюре.
Возьмем мы для примера:
К девице шел кюре
Затем, чтоб исповедать.
Бьет крест по сутане,
Глаза сверкают шало,
Дрожит, как жеребец,
Видавший виды малый —
Ну девице конец!
— «Святой отец!» — «Покайся!
Спасать я падших рад.
А лучше раздевайся —
Так требует обряд».
Летят чулки, подвязки:
Чтоб душу упасти,
Какой не веришь сказке?
— «Ах, девица, прости!»
Поругана невинность —
Но ловок наш кюре:
Чтоб девицу утешить,
Подносит ей пюре.
Ах, дьявольские сети!
Учитесь у кюре,
Живущие на свете,
Дарить другим пюре!

Студент собрался милой
Подарок подарить…
Но денег нет в кармане,
Да и не может быть.
А если бы и были,
Так что же? Все равно
Для дам искать подарок
Мужчинам мудрено.
Убеждены мужчины,
Что тысячи сортов
Духов и прочей дряни,
А равно и тортов,
Даны товарам этим
Лишь с целию одной:
Чтобы как можно круче
Расправиться с мошной.
Куда ж идти студенту?
И где искать ответ?
Печально настроенье,
Как прерванный минет.
Но чрез тысячелетья
Мерещится кюре:
«да отвяжись от бабы!
Пусть лопает пюре!»

А она говорит

а она говорит: «Не мешайте мне спать!..»

и Держатель Тумана с молочною кожей,
с ветряком на макушке,
напрасно он гонит
своих снежных овчарок

там, где Это и То сочленились у гор
в морщинах природных страданий,
напрасно он гонит
своих ледяных овец

а она говорит: «Не мешайте мне спать!..»

«а я-то уже умер…», — маленький ей повторяет:
«О, я долго автобуса ждал!
И внутри все дрожало, перемен ожидая
единственной верной такой…»
— маленький все повторяет

«и всякие-всякие были — для песочницы,
для прыщей, для уверенности юного буйвола,
для очков, для морщин, для седин,
для скрещенных рук
и потертых монет на глазах», —
— маленький все повторяет

а она говорит: «не мешайте мне спать!..»
а она говорит: «ну прошу вас, оставьте в покое…»

На старой бойне

Пустырь и няша. Жесткий ветер
Обрывки воздуха несет
И клочья неба. Ветер метит
Земле во вспученный живот.

Здесь — вздыбленный навстречу ветру
И недокончивший прыжок,
Приваренный к скелету смертью,
Гниющий лес оленьих ног.

Здесь рыхлый череп размозженный
Готов, задрав облезлый хвост,
На сухожильях напряженных
Буксировать свинцовый мозг.

«В пустых орбитах, вне вращенья,
Прыжок растянут на года:
Судьба последнего движенья —
Быть неподвижным навсегда.

И из себя шутов мы корчим
И ищем взглядом, кто бы смог
К иному бытию окончить
Наш неоконченный прыжок».

24.07.1978, с. Ловозеро

Бижутерный дождь

Сперва струились волосы…
Потом,
В прекрасном утопая водопаде,
В круговороте зеленоватой бронзы,
Как бы моля об истинном спасенье,
Взмахнули руки через занавесь волос —
И каждый палец золотом занялся,
И так отяжелели пальцы,
Что руки к бедрам, вниз, бессильно пали,
И там, обвиснув, как две бронзовых струи,
Вдоль туловища обветренной скалы,
Журча, в бессильном жесте свились,
И сразу стали золотом глаза.

Сперва струились волосы,
Потом…
Потом огромное и золотое тело
Рассыпалось на маленькие струйки,
Как будто сбившиеся волосы
Натужно расчесал огромный гребень…
…и дождь бесился и звенел.

Что ж, научи меня, гроза,
Изысканному мастерству быть каплей.

Когда даная,
Дежурная, очередная,
Свои колготки надевая,
проходит к сизому окну
И, на морозные узоры
Бросая ледяные взоры,
Стоит,

То зеркалу в прихожей
Весь этот город кажется похожим
На сон, пролитый в лоно вкрадчивым дождем.

Единственная верная Даная!
Я постепенно ощущаю,
Что в каплях слов моих и ласк
Металл на медь
Привычка замещает
И ярче блеск становится,
А теплота бледней.

Я золотом быть разучился.
Кольцо души моей перековать
Под палец твой так трудно —
Хрупок сплав.
В зеленой пленке окислов
Лежит он
И дышит тяжело в припадке астмы.

А помнишь, я умел…

Ятрышник цвел.
Осока протыкала натянутый батут пруда,
Где акробатику показывали нам
Лягушки из зеленой яшмы.
Мой красный клюв
Срывал кувшинку,
И грудь высокую твою
Я осыпал цветком —
Одним цветком.
Бил белыми крылами
По бокам
И шеею ласкал протянутую руку…
Потом я твой коровий бок крутой
Поглаживал рукой при переправе.

И страшно мне теперь
Так, словно побывал
В другом краю, где медленнее время,
И через год, назад вернувшись, обнаружил,
Что умерли все те, кого я знал.

Забыто мастерство метаморфозы
И вновь со мной спокойно,
Но порой
Взгрустнешь в мечтах, чтоб что-нибудь случилось.

ХОТЯ БЫ ДОЖДЬ ПРОЛИЛСЯ ЗОЛОТОЙ…

* * *

Звезда Печали! Знаки Зодиака
Молчат, как задремавший зоопарк.
Рожденный под тобой, рожденный плакать,
Над кислотой пруда белеет парк.

Здесь Все прошло, печальной бородою,
Как маятником, отсчитав часы,
И клочья паутины над водою
Висят, как клочья этой бороды.

Садилось Все в такси, входило в Небо,
Не попадая в скважину ключом…
(Безглазо было все и слепо —
Здесь пьянство было ни при чем).

Желтели листья, будто ныла печень
У кружевных деревьев, пахнул снег,
И я не поздоровался со встречным,
Остановив вневременной, кричащий бег.

Царапая песок тяжелой тростью,
Сидело Все, укутанное в мех,
Ругало ревматические кости
И испускало стариковский вздох.

Огромный Нос вдыхал осенний воздух,
Через ноздрю в себя вбирая облака…
И горло тишине прорезал возглас:
«Неужто это Все?» — И Все сказало: «Да…»

Астрологическая трагедия

Снег полыхал уже не первый месяц,
И пламя перекинулось на лед;
Снег руки обжигал, за воротник он падал,
Сжигая кожу на спине; во всех прихожих
Сбивали снег, как пламя, с черных шуб,
И толпы раздувались, словно кобры,
Пытаясь отряхнуть напалм с себя,
И пьяные лежали —
Обугленные трупы.

И тут же, в тишине, как в кисее,
Сон с желтой пеною у рта неясно проступает
Сквозь легкий занавес мороза.
Огнетушитель сорван был,
И сразу вьюги смерч поплыл,
Как сказочный огнедушитель.

Ты шел, но кто-то на руках,
Тяжелый от предсмертных стонов,
Лежал, и ты его тащил,
Порою из последних сил,
Порою вновь воспрянув духом,
Ронял его в огонь и поднимал
Опять, невидимого, с ребрами худыми —
Из пламени — на волю, спотыкаясь,
И близоруко шарил по сугробам,
Когда, невидимого, вновь его терял.

И это было первое явление планеты…
А самки продолжали хохотать.

Над омутом летала стрекоза,
Твою любовь изображая этой
Пародией невинной;

Злобный месяц бодал нагое небо в теплый пах.
Стеклянный омут, в котором даже ведьмы тонут,
Ткал как паук вериги из лунных бликов.
Тень по траве скользила,
Едва одетая — ее ты удержать
Способен был, но не способен ощутить,
И, недовольный непознаньем тени,
Ее ты все плотнее прижимал,
Но не подвластна тень была
Проникновенью.

Второй явилась раз тебе планета…
А ивы продолжали хохотать.

И вот, освободившись от привычек,
В латунной шкуре, под мохнатые глаза
Слезливых звезд представ и руку
Вдаль протянув за недоступным и принадлежащим,
Ты в первый раз почувствовал трепещущую плоть
И тут же ощутил разлитье пустоты в руке,
Как бы разлитье желчи.

И пролетали метеоры
Снежков расплавленных,
Которыми играли огромные титаны
С оранжевыми мускулами; а ты
В безумье шарил в темноте руками,
Пытаясь отыскать весомый камень
И бросить Неизвестности в лицо.
Но пальцы расползались
Адамовою глиной и лепились
Вокруг исчезнувшей планеты, не стерпевшей
Прикосновения огромных рук.

* * *

когда мы утонем в холоде,
сведенные судорогой,
наши глаза подберут
и будут играть
голубыми снежками и прочими

когда мы утонем в холоде,
широкую белую спину
ледового демона
в сизых мурашках
увидим впервые воочию

и разные стили мы изберем, утопая,
но выплыть не сможем
из сизого пара,
холодильником нашего мозга рожденного,
из сизого пара,
на лес гипербореев похожего

все более безразлично
взирая на теплые руки
и тихие звуки
дыхания светлого,
будем с трудом различать мы тепло
в окружающих лицах,
скользя по летейской воде
безразличья

бутоны невыпавших градин
друг другу даря,
мы будем на пляжах лежать Января,
там, где граничат моря Позавчера
и снежных песков меловые поля

богиней Фригидой мы будем наказаны,
только поскольку

мы часть своей жизни
прошли по дороге тепла,
но с холодом взглядов и губ удалимся
в страну, где всегда неподвижны все лица,
в страну безмятежную
Позавчера

все боги отпрянут
от наших холодных сердец,
растирая спиртом
побелевшие пальцы
у люка в страну мерзлоты
в поблекшем от осени городе,
где вышедшие случайно наружу
женщины-сосульки
тают и оставляют мокрый след,
заканчивающийся полувысохшим пятном

когда ты утонешь в холоде,
приходи ко мне по адресу
Большакова 101, кв. 74,
ибо у меня есть большой холодильник,
в котором мы сможем поддержать
свое существование
между банкой с селедкой
и огурцами
в волшебной стране Позавчера,
отделенной от Завтра
металлической дверцей

приходи,
приходи в Позавчера,
принося замерзшее сердце

* * *

Земля зимой — огромный белый заяц,
прядающий полосками ушей;
он в собственном дыханье замерзает,
выкусывая звезды, словно вшей.
Земля зимой — принцесса в горностаях,
с румянцем на обветренных щеках.
Она щетиной льдинок обрастает,
Сухие листья вновь перелистав.

Но кроме белых — разных красок
полно… Смотри! вот янтари —
пролитым у забора квасом —
собачьей капелькой мочи.
И канарейкой яркой — лыжный след
срывается с горы, перекрывая
отсветов розовых уютный свет
и кружево кусков коры кровавой.

И на Земли ребристом крае
краснеют два обломка льда:
как будто бы огромный заяц ранен
или принцесса тает со стыда.

* * *

Ты — переписчик мой, небрежною лакуной
Перекосивший замысел стиха,
Задуманного вечером безлунным,
Когда рука еще была тиха

И не кричала, языком тяжелым,
Перо ворочая с немыслимым трудом;
Еще не полнилось безжизненным рассолом
То, что звала живительным прудом.

Не плавали за льдами роговицы,
Пугая белым брюхом, рыбы дум,
И, черновик открыв с любой страницы,
Найти возможно было страсть и ум.

Перепиши! Иль перепишем вместе?
Дай строй строкам могуществом души!
Я знаю: ошибешься в том же месте…
На всякий случай все ж — перепиши!

Прикосновение к запястью

Прослушивает скорбный доктор пульс.
Он собирает в скляночку удары:
В азарте собирателя такого раритета,
Как человеческой души ударные моменты,
Он забывает о синеющем больном.

Не так ли, наслаждаясь пониманьем,
Приговорил к агонии пожизненной
Раскованную душу,
Открывшую тебя
Как новый континент?

Твое нежное отчаяние,
Награжденное орденом Великого Ничто,
Перерастает в бутафорию непризнания —
И так понятно всем, что ты не понят —
Что нечего и понимать в тебе.

Не недооценивай до времени
Насильное объединение беглых каторжников
в пустыне,
Сбежавших глазами из тьмы,
Ушами из пространного молчания,
Обонянием из букета вакуума,
Осязанием из приспособленности к объятиям,
Всей душой — от снега, растертого с клубникой
неона.

Вырастут корни у зуба твоей мудрости
в чужой челюсти:
Дай только время —
Пусть пока связывает нечто,
Уподобленное общей колодке:
Спекуляция провалами ночей
Или общий смех.

Закладывай быков, Дидона!
Ибо земля исполнена благостыни.
Режь бычью шкуру на полоски!
Без геометрической хитрости
Не вместить в одно место этого мира
Двоих.

Эй, эй, эй! Спеши по адресу:
Направляю тебя стрелой из могучего лука,
Пробивающего тоннели надежды.
Меняй номера на машинах,
Знакомься с кюветами в поисках незастолбленной
Бонанцы:
Там (если верить слухам и мне)
Обнаженная Душа засмотрелась
В маленькое чистое зеркальце
Среди хищного ожидания болота.
Столкнешь ее пинком в затылок
Или заботливо унесешь от опасного места,
Сентиментально воркуя…
…К другому болоту?

Эй, эй, эй! Спеши по адресу,
Маленькая красная скорая помощь
С крыльями Эроса.
Прикоснись к запястью,
Слушай пульс, не любуясь,
Заботливо считай

Взрывник у бикфорда катарсиса.

Засохшие деревья январских ночей

Сухое дерево любви ждет молнии небес,
Чтоб полыхнуть огнем. И Феникс гнезда вьет
В его колючей кроне.

Ждет королей семи частей души,
Ждет в полночи
Терновая корона.

Ждет там и здесь: источник улиц сих
Струит девичий смех, и лани изваяний —
Суть пальцы на руках податливых желаний,
Что эту влагу пьют, беременея в них.

Весь город в Вашей диспозиции, о маршал!
Вы, одержавший столько поражений,
Мозг венценосный, воинство страстей.

Белеет на карнизах хлад костей,
Скелет зимы, сосулек стылых ребра,
О маршал, просто был ты слишком добрым:
Переходя Березину огней,
Закутался в свой плащ экс-император Сердце.

Война теней неистребимых дней,
Огонь, угасший в очаге ладоней.

Мы умираем на невидимых фронтах,
Но наши трупы продолжают бой;
Хоть опадали плоти лоскуты, как листья,
Но остов в шторме музыки чернел.

Засохший лес героев юности моей
В натеках красной камеди застыл.
Он обернулся на прощанье, и —
У Моря Мертвого стал солью опьяненья.

О, не будите спящий лес богов,
Друиды с ледяными бородами,
Ночных машин безвольные скитанья
И дьяволы разбойницы Луны.

Лес видит истинной любви благие сны,
И комли, заграждая автострады,
Не ждут из рук весны листвы награды,
А ждут гнилых клыков во рту огня.

Окаменелый лес чувств юноши
Под спудом
Миллионолетий —
Черный антрацит.

* * *

лето набирает номер 03,
глотает барбитураты,
умирает некрасиво,
в долгих конвульсиях.

осень с красным крестом
освидетельствовала труп,
обмыла его дождями
и похоронила под снегом

и только весна
написала проталинами
имя и даты рожденья и смерти
на белой доске снеговой

и, пока лето оживало,
окончив комедию ежегодных похорон,
тальник начал безразлично причесывать волосы,
зеленые волосы над ртутной рекой

и гибкие его прутья выпороли воздух,
чтобы он закричал птичьим криком
от зеленой боли сокодвижения

Физиология звукозаписи

1980–1991

* * *

Я не знаю, где была эта улица,
Я не знаю, где был этот дом,
Я не знаю даже, что происходило в нем.
Люди выходили и падали, волосы на себе рвали,
Одни говорили: «Мы увидели»,
Другие говорили: «Мы узнали».
Я вижу, как сгущается воздух за моей спиной,
Тысячи рук толкают меня в неизбежное,
Но я не хочу.
Я видел людей неглупых и видел совсем дураков,
Но и те другие не могли связать пары слов
Никто не мог объяснить мне, на что это
было похоже,
Одни говорили: «Это день гнева!»
Другие: «Это бич божий!»
Я хотел покинуть очередь, я хотел бежать,
Но верзила с лицом убийцы сказал:
«Ты должен узнать.
Эй, успокойся, парень, у тебя сдают нервы,
Не ты последний, не ты и первый».

1980

Движение к оцепенению

Ты очень доволен и скорбью и болью,
Иного не ждал и в другое не верил.
Конец неизбежен, осталось мгновение,
Ты смотришь на стрелки, ты смотришь на двери.

И тут все приходит в движение —
В движение к оцепенению.

Твой жалкий рассудок приходит в упадок,
Проносятся штормы без звука и формы.
Все, как ожидалось, к, чему удивление?
И в черном костюме пришел День Рождения.

И тут завершилось движение —
Движение к оцепенению.

Открылись глаза и раздвинулось небо,
И в небо глазницы уставились слепо:
Ты смотришь на сцену, на ней представленье,
Что, может быть, станет твоим Днем Рождения.

И ты испытаешь сомнение
В движении к оцепенению!

1980

Пожиратель

Пожиратель всех страстей, скорбей и суеты,
Ждущий за столом приправ к еде, — это ты.
Суетятся рядом люди, каждый с радостью несет
Даже голову на блюде, если блажь к тебе придет.

За столом судьбы сидишь уже много лет,
Поглощаешь ты за годом год свой обед.
Суетятся рядом люди, каждый с радостью несет
Даже голову на блюде, если блажь к тебе придет.

Горами объедков стол покрыт,
Разбежались слуги, кончен пир;
Воздух был наполнен злом,
Ты знал, ты знал, ты знал.
Пир был очень долгим — ты устал.
Должен наступить конец.

В пустоту звучит твоя застольная речь,
Не приходит тот, кто мог тебя уберечь.
Робок ангел твой хранитель — и боится и дрожит,
Если черная ворона путь ему перелетит.

В дверь стучатся трое, сбит запор,
Принесли носилки и топор;
Воздух был наполнен злом,
Ты знал, ты знал, ты знал.
Пир был очень долгим — ты устал.
Должен наступить конец.

1980

Путешествие

Я умер, все в порядке: в карманах пропуска,
Подписаны все справки, печати в паспортах.
На реактивном лифте в неоновых огнях
Несемся в преисподнюю на суперскоростях.

Реклама бьет как выстрел, соблазнов здесь полно,
В ушах орет «Sex Pistols», мелькает секс-кино.
Я сразу испугался и растерялся вмиг:
За жизнь когтями драться я, право, не привык!

Улыбчивые черти сказали мне в аду,
Что я не так воспитан, что им не подойду.

«Ты очень честный парень; конечно, выбирай,
Но если откровенно — иди ты к богу в рай!»

Я умер, все в порядке: в карманах пропуска,
Подписаны все справки, печати в паспортах.
На белом дирижабле, похожем на свинью,
Легко раздвинув тучи, мы вылезли в раю.

Нас приняли в объятья, и все кричат «ура!»,
Кругом висят плакаты за образцовый рай.
У всех на лицах радость, я был доволен всем,
Но строить вместе с ними я просто не умел.

Вдруг какой-то ангел мне крикнул на лету,
Что я испорчен адом, что им не подойду.

«Ты очень странный парень, плакатам ты не рад;
Мы с транспортом уладим — давай обратно в ад!»

Я кончил путешествие ударом в землю лбом,
Из головы все вышибло, не помню ничего.
В глазах опушка леса, в ушах шумит листва,

Стоит избушка рядом, вдали течет река.
Достал я из кармана все справки, паспорта,
Я изорвал их в клочья и в землю закопал.

1980

Шумящий мир

Этот шумящий мир безмолвен и пуст,
Как высохший куст.
Куст урожай принесет — один только плод,
Плод моих чувств.

Здесь растут странные растенья —
Не дают совершенно тени.

Я по шипам иду, ругая жару;
Лучше б я снова попал туда, где я был —
В безумном аду, в бездумном раю.

Здесь живут странные созданья —
Лишены чувства осязанья.

Их рассудок подчинен другим законам,
Потому что боль их коже незнакома,
И жестокость их обычно мне известна,
Я себя бы так же вел на их месте.

Этот шумящий мир мне чем-то знаком,
Я раньше был в нем в обличье ином,
И я на него смотрел с другой стороны
Холодной луны.

Взгляд вперед взглядом был назад —
Вывернул наизнанку взгляд.

И по замкнутому кругу неизбежно
Новый взгляд находит то же, что и прежде.
Постоянство превращений без возврата —
Свойство мира или, может, свойство взгляда?

1980

Последний день воды

Дождь прошел, и улицы пусты,
Но остались улицы сухими.
Это был последний день воды —
Первый день расплавленной пустыни.

И я в пустыне в городе большом,
И в виде миражей остались лужи,
Змеино-желтые глаза песка
Сквозь эфемерность луж глядят наружу.

Все это значит лишь одно:
Что скоро кончиться должно
Все.

А город весь — песочные часы:
Песок пересыпаться будет вечно.
И я бы вечно ждать хотел воды,
Но вечность — это просто бесконечно.

1980

Кукла

Любви мне живой не надо,
Хватит терзать себя.
Мне надо простую куклу
Серийного образца.

Одежда была бы сшита
Модно и был бы вкус.
Глаза раскрашены ярко,
Без голоса обойдусь.

— Девочка, где твой бантик?
Я видел в тебе всегда,
Когда сдирала джинсовый фантик,
Колеса и провода.

Но дальше под проводами
Кукла была живой.
Подсунули эту куклу
С фабричным дефектом — душой.

Все это открылось позже.
Подлый торгаш продал
Эту ненужную роскошь,
Чтобы я психом стал.

1980

Живые и мертвые

Здесь странствию конец приходит у таблички,
«Конец Вселенной» гравировано на ней.
Табличка та прикована к калитке,
Досаден скрип несмазанных петель.

Не в полночь во тьме суровой,
А утром в похмелье сердец
У этой зеркальной калитки
Живого встречает мертвец.

В зеркальном дереве оскал холодной маски,
И в нем смиренье, неподвижность, пустота
Искажены черты пророческим гротеском —
Дурное фото твоего лица

Все меньше и меньше разница,
Вот копией стал образец.
Под звон разбитого зеркала
Живого хоронит мертвец.

1980

451 °F

Пока ты куда неизвестно ходил,
Потушен, погашен твой юношеский пыл
пожарной командой.
Ты не знаешь ли, кто эти люди
В касках и в масках,
С лицами честных героев,
Нечувствительных к боли?

На всякий пожарный случай…

Отвечу я сам за тебя на вопрос:
Когда бы и как бы тебе ни пришлось
С пути оступиться,
Ты увидишь сам, что эти люди
Курс твой исправят
И смело растащат баграми
Твой загоревшийся череп.

На всякий пожарный случай…

Не делай того, что не делал никто!
Кто может представить последствия?
А если нарушится равновесие
Между горящим тобой
И окружающей холодной средой?
Пожарники созданы для того,
Чтобы следить за порядком,
А, значит, и за мной…
Уж не думаешь ли ты, что это
Возмутительная оплошность?
Это просто… предосторожность!

На всякий пожарный случай…

1981

Мир на стене

Настало пять часов.
Куда ты так спешишь?
Спешишь домой прийти
И шторы опустить.

В бумажный мир войти
Плакатов на стене
И там скорей забыть,
Что зря весь день прожит.

Между двух стен
Мечется взгляд
И оживляет
Каждый плакат.

Каждый плакат
Словно окно.
Смотришь ты жадно
Через стекло.

Песни звучат
Те, что тебе
Помогут попасть
В мир на стене.

Среди плакатов ты
Забудешь то, что дни
Слились в огромный день
С восьми и до пяти.

Каждый плакат
Запечатлел
В мире мечтаний
Высший предел.

И взгляд твой
Как телевизор:

Программы
Разнообразны.

Думать о вечерах
Где-то в Майами-Бич,
Утро на Плас-Конкорд,
Ночь на Сансет-Бульвар.
Заочно!

Ты любишь Гиндзу в ночных огнях,
Ранчо на Йеллоу-Крик,
Мартини в Сан-Тропе,
Звуки Карнеги-Холл.
Hi-Fi!

В мыслях этих
Все желанья
Темных уголков
Сознанья разом
Ты исполнишь,
Потому что
В самодельном
Мире все легко.

Я уверен,
Ты не стал бы
Лезть в те джунгли,
Если б знал их.

И не стал бы
Слушать эти песни,
Если б
Их перевели тебе.

1981

Лишняя деталь

В тесном коконе лежу:
Датчик — в нос,
Трубка — в рот.
Через трубки ем и пью
И наоборот…
На экранах все мерцает,
Все живет и дышит без меня.
Трудно осознать, зачем нужен здесь я…

По внутренней связи разносится голос:
— Слушаю вас, командир!
— Это центральный полетный компьютер?
— Да, это я, командир.
— Могу ли я взять на себя управленье?
— Это запрещено!
— В чем же причина, скажи мне, машина?
— Ты подвержен ошибкам, ты слаб.
— Я не согласен с таким положеньем…
— Желаешь играть ты главную роль?
— Я только аппендикс — ненужный придаток…
— …к системе, над которой потерял ты контроль!

Трудно осознать, зачем нужен здесь я…

1981

Человек наподобие ветра

Капканы обманов, ловушки соблазнов
Все ставят и ставят — напрасно, напрасно.
Ты видишь насквозь уловки и петли,
Через них пролетая наподобие ветра.

Ты уносишься прочь, как июльская ночь.

На танце, на звуке, на лунном луче —
На чем угодно гарцуешь ты ловко.
Делается очередной поворот,
Рушится очередная уловка.

Танцуя в пыли и в поту душной ночи,
Чего же, чего же, чего же ты хочешь?
Нелепый вопрос. Не дашь ты ответа,
Через сон пролетая наподобие ветра.

Ты уносишься прочь как июльская ночь.

С такой же как сам ты на крае стены…
Всего сантиметр от гибели верной…
Ты даже об этом не думал, наверное?
Ты, человек наподобие ветра?

1981

Homo Superior

В черной коже, спокойной походкой,
Не глядя по сторонам,
Ступая уверенно через Вселенную,
Он приближается к нам.

Словно колодец с водою холодной
Взгляд его глаз стальной.
Словно урчание преисподней
Голос его ледяной.

Homo Super… Homo Superior!

Ты не можешь промолвить ни слова,
И голос как будто бы сел.
Сегодня, к стыду своему, ты увидел
Ничтожество собственных дел.

Как деревья с корой вековою
Эти пальцы могучих рук,
Жилы тугие на пепельной коже,
Словно натянутый лук.

Homo Super… Homo Superior!

1981

Призрачный гость

Мокрый асфальт,
Меркнущий свет фонарей.
Я бы хотел
Добраться домой поскорей,
Но я боюсь, что мне не дойти.
Я собьюсь нарочно с пути
В мой дом.
Растворюсь, как соль в воде,
И растаю, как снег в руке,
Во тьме.
Город ночной
Вместе со мной недвижим.
Замерли мы на полпути
Вместе с ним.
Может, сейчас, словно в дурном сне,
Странные в ночь крикнут слова мне:

— Что ты стоишь? Поспеши! Робкий…
— Зря ты дрожишь — не свернешь с тропки!
— Как ни плутай, ты придешь к дому:
Третий подъезд, седьмой этаж…
— Словно в пустоту, в комнату свою
Войдешь ты призрачным гостем!

Призрачный гость в доме моем — это я…

1981

Мышь

Мне снится сон:
Я серое надел пальто,
Но снять не смог —
Приросло ко мне оно.

— Так и должно быть! Так!
Ты под наркозом спишь
И превращаешься — в мышь!
В серую-серую мышь!

Открыв глаза, я понял,
Что мышью стал, но поздно.
Открыл я рот, но чудо —
Лишь громко запищал:

«За что? Зачем?
Что я такого натворил?
Я тихо жил
И лишнего не говорил».

— Так и должно быть! Так!
Ты был во сне, дурак!
Ты превратился в мышь! В мышь!

Ни за что! Просто так!
Просто ты подвернулся под руку.
Молчи, дурак!
Твой пример обогатит науку.

Нужен эксперимент.
Мы должны знать все на свете:
Почему идет дождь
И отчего рождаются дети.

Любой ценой!

1981

Актер в черно-белой ленте

Был вечером ветер и яростный дождь.
На мокрую тряпку весь город похож.
Прошедшая ночь превращается в ложь,
И утро лежит, как заточенный нож.

Серое небо висит над душой.
Скрип тормозов над сырой мостовой.
Холодно в комнате — ты не встаешь,
И утро лежит как заточенный нож.

Серое небо и серая грязь —
Серых предметов взаимосвязь.
Я вижу кругом только серую грязь!

Увидишь ты синего неба куски
Над макушкой своей и встаешь на носки,
И тянешься пальцами к облакам…
Вдруг больно бьют тебя по рукам!

— Выкинь глупые мечты, вернись на землю,
Вспомни, что ты говорил вчера при встрече.
Вспомни, как ты подписал одну бумагу.
Ну что, вспомнил?

— Я все забыл,
Верните солнечный свет!

— Нет!
Это декорация к другому фильму:
Это декорация к цветному фильму,
А ты — актер в черно-белой ленте.
Ну что — вспомнил?

— Я помню все,
Но я вижу солнечный свет!

1981

Ты слишком неподвижен

Лень было блуждать в лабиринте страстей,
В себе нерешимость убить.
Ты ждешь человека, который придет
И укажет, кого любить.

Ты мышцы напряг и окостенел,
Ты в стартовой стойке стоишь.
Достанет он стартовый пистолет,
Выстрел — и ты побежишь.

Взаимосвязи сплелись и слились:
Ты муху боишься обидеть.
Ты ждешь человека, который придет
И укажет, кого ненавидеть.

А он все не шел, не хотел иль не мог,
И был его путь, видно, долог.
И ты неприятно был удивлен,
Когда прочитал свой некролог.

Как в зубной кабинет,
Ты простоял много лет,
Глотая слюну и дрожа.
И мессия твой
Не заметил тебя:
Ты слишком уж был неподвижен.

Теперь же ты ждешь, чтоб явился к тебе,
Броню твоих стен сокрушив,
Хотя б человек, который пришел
И сказал бы тебе, что ты жив!

1981

Пропасть

— Если
Заглянул ты
В эту пропасть,
Скажи мне, голова не кружилась?
Был ли света луч в глубине?
Разглядел ты хоть самую малость?

— Я видел город и водопад.
Водопад гремел, как сотня орудий.
Я видел дно ущелья веков,
И я узнал — нас там не будет!

— Если
Заглянул ты
В эту пропасть,
Скажи мне, может все-таки есть надежда?
Был ли проблеск дня в темноте?
Разглядел ты, как восход забрезжил?

— Все было словно в полутьме,
И я смотрел лишь миг — боялся сорваться.
Только одно было ясно мне,
Только одно — туда не добраться!

— Ясновидящий, это ложь!
Мы жили, и живы, и будем жить вечно!
Младенцу понятно, что ты лжешь,
И ложь твоя так бесчеловечна!
Зачем же руку мою берешь?

— Чтоб подвести тебя к краю ущелья:

ВЗГЛЯНИ САМ!

1981

Тупик

То этим, то тем,
То чем-то, то всем
Помог с превеликою выгодой.
Но эти и те
Зажали тебя в тупике.
Не видно, приятель, выхода,
Ни просвета в стене,
И конец твой уж близится.

Ты метнулся ко мне,
Обещая унизиться,
Потому что у меня
Ключ от дверцы тупика.

Не открою я дверь.
Мне не очень-то верится,
Хоть я слышу, поверь,
Не могу я довериться.

Если выйдешь ты за дверь,
Без сомнения,
Ни за грош меня продашь —
Без промедления!

1981

Автомобиль без управления

Ты привела меня к себе домой
Какой-то субботней ночью.
Там был беспорядок-кавардак,
Но мне это нравилось, впрочем.

Свет потушив, ты музыку включила,
Что-то тяжелое.
Точно вспомнить, что же это было,
К сожаленью, я не могу.

Может, это было «Lady Double Dealer»,
Может, это было «Lady Luck».

До блаженства оставалось едва,
До покоя оставалось немного.

Но дорога слишком гладкой была,
А я не верю гладкой дороге.
Пора свернуть на другой путь,
Пора свернуть на другой путь!

/ Автострада любви
Не может быть бесконечной.
Наша связь слишком долго тянется,
Чтобы я оставался беспечен.

Вельвет и бархат скрывают наждак
Твоих постоянных прихотей.
Пора нам свернуть на другую дорогу —
Не вижу иного я выхода. /

Я не могу отключить зажигание
У моего желания.
Я не могу найти педаль сцепления
У моего стремления.
Моя любовь — автомобиль без управления.

Пол согрет был нашими ногами,
Мокрыми после душа.
Тело было сковано истомой,
А душа рвалась наружу.

Может, ты была той «Lady Double Dealer»,
Может, ты была той «Lady Luck».

1981

Размышления компьютера о любви

Дорожный знак сказал мне: «Стоянки нет!»
В гостинице табличка — «Свободных мест нет»!
Но твое лицо сказало: «Свободно»!
А твои глаза сказали: «Лови момент»!

Хочу проникнуть на кухню твоей души,
Хочу приютиться в прихожей твоей мечты,
Найти уголок в гостиной твоей любви.

/ Я хочу, но хочешь ли этого ты? /

Пустынная улица,
Сотни неверных теней за спиной.
И каждая тень — еще один день,
В одиночестве прожитый мной.

Хочу захлопнуть у них перед носом дверь,
Хочу отгородиться от них стеной,
Хочу проникнуть на кухню твоей души,
Хочу приютиться в прихожей твоей мечты,
Найти уголок в гостиной твоей любви.

Я в игру твою согласился играть
И решил притвориться, будто бы нет:
Грязной посуды на кухне твоей души,
Чужих ботинок в прихожей твоей мечты
И новой тени за моей спиной.

/ Я не хочу, но не хочешь ли ты? /

1981

Другая сторона холма

Эй, вы там,
На другой стороне холма!
Как вы там,
На другой стороне холма?
Я кричу, словно камни, кидая слова.
Знаю я, что мне не докричаться
До другой стороны холма.

Хлебное поле затянул плевел,
Жаркое пламя гасит ветер,
Раковая опухоль меня встретит
На другой стороне холма.
Коварный разум возводит стены,
На тело и дух установлены цены,
Холодный приказ и насилия сцены
На другой стороне холма.

Час наслажденья за годы мученья,
Замысел грязный и осуществленье —
Лишь огненный дождь принесет очищенье
Другой стороне холма.

*/ Там только думают, что существуют
Там улыбаются, но впустую
Улыбки фантомов живущих на черной
Другой Стороне Холма. /*

Ты все это знаешь, но в чем же причина
Того, что порою тебя беспричинно
Тянет в развернутую пучину
Другой стороны холма?

*/ Ты догадался уже в чем причина
Того, что порою тебя беспричинно
Тянет в развернутую пучину
Другой Стороны Холма?*

Хотя ты пытаешься остановиться,
Это бессмысленно, ты расщеплен
на две частицы:
Через твой разум проникает граница
Между двумя Сторонами Холма. /

1981

Чего это стоило мне

День,
Уходит снова день,
За ним закрыли дверь
И повернули ключ.

Зря
Ты новых песен ждешь.
С меня хватило той,
Что я спел уже.

Спеть
Эту песню так,
Чтобы спрятать боль, —
Ты не знаешь, чего это стоило мне.

Жить
И улыбкой скрыть
Выражение глаз —
Ты не знаешь, чего это стоило мне.

Ночь,
Приходит снова ночь,
Спокойный звук шагов,
Звук ночных часов.

Зря
Ты новой жизни ждешь.
С меня хватило той,
Которой жил уже.

Спеть
Эту песню так,
Чтобы спрятать боль, —
Ты не знаешь, чего это стоило мне.

1981

Мегаломания

Я совсем не музыкант, но люблю играть на гитаре,
Только громко до сих пор я на ней играть
не решался.
Очень долго прятал и скрывал я свой талант,
Но сегодня я решился, громко принялся играть.

Чем играю дольше я, тем я больше сам вырастаю,
И теперь никто уж мне не мешает.
Нет маленькой квартиры, где так было тесно мне;
Вот комната все шире, и я тоже стал большим.
Вдруг совсем исчезли стены, и я стою
перед толпой!

Горы цветов, улыбки, взгляды поклонниц,
Крики и репортеров тысячи ждут меня, меня.
Вот я стою на сцене перед огромным залом,
Все восклицают дружно: «Джимми, Джимми,
Джимми Пейдж!»
Вот я стою на трапе в белой роскошной шляпе,
Я покидаю город после своих гастролей!

Я так устал, что интервью давать мне лень;
И небрежно всем я махнул рукой своей…
Рядом что-то затрещало, будто выломали дверь.

В комнату вошли соседи, около меня стали кругом;
В комнате один лишь я и ругань.
Там, где простирался и ревел аэродром,
Тетя с толстым задом, дядя — полным животом.

1981

Контакт

Ты взял гитару в робкой попытке установить
контакт;
Что ты нам скажешь: ложь или правду, вымысел
или факт?
Музыка — космос, в котором паришь ты, звуков
чудесный край.
С тем, кто остался в цепях тяготенья, связи
не потеряй.

Я уже устал молчать,
Мне необходим контакт.

Все ли, что нужно тебя посылавшим,
ты разузнать сумел?
Были ли тайны, в которые первым
ты заглянуть посмел?
Понял ли чуждых цивилизаций странных
сигналов суть?
Смог ли решиться бросить им вызов, смог ли
собой рискнуть?

Если безумцы выстроят стену там, где у сцены
край,
Силою звука, магией слова стену скорей сломай!
Зал переполнен, и времени мало, медленно
гаснет свет,
Ключ отыщи к равнодушию зала, каждому
дай ответ.

Мы уже устали ждать,
Нам необходим контакт.

1983

Музей мадам Тюссо

И погасли огни,
И закрылся музей…
Ты остался стоять в темноте
Средь фигур восковых
В гипнотическом сне
Абсолютно один.

Хей! Завороженно вглядись в шеренги
восковых лиц.
Хей! Мечтал ты, верно, не раз пожить
их жизнью хоть час.

Силой мечты
Наделен нынче ты,
И фигуры под взглядом твоим
Начинают дышать,
Открывают глаза,
С постаментов спускаются вниз.

Хей! Раздался музыки звук, и тотчас все
стали в круг.
Хей! Пустились в пляс, и тогда ты вдруг
услышал слова:

«С нами танцуй!
С нами вместе танцуй!
Вслед за нами все па повторяй!
Этой ночью тебе
Предоставился шанс
Быть хоть в чем-то похожим на нас».

Видишь ты остановившимся взглядом
Бал неживой красоты,
Танец изыскан, манеры изящны,
Но лица партнеров пусты.

Перед возможностью быть рядом с ними
Трудно тебе устоять,
И, подражая движениям кукол,
Начал ты сам танцевать!

/ Видишь ты остановившимся взглядом
Немало диковинных сцен:
Девушка в белом проносится рядом,
Похожая на манекен.
Странные люди в причудливых позах
Пляшут среди темноты.
И, подражая движениям кукол,
В танец втянулся и ты /

Хей! Движений автоматизм внедрился
в твой организм.
Хей! Как по свече вниз течет по телу
восковый пот.

Видишь, как воск
Заливает твой мозг;
Даже сам ты теперь
С ними,
С ними вместе готов
Участь их разделить —
Неподвижно застыть утром.

Утром солнечный свет
Зальет сумрачный зал,
Упадет с твоих глаз пелена,
И, с улыбкой взглянув
На раскрашенный воск,
Ты покинешь музей.

1983

Гнилое золото

Без капли сожаления хочу тебя покинуть я,
Под внешней красотой твоей сумел я разглядеть тебя.
Ты блещешь, словно золотая нить, пока ты молода,
Но это золото внутри успело сгнить;
Кому нужно гнилое золото?

/ Я на тебя смотрю в ознобе восхищенья,
Я на тебя смотрю в припадке отвращенья.
Я сам пленен тобой, но я борюсь с собой —
Я знаю свет и тьму, я не могу играть с судьбой.
Ты постоянно кровь сосешь, как клоп или пиявка —
Тебе все мало: неустанно просишь ты прибавки
Считаешь ты, что красота послужит оправданьем
Для твоего нелепого существованья.

Ты блещешь, словно золотая нить,
Пока ты молода,
Но это золото имеет свойство гнить —
Кому нужно гнилое золото?
Гнилое золото. /

Ты прятала под красотой тщеславные желания,
Но форма не способна скрыть ничтожность содержания.
Ты блещешь, словно золотая нить, пока ты молода,
Но это золото внутри успело сгнить;
Кому нужно гнилое золото?

Я знать хотел бы имена всех тех, кто научили жить тебя
В разладе между телом и душой.
Я ненавижу тех, кто дал тебе возможность стать такой,
Лишив меня надежды быть с тобой.

Они стремились обладать всегда лишь тем, что блещет;
В тебе хотели видеть только вещь, ты стала вещью.

Читая книгу жизни, ты искала лишь картинки в ней,
С улыбкой томной пропускала текст.
Мечтала ты, что поместят тебя в футляр из бархата,
И Бог не выдаст, а свинья не съест.

/ Мне жаль того, кто поместит тебя
в футляр из бархата.
Мне жаль того, кто просчитается с тобою —
Как черная дыра, ты поглощаешь целый мир,
Ни капли теплоты не выпустишь наружу.

Читая книгу жизни, ты смотрела лишь картинки,
Ты пропустила текст с улыбкою невинной. /

Как будешь ты удивлена, когда сорвутся планы
И станет вся твоя душа одной открытой раной.
Как будешь ты удивлена, когда сорвутся планы
И станет вся твоя душа одной открытой раной.

/ Все те, кто покупал твое расположенье,
Тебя покинув испытают только облегченье.
И ты тогда увидишь вдруг ясней и резче:
В тебе привыкли видеть вещь — да ты и была вещью. /

Ты блещешь, словно золотая нить, пока ты молода,
Но это золото внутри успело сгнить;
Кому нужно гнилое золото?

1983

Соблюдай дистанцию!

из убежища ума, через форточки ресниц
вниз на улицу, где льется через край толпа,
я бросаю просветленный взгляд,
я парю внутри себя —
что мне с ними говорить:
я боюсь себя связать с незнакомым человеком.

ЛУЧШЕ ВЗЯТЬ ЕГО В ПИПЕТКУ
ОСТОРОЖНО КАК МИКРОБА
ПОДНЕСТИ ЕГО НЕБРЕЖНО
К ОБЪЕКТИВУ МИКРОСКОПА

изучение закончу и забуду, кем он был.
недовольны? вряд ли лучше,
чтоб меня он заразил
ожиданьем перемен, неизбежностью разлуки…
я же хрупок как фарфор —

УБЕРИТЕ ВАШИ РУКИ!!!

из убежища ума, через форточки ресниц
вниз на улицу, где льется через край толпа,
я бросаю просветленный взгляд,
кто клянет меня — жесток —
что он знает обо мне?
мне так хочется порой очутиться среди них…

/ Голоса Папочки и Мамочки (из недр подсознания) /

СОБЛЮДАЙ ДИСТАНЦИЮ!
ОСТОРОЖНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО!
СОБЛЮДАЙ ДИСТАНЦИЮ!
НЕТУ ДЕЛА НИ ДО КОГО!

1983

Одержимый скоростью

Яркий солнечный свет в небесах, весенний день;
Черным яростным вихрем взорвав молчанье дня,
Ты мелькнул и исчез, обгоняя свою тень,
И остался надолго в душе у меня.

И порой, когда мне очень тяжело в этом
сложном мире жить,
Я хочу хотя бы мысленно твой путь повторить!
Потому что так прекрасен твой полет,
так неудержим, и мне
Кажется, что ты счастливей всех людей на Земле!
Хочется забыть про все и умчаться с тобой!
И лихо мчаться с тобой!

Серой лентой несется асфальт,
Стрелка тянет за сто пятьдесят,
Сердце просит скорей тормозить,
Но тормоз заклинил, заклинил нарочно.
Вентилируй нервы, бьет в лицо тугой поток.
Воздух крепче спирта, делай за глотком глоток.

Каждый раз, когда ложишься в поворот,
выжимаешь полный газ,
Думая уйти от жизненных проблем в этот раз,
И кажется, что вновь погони избежал
и свободен навсегда,
Но они несутся за спиной как тень, и тогда
Хочется забыть про все и умчаться вперед!
И снова мчаться вперед!

Только в опьянении можно позабыть о том,
Что уйти от тени не сумел пока никто!

Одержимый, скорость растет! (x 3)

Яркий солнечный свет в небесах, весенний день.
Я стою у дороги, вспоминая тебя
И всех тех, кто хотел обогнать свою тень
В безнадежных попытках уйти от себя.

1983

Физиология звукозаписи

Человек за пультом, склонившись,
Ничего не видит вокруг:
Он отделяет голос твой от тела,
Словно хирург.
И ты таешь, словно лед на сковородке,
Убывает кровь твоя и плоть,
Но часть ее, прилипнув к тонкой пленке,
Вечно живет.

Ты растаешь свечкой в пламени чувств,
Чтобы кто-то вдруг нащупал на пленке
Твой пульс…

На бобину скручены нервы:
Можно вновь и вновь прокрутить.
Из сердца приготовлены консервы —
Каждый может открыть.

Пленка в прорезь вставлена ловко,
Чей-то палец кнопку найдет.
Прижимная планка к головке
Сердце прижмет.
И под то, что было твоей кровью,
Будут пить и будут болтать,
Будут заниматься любовью
И танцевать…

Но средь сотен, наплевавших на все,
Кто-то, вздрогнув, вдруг услышит, как бьется
Твое
Сердце.

/ Но средь сотен, потерявших свой курс,
Кто-то вздрогнув, вдруг услышит сквозь гомон
Твой пульс… /

1983

Полный круг

Я снова у вас в гостях,
Вы молоды так же, ребята,
И снова портвейн на столе,
Как в семьдесят пятом.
Как в семьдесят пятом, когда
Ты училась курить на веранде,
А Саша играл на басу
В школьной команде.

Мы сидели и пили,
И время, казалось, застыло,
Покрыто серебряной пылью
Наших иллюзий;
И ваш малыш под столом
Мешал нам снова и снова,
И ты наклонилась к нему,
Шепнула какое-то слово.
И мне показалось, друзья,
Это было когда-то запретное слово
«Нельзя».

Полный круг завершен:
Рыцари Тертого Джута
Спят в очарованном замке — замке уюта.
Но я все ищу почему-то
Принцессу, которой я должен отдать поцелуй,
Чтоб отогреть ото сна
Струны лютен
И в прах обратить колдовство.

Я снова у вас в гостях,
Вы молоды так же, ребята,
И снова портвейн на столе,
Как в семьдесят пятом.

Но семьдесят пятый проплыл,
Как станция мимо вагона,
И кто-то остался в купе,
А кто — на перроне.

Нетронута пломба стоп-крана,
Мне это не кажется странным,
Я знаю: тогда был желанным
Пункт назначенья.
Я вполне реалист,
Но я не скажу вам, что хуже:
По-разному выглядит мир
Для тех, кто внутри и снаружи.

/ Но я не могу удержаться, друзья,
Шепнуть вам когда-то запретное слово
«Нельзя» /

1983

Жизнь в стиле heavy metal

Когда я с надежной дороги свернул,
Одни огорчились, другие смеялись;
Сказал я: «Ведет меня призрачный свет», —
Но все сомневались,
Есть ли жизнь в стиле heavy metal,
Есть ли жизнь в стиле heavy metal.

И в сумрачной чаще я путь свой искал,
Блуждал в темноте и терял в себя веру,
Но свет все мерцал, голос странный звучал
И звал меня к цели —
К этой жизни в стиле heavy metal,
К этой жизни в стиле heavy metal.

Иди на свет, иди,
Ищи, в чем цель пути;
А цель в самом пути
К источнику света.

И снова и снова иду я на свет,
А он точно так же далек, как и прежде.
Но это мой путь, и других просто нет,
И я не жалею.
Это жизнь в стиле heavy metal,
Это жизнь в стиле heavy metal,
Это жизнь в стиле heavy metal,
Это жизнь в стиле heavy metal,
Это жизнь в стиле heavy metal,
Это жизнь в стиле heavy metal,
Это жизнь в стиле heavy metal.

1983

Карающий ангел

Я летел по просторам Вселенной
Прямо к этой планетной системе.
Послан я Галактическим Центром,
Имя мне — Карающий Ангел.

«Род людской угрожает Вселенной
И готовит все новые войны,
Совершенствуя в них свои силы», —
Так решил Галактический Центр.

Голубой шар планеты прекрасен,
Но приказ недвусмысленно ясен:
Уничтожить огненным ветром
Зашедший в тупик человеческий разум!

Но я не могу решиться,
Но я не могу решиться,
Что со мной?

Род людской — не угроза Вселенной,
И он вел для того свои войны,
Чтоб последняя стала последней
Для всех, кто родился после нее.

Да, я не могу решиться!
Лучше я останусь с ними
Вместе…
Вместе отвратить опасность навсегда!

1983

Новый год

Праздник новогодний ближе с каждым днем,
И не расстаемся мы с календарем.
Скоро все часы двенадцать раз
Весело пробьют для нас!

В каждой квартире хвойный аромат,
Музыка и танцы, яркий блеск гирлянд.
Каждый верит в то, что этот час
Повторится много раз.

Новый Год, Новый Год, вновь и вновь
Шутки и смех дарит нам!
Может быть, в этот день суждено
Сбыться всем нашим мечтам!

Праздник новогодний ближе с каждым днем,
Пусть он нам подарит все, чего мы ждем.
Все, что не исполнил Старый год,
Новый точно принесет!

Пусть он нам подарит мир на всей планете,
Пусть в любой семье смеются дети,
Чтоб с улыбкой Новый год могли
Встретить люди всей Земли!

Новый Год, Новый Год, вновь и вновь…

1983

Снежная пыль

Пыль снежная летит в глаза
И тает на лице,
Сверкая, словно бриллиант
В серебряном кольце.
Оставит по себе она
Всего лишь влажный след,
Исчезнет, как в моих глазах
Твой силуэт,
Когда внутри меня, внутри меня
Погаснет свет.

Напрасно те, кто говорят,
Что знают этот мир,
Пыль снежную внутри себя
Хранят как сувенир.
Опасно при себе носить
Свой прошлогодний снег,
Он может изнутри сковать
Собой свободный бег,
Надежду остудить собой,
Собой навек.

Пускай же тают на лице
Осколки снежных звезд.
И, хоть порой снежинок след
Не отличить от слез,
Я знаю то, что в снегопад
Я путь свой не забыл,
И что в сраженье холода с теплом
Я победил,
Я мерз, но грел собою снег,
И значит — жил!

1983

Фотофобия

Начитавшись вечером газет,
Ты заснул в предчувствье страшных бед.
Ты спал беспокойным сном…
Вдруг вспыхнул яркий свет и разбудил тебя!

Ты ладонью заслонил его,
Но ладонь прозрачна, как стекло.
Свет бьет, как литой металл,
Он нестерпим и бел, как вспышка магния!

Липкий пот покрыл все тело,
Липкий страх сковал твой мозг:
Чудится — нагреты светом,
Стены плавятся, как воск.

Ты придавлен, сломлен, ослеплен,
И ты готов к тому, что скоро грянет гром,
Но свет льется в тишине,
И лишь стучит в висках твой учащенный пульс!

Непослушно воле тело,
Руки словно из свинца,
Но решительным движеньем
Ты убрал ладонь с лица…

…сразу тебе стало ясно:
это — только рассвет,
страх оказался напрасным —
это — только рассвет…

Но не исчезла опасность —
ЭТО — ТОЛЬКО РАССВЕТ!

1983

Протезы души

Достигли предела в своем совершенстве
Протезы руки и протезы ноги,
Наука всесильна и стало посильным
Созданье протеза… протеза души!
    На улице много безногих,
    На улице много хромых,
    Слепых и глухих.
    Только все же они
    Встречаются реже, чем
    Племя убогих:
Живущих с протезом —
Протезом души.
Их видимо-невидимо,
Души ни души.

1983

Стоп-кадр

Посвящается бывшему менеджеру «У. Д.»
А. Королеву

Кадры мчались так стремительно,
Фильм был просто восхитительным,
Но жизнь сказала «Стоп!»
И застыло без движения
Горькой правды отражение —
Снято прямо в лоб!

Важен угол зрения!

Ты играл, и люди верили.
Облик твой внушал доверие,
Но жизнь сказала «Стой!»
Как внезапное открытие,
Выплывает подлость, скрытая
Внешней красотой

Важен угол зрения!

Дней текучка производит выгодный монтаж…
Но стоп-кадры разрушают розовый мираж…

Кадры мчались так стремительно,
И казалось возмутительным
Что-то изменить.
Думал ты, что случай вывезет,
Не пытался сделать выводы,
Фильм остановить
И выбрать угол зрения…

1983

Прокрустово ложе

Омерзительно рост твой велик,
Ни в какие не лезет он двери.
Ничего, мы поможем, старик,
Если в наши стандарты ты веришь.

Мы боимся с тобою дружить:
Что тебе раздавить-то нас стоит?
Тебя требуется у-коротить:
Ты же можешь нам планы расстроить.

Если ты непомерно высок,
Мы тебе непременно поможем,
Но не вздумай брыкаться, сынок,
Если лег на прокрустово ложе.

Ты согласен — ложись-ка под нож,
И напрасно, приятель, ты бьешься:
Не таким, как другие, уснешь.
И таким же, как все, ты проснешься.

Проживешь ты отныне года,
Лишним ростом своим не тревожим,
Но не вздумай жалеть никогда,
Если лег на прокрустово ложе.

1983

Хорошие фильмы

Ника и Вика в тот вечер сидят на скамейке.
Назначенной встречи они с нетерпением ждут.
Нику и Вику в кино пригласили, а значит,
в это кино они, несомненно, пойдут.
Витя и Митя вкушают ночные сеансы. Школа и предки
будут забыты в кино… Витя и Митя ценят хорошие
фильмы… под вопли убитых и шелест фольги эскимо.
Ника и Вика вкушают Витю и Митю: прикосновенье
губами с недетской тоской.
Ника и Вика не любят Витю и Митю, но ценят в них
ощущенье присутствия силы мужской.

Потерянные дети, спешите на ночной сеанс, узнать,
как жить на свете вольготно и красиво. Не упускайте,
дети, шанс! Жестокость, дети — самый легкий способ
решить любой конфликт «здесь и сейчас», порвать любые
сети житейской несвободы и утвердить себя хотя б на час.

Витя и Митя выходят из зала. Нахмуренный лоб
и решительно сжатый кулак. Ника и Вика наполнены
силой, не страшно: с Витей и Митей сам черт им не брат.
Витя и Митя нашли подходящую жертву.
Кто он такой, что становится им поперек? Ника и Вика
метнулись к упавшему телу. Били усердно туфлями
с набойкой в висок…

Потерянные дети сходили на ночной сеанс.
Узнать, как жить на свете вольготно и красиво
не упустили дети шанс…
И кто за все в ответе: потерянные дети иль кровью
залитый экран?

1983

Кого разбудит эта песня

Сколько раз я решал,
Что на ветер слова
Я не брошу впредь!
Сколько раз я решал,
Сколько раз обещал,
Что не буду я петь!

Кого разбудит эта песня?
Кого разбудит эта песня?
Тех, кто заснул, уже не разбудить,
Тем, кто не спит, она уже известна —
Зачем чужие раны бередить?
Зачем чужие раны бередить?

И ветер собрал мою музыку
В пригоршню
И бросил в мое лицо
Тяжелой пощечиной.
Чего другого я ждал в конце концов?
Чего другого я ждал в конце концов?
Сколько раз я кричал,
Но зачем кричать —
Чтоб потом краснеть?
Я кричал не так
И кричал не тем —
Кому я должен петь?

1983

Наблюдатель

Мерцание экранов в дома всех заманит.
Они все уходят вдаль,
Приближается темная ночь.
А я — я остаюсь на улице,
Я — человек-наблюдатель.
Чем ты, приятель, мне можешь помочь?
Вот ТЫ — человек с портфелем и газетами
вместо пальцев!
Голова открывается сверху, словно мусорное ведро.
Ты пытаешься каждый день закрыть
проклятую крышку.
Сегодня снова не повезло.
Девушка с глазами, ищущими разрядки,
Плачь и рви непрочные волосы!
Ты можешь уговорить сдвинуться кирпич в кладке,
Но только лишь не меня.
Молодой человек с дудочкой,
Пляшущий среди крыс —
Прыгай выше (кидай дальше!
делай как мы: делай лучше нас!)
Твои питомцы перегрызут твои ахилловы сухожилия
А-а-а… я все это вижу,
Я — человек-наблюдатель
С единственным заданием —
Наблюдать!

1983

Коллекционер

Войди в мою комнату
— Сладкий запах эфира
ударит в ноздри.
Присядь в это кресло
— Я тоже присяду возле.
Это несложное дело — отпрепарировать тело.
Куда сложнее отпрепарировать душу.
Но я не трушу.
Я привык.

Волшебное насекомое! — охота была недолгой —
Тренированный острый глаз и надежный сачок —
Но сколько
Тщательно я готовил последний удар!
Сколько, сколько, сколько раз выпускал на волю
Пойманный экземпляр!
(Тише! Его я вижу
Главное — не спугнуть!)
Все это в рамках закона — не надо бежать
к телефону.
Я не злодей — я очень серая личность,
Я — просто коллекционер.

1983

Рикки-Тикки-Тави

Он еще жив, красноглазый мангуст, мой друг.
Он среди нас, но об этом не знает никто.

В бархатной шубке Рикки-Тикки-Тави невидим,
Рикки-Тикки-Тави неслышим,
Рикки-Тикки-Тави скользит на мягких лапах.

Сна и покоя Рикки-Тикки-Тави не знает,
Рикки-Тикки-Тави в движенье,
Рикки-Тикки-Тави спешит туда, где нужен.

Вечером теплым и чудным на душе хорошо,
и поверить трудно в то, что опасность рядом,
и всегда может вдруг что-нибудь случиться,
ведь зло только и ждет, когда наступит ночь.

Крепок твой сон, и вползает змея в твой дом —
Капельки зла, словно яд, на зубах блестят.

Но не пугайся — Рикки-Тикки-Тави все видит,
Рикки-Тикки-Тави все слышит,
Рикки-Тикки-Тави всегда хранит покой твой.

Зло обезвредить Рикки-Тикки-Тави сумеет,
Рикки-Тикки-Тави успеет,
Рикки-Тикки-Тави всегда приходит первым.

Солнечным утром ясным ты найдешь труп змеи
под своим диваном и, овладев собою, все поймешь,
и тогда перехватит дыхание от сознания,
что ты висел на волоске…

Жив и здоров ты — Рикки-Тикки-Тави доволен
Рикки-Тикки-Тави спокоен,
Рикки-Тикки-Тави не ждет вознагражденья.

Радость победы Рикки-Тикки-Тави быстро забудет,
Рикки-Тикки-Тави снова в движеньи,
Рикки-Тикки-Тави спешит туда, где нужен.

Словно напоминанье, кожа змеиная над твоим диваном.
Взглянешь порой случайно, думаешь, это вновь вряд ли
повторится. А Рикки опять в движенье, он спешит, как
всегда, туда, где нужен, Рикки готов к сраженью…
Рикки готов к сраженью, он прекрасно знает,
что зло только и ждет, когда наступит ночь…

не позднее 1983

Эрекция

Я в одиночестве долго пылал,
Руки мои — раскаленный металл,
Плавятся стрелки огромных часов,
Но заперты двери твои на засов.

Я иду к тебе, как пожар,
Пламя лижет твои окна,
Плавит сердце твое мой жар,
Лопнут в окнах твоих стекла.

Слишком ты долго играла с огнем,
Видя лишь искорку слабую в нем.
Вырос огонь, вместе с ним страх —
Он мечется в точкою ставших зрачках.

Я иду к тебе, как пожар,
Пламя лижет твои двери,
Плавит сердце твое мой жар,
Запах едкой стоит серы

Я иду к тебе, как пожар,
Пламя лижет твои ноги,
У порога долго я ждал.
Я устал. Вышли все сроки.

не позднее 1983

Угоден всем, но не себе

Он забыл свои крылья
Под сиденьем автобуса.
Был он пьян иль рассеян?
Не одно, так другое.
Но рогатые ангелы
Неуклюжие лопасти
Подберут и низвергнут
Его как изгоя.

И тот, кто верит, что, теряя
Подарок гордого ада,
Милость бледного рая
Приобретает,
Угоден всем, но лишь не себе.
Угоден всем, но лишь не себе.

Отречением жизнь свою продлевая,
Безумный он пьяница,
Что меняет литр вина
На три литра воды.
Но, если он все-таки истинно верит
В иудину ценность крылатой потери,
Кто знает, возможно, он будет
Пьян.

1983

Я и мой друг

мы жили в кругу: я и мой друг,
витая в нем, как заколдованный звук,
отражаясь от стен, которые вдруг
вставали за метр от пропасти
мы лелеяли круг, как свою колыбель —
в нем всегда за апрелем начинался апрель,
и каждая щель понималась как цель
нагадить уверенной юности

я и мой друг знали все про Луну,
писали сценарий послезавтрашнему сну
и шли на прогулку, как на войну —
три плевка через левое
это было признание трех величин,
составляющих магию юных мужчин,
результат результатов и причина причин
в этой троице были за целое

мы искали все три, не ведая сна:
снисходительность женщины, смелость вина
и третье — то, для чего имена —
не более, чем заклинания
и мы их находили, и жизнь была,
как матери наши, преступно добра,
но мы были во власти капризного зла
и считали наш клад подаянием

и был вечер — был вечер не хуже других,
и мы очень легко отыскали двоих
и пришли на квартиру знакомых своих
поджидать наступления третьего
мы сидели и пили, прошел битый час,
и тревога волной накатилась на нас,
луч надежды явился на миг и погас,
нас залили холодные сумерки

мы видели женщин, мы пили вино,
но мы потеряли третье звено,
и терялась уверенность в том, что оно
не было так и прежде
и мне показалось, что в двери звонок
а друг закричал: посмотри на восток!
...я еще успел посмотреть на восток
и увидеть то, что он видел

а потом налетело, скрутило, смело
треснул круг, разбросав прямо в лица стекло
я пытался прикрыть своим телом его,
но друг был прекрасной мишенью
я был вязок и сложен — ажурный металл —
я еще сохранялся — искрил, но стоял —
я хотел уцелеть, потому что я знал —
это может окончиться чем-то...

и когда все утихло, угасло, как день,
я увидел его распростертую тень
и какое-то чувство: скорбь или лень
или то и другое вместе
и я встал на колени, но плакать не смог
я смеялся, шепча: да простит тебя Бог...
и в пыли отыскал тот амбарный замок,
которым наш круг замыкался

затем был простой изумительный дождь
я был потрясен — татуированный вождь
когда краску всю смыл его ласковый нож,
обнаружив обычную кожу,
я снял боевую кольчугу юнца,
и кольцо волшебством отделил от кольца,
и рассеял по ветру остатки свинца,
и поставил часы на сегодня

1984

* * *

Этой ночью машины в гараж не вернутся назад:
Этой ночью машины делают, что захотят.
Этой ночью они удалятся на Пляжи Машин,
Где теплый бензин лижет подошвы шин.
Этой ночью в тиши тормоза не скрипят,
асфальт не шуршит.
Этой ночью никто острой вспышкой металла
не будет убит.
Этой ночью очистится воздух уже навсегда,
И улица будет мертва, как спина старика.

Ты научил их всему, чему мог,
И машинам больше не нужен их бог.
Ты не успел научить их любить,
Но это вполне понятно…

Этой ночью машины поедут плясать рок-н-ролл.
Этой ночью машины научатся пить солидол.
Этой ночью машины откроют, что были наги,
И начнут размножаться ускоренным темпом.
Этой ночью машины напишут свой Ветхий Завет.
Этой ночью машины пройдут в свой
Верховный Совет.
Этой ночью машины поспорят про сюрреализм
И, быть может, даже придумают свой коммунизм.
Этой ночью машины куда-то ведут на расстрел
Десять тысяч машин, чей мотор устарел.
Этой ночью машиной подписан закон
«Относительно лиц
с органической кожей…»

Ты научил их всему, чему мог,
И машинам больше не нужен их бог.
Ты не успел научить их любить,
Но и это понятно тоже…

1 января 1984

Автоэпитафия

Мы били того, кто, купив «Жигули»,
Слушал коммерческий джаз.
Теперь он сменил их в двенадцатый раз,
А слушает только нас.

Пускай торжествует правда,
А ложь на морозе дрожит,
Но правда — всего лишь названье
Для самой приемлемой лжи.

И я хочу спросить всех усталых борцов,
В конце-то концов:
«Что сделали вы для могущества струн,
Для победы своих же идей?»

Вы занимались нанайской борьбой
Порою с самими собой, но…
Маты убрали, а судьи ушли —
Пора покупать «Жигули».

5–6 января 1984

Кто я?

встречи слова обсужденья
люди с паяльниками
люди с пишущими стиральными
швейными электронными машинками
машинами машинищами
школа мимики жеста
вооружение в никуда
вопросы из ниоткуда
ответы
тренировка перед зеркалом
с чужими очками
школы школки университеты

где я кто я куда я куда?

я отрезаю от себя части
леплю из них сержантов
внешней разведки
посылаю их выполнять прокладку
коммуникаций
они не возвращаются никогда
никогда

никогда!

меньше все меньше меньше
меньше своего того
которое того, что больше
все больше больше
больше какого-то потому что
в связи обстоятельства
обязательства кредит аванс долг

третий в комнате
третий в телефоне
третий в постели

никак нет
так точно:
есть

где я кто я куда я куда?

я отрезаю от себя части
леплю из них генералов армии благополучия
они будут докладывать
о моем продвижении
карты в штабе не меняются
никогда никогда никогда

никогда!

не позднее 1984

Удачное приобретение

Только вчера
Я приобрел его,
Но всем уже
Смело сказать могу,
Что

Мой инструмент —
Ключ к миру музыки —
Нравится всем
Этот чудесный, чистый, ясный звук...

Целый набор
Новых возможностей
Дает инструмент
Высшей надежности

1984

Скованные одной цепью

круговая порука мажет, как копоть
я беру чью-то руку, а чувствую локоть
я ищу глаза, а чувствую взгляд
там, где выше голов находится зад
за красным восходом — коричневый закат

скованные одной цепью
связанные одной целью
скованные одной цепью
связанные одной...

здесь составы вялы, а пространства огромны
здесь суставы смяли, чтобы сделать колонны
одни слова для кухонь, другие — для улиц
здесь сброшены орлы ради бройлерных куриц
и я держу равнение, даже целуясь

можно верить и в отсутствие веры,
можно делать и отсутствие дела
нищие молятся, молятся на
то, что их нищета гарантирована
здесь можно играть про себя на трубе,
но как ни играй, все играешь отбой
и если есть те, кто приходит к тебе,
найдутся и те, кто придет за тобой

здесь женщины ищут, но находят лишь старость,
здесь мерилом работы считают усталость
здесь нет негодяев в кабинетах из кожи:
здесь первые на последних похожи
и не меньше последних устали, быть может

1984

Около радио

есть голос в эфире,
есть новости в мире,
есть мертвый окунь в потоке
и гул в небесах
есть вкус селитры во рту
и металл на руках

есть пятна на солнце,
есть влага в колодце,
есть мертвый кит на песке
и стволы за спиной
все есть, и нет ничего, что бы не было мной

около радио
и день дождливый,
и огни автомобилей,
акварель прозрачной мути,
разговор, лишенный сути,
созерцанье чьей-то тени
с непонятным поведеньем
репортаж внезапно прерван…
телефон

есть голос, что будит
(доброе утро, дорогие товарищи)
есть утро, что будет
(передаем последние известия)
есть ожидание света и происки тьмы
все есть, и нет ничего, чем бы не были мы

1985

Видеокассета

Я не сплю ночью полнолунья,
И во мне прилив:
Океан заливает сердце,
Соль на губах,
Боль… боль в глазах —
Прилив смыл песок с души.
Я зажег сигарету в парке,
Я зажег звезду.
Надо мной одинокий спутник —
Связь двух лучей.
Друг или враг —
За кем этот взгляд следит?

Видеокассета крутится в моей голове,
Кадры на экране повторятся снова.
Обладанье телом — тот же некий страх,
Мой большой ботинок на спине Другого.

Видео покажет тебе
Словно cinema-варьете,
Видео покажет тебе
Все как есть.

И тогда ты скажешь:
Принужденье наш дом,
Разрушенье мы в нем!

И вода заливает разум,
Как второй поток,
Океан размывает душу —
Где твой ковчег?
Там, где вчерашний снег:
Прилив унес его с собой.

Видеокассета крутится в моей голове,
Кадры на экране повторятся снова,

Телефон в конторе бодро зазвенит на столе,
Ты получишь деньги и талон на масло,

Генерал отдаст свой приказ,
Лейтенант подхватит его,
На солдата крикнет сержант
И солдат повяжет генерала!

Принужденье наш дом,
Разрушенье мы в нем.

1985

Необходимость выжить (Выход)

Выход, здесь должен быть выход:
Я просто не верю, что здесь только вход.
Выдох, долой душный воздух,
Слежавшийся в легких тоскующий вздох.

Я выключил телевизор:
Это вызов,
Это бунт.

А может быть и так,
Но только в этом выход.
Это только выдох, выдох.
Эй, называй как знаешь,
Но это только выдох,
Лишь необходимость выжить.

Правда. Все это правда,
Кровь на экране…
К тому же цветном.
Но как же, как не думать о жизни
И слышать о смерти ночью и днем?

Кто может мне сказать:
«Парень, не смей кричать»?
Я не хочу кричать,
Но не могу молчать.
В ванной течет вода:
Это наш час когда,
Ты принимаешь душ,
Я согреваю ужин.

Я выключил телевизор…

1985

Такая простая песня

знаю твой адрес,
а может быть даже
телефон
внутренний голос
сегодня не дремлет
он шепчет мне тихо:
ты спасен
город закрыл глаза
он должен спать до утра
зачем
смотреть?
зачем,
ведь речь здесь идет
о двух
таких простых людях
и о чем-то еще

нет кинокамер
и нет микрофонов
нет людей
диктор сегодня
страшную новость
не скажет с экрана,
прервав хоккей
дверь на площадке,
молчи,
пока мы ищем ключи
закрой глазок —
к чему, ведь речь идет
о двух
таких простых людях
и о чем-то еще

дверь на площадке, молчи
пока мы ищем ключи
закрой
глазок
к чему,
ведь речь здесь идет
о всех
таких простых людях
таких простых чувствах
таких простых правдах
и о чем-то еще…

1985

Братство по ветру

Я не нашел понятных слов
И не нашел конкретных фраз;
Задумал сказочный роман,
А вышел сбивчивый рассказ.

Я не прочел всех умных книг,
Не пересек семи границ;
Ловил я в небе журавлей,
Но находил в руках синиц.

Возможно, видел я не то,
Возможно, нужно все не так,
Но если кто-то знает как,
Сто против двух, что он — дурак.

Но кто-нибудь поймет, кто-нибудь найдет,
кто-нибудь услышит,
Кто-нибудь рискнет, кто-нибудь возьмет,
кто-нибудь допишет,
Кто-нибудь найдет что-то для себя,
кто-нибудь на свете —
Всюду на земле в каждой голове
дует тот же ветер.

1985

Технологичный брак

Техника покоряет Землю,
Я покоряю тебя.
Разные цели, но те же средства —
Удобство и простота.
Кто принесет тебе утром кофе?
Только одно из двух:
Преданный муж или честный робот
Тот и другой — лопух…

Встречи в седьмом часу
И квартиры подруг.
Утром лишь пять минут
И — троллейбус домой.
Сколько так можно жить
От софы до софы?
Технологичный брак для всех
(Смотри проспект).

Цель двух полов — продолженье рода
(Стих Восьмой — Бытие),
Правда, еще есть Моральный Кодекс,
Но он не известен мне.
Ужин нельзя превращать в похмелье,
А завтрак в поздний обед.
Свойственно всем холостым безделье,
Ну а женатым — нет…

Ось не должна буксовать
У настенных часов.
Труд — непреложный закон для некормленых ртов.
Дети всегда растут на примере отцов.
Технологичный брак для всех
(Смотри проспект).

Встречи в седьмом часу
И квартиры подруг.
Утром лишь пять минут
И — на службу пора.
Сколько так можно жить
От софы до софы?
Технологичный брак для всех
(Смотри проспект).

(Весьма логичный брак для всех…)
(Вполне приличный брак для всех…)
(Совсем обычный брак для всех…)
(Почти привычный брак для всех…)
(Такой практичный брак для всех…)

1985

Банановая республика

Сказочное лето, Танечка и Света,
Леночка и Валя (трали-трали-вали).
Лодочки и кеды, пиво и конфеты
На озере и в клубе (шуби-дуби-дуби).

О! У меня нет друга.

Мама на диване, папа в финской бане,
Брат в Афганистане (негры в бантустане),
Праздники без буден, завтра что-то будет.
Что будет — я не знаю (но моя хата — с краю).

О! У меня нет друга.

О! Космический секрет вдруг открылся мне:
Комический куплет — лишь кирпич в стене,
Практический совет нужен мне извне.

Новая прическа, старая расческа,
Белые ботинки (только из починки).
Кончились подсказки, сломаны указки,
Банановая публика (в банановой республике)…

О! У меня нет друга…

1985

Соня любит Петю

Она приносит чистоту
В ведре воды.
Субботний день…
Сестра ушла, сказав ей «Вытри пыль!»
Твой дом
Ждет уборки.

Она снимает Бельмондо
(Он здесь висел).
Пыль на лице (ведь время старит даже кинозвезд).
Жан-Поль,
Как ты выцвел…

Соня, Соня, Соня любит только Петю:
Петя, Петя, Петя лучше всех на свете!

Дин-дон — проснется телефон:
«Труба зовет!
Возьми ведро и вымой пол!»

1985

Ритм

Друг мой сказал мне:
«Я чувствую ритм,
Он во всем и во всех,
Он везде и всегда.
Музыка — только его отраженье:
Отсвет в серой воде
Тусклого стекла,
Как глаза
Того, кто ушел за зеркала».

Друг мой сказал мне:
«Я все же играю,
Это самообман,
И я — просто маньяк!
Ритм ускользает, как ртуть из-под пальцев,
И его не поймать
Ни за что и никак!
Делаешь шаг
Вслед за ним,
Но он делает пять».

Но когда опустят шторы
И погаснет свет,
Зал заполнен будет снова:
Будет второй сеанс.
Ритм восстановит нас
Вновь…
Ритм, недоступный нам,
Ритм, заключенный в нас,
Ритм, который — МЫ!

Друг мой сказал мне:
«Четыре желанья
Есть в душе у меня,
Как четыре огня —

Быть сильной долей
И быть первым тактом,
И чтобы никто не смог
Сбить с ритма меня…
И еще…
Жалеть тех, кто этого ритма не слышит,
Но не прощать!»

1985

Отцы и дети

Рот открыт, но я не слышу, но я не слышу слов —
Сделай телевизор тише,
Я не могу понять…
Говорим мы, очевидно, на разных языках —
Слишком сложно, слишком сложно,
Я не могу понять…

Только манекен с пустою головой
Может целый день выслушивать тебя.
Только манекен, который глупый-глуп,
Может без конца выслушивать тебя.

Слишком громко город воет, и я не слышу слов.
Опусти скорее шторы, могу понять одно,
То, что мне необходимо, не более того,
Слишком сложно, слишком сложно,
Я не могу понять…

Закури и успокойся, не надо так кричать.
Все в порядке, все в порядке — посмотрим, что сейчас.
Да, покажет телевизор, какие чудеса!
Все так просто, все так просто,
Я не хочу понять…

1985

Покажи мне путь

Покажи мне путь туда,
Где текут из меда реки,
Где в источнике любом
Светлое вино.
Покажи мне путь в страну,
Где под страхом смертной казни
Небесам запрещены
Бури и дожди.

Но меня заводишь ты в пустыню и бросаешь
Под солнцем, средь песков и змей.
Может, ты дорогу и сама туда не знаешь,
А может, не пройти двоим по ней?

Покажи мне путь в страну,
Где живут простые люди,
Где без лишних слов дадут,
Беглецам приют.
Покажи мне путь туда,
Где уже не нужно будет
Утром отряхать с ресниц
Слез полночных соль.

Но меня заводишь ты в пустыню и бросаешь,
Сказав, что здесь страна моей мечты.
Может, в этом мире я не так все понимаю,
Чтоб увидеть то, что видишь ты?

1985

Возвращение

Я устал на небе жить,
Я устал безгрешным быть
И вино бессмертия искать.
Никогда, о никогда
По холодным небесам
Я не буду в сумерках летать.

Сколько я оставил на земле,
Землю на небо променял,
Как я был обманут самим собой,
Тогда я не знал.

Никогда, о никогда
Не вернусь я вновь сюда,
Где так одиноко было мне.
Стоило ли покидать
Землю, чтоб о ней мечтать
И в конце концов вернуться к ней?

1985

Ариадна

Рано ли, поздно ли, там и тут,
Тропочку-ниточку оборвут
Острые-шустрые ножницы,
Тропочка-ниточка кончится.
Но пока есть еще время,
Я могу сохранить нить.
В лабиринт я войду смело.

Нить в пальцах.
Дам я нить тебе в руки вместо слов и кольца,
А у нее два значенья, у нее два конца.
Можешь ждать возле входа непрестанно,
Может, вспять я вернусь, когда устану,
Вдруг устану.

Отклики-отзвуки в глубине,
Осыпи-россыпи в темноте,
Золото-серебро, тусклый свет,
Может быть, выхода больше нет,
Но пока есть еще время,
Я должна протянуть путь.
Я не буду блуждать слепо.

Нить в пальцах.
Дам я нить тебе в руки вместо слов и кольца,
А у нее два значенья, у нее два конца.
Можно все прождать у входа,
Можно вслед за мной пойти,
Может, ты еще успеешь,
Только нить не по пути.

Если нить оборвалась и меня рядом нет,
Значит, срок мой отмерен и потушен мой свет.
Завяжи два конца узлом на память,
Может быть, нить твоя прочнее станет,
Крепче станет.

Рано ли, поздно ли, там и тут,
Тропочку-ниточку оборвут
Острые-шустрые ножницы,
Тропочка-ниточка кончится.
Завяжи два конца узлом на память,
Может быть, нить твоя прочнее станет,
крепче станет.

1985

Одиссей

…Утро — как гребешок из перламутра,
Воздух — им можно мыться, как водой.
Остров — теперь все будет очень просто,
Если мы разведем огонь с тобой, для нас с тобой.

Я дам тебе меньше, чем ты стоишь,
Ты даришь мне больше, чем ты ждешь.
Скрывай свое имя, все не скроешь.
Ты — Одиссей, вот ты кто.

Ты ждешь приливной волны, чтоб оставить меня,
Ты ищешь такой войны, чтоб всем войнам — война.
Парус, я знаю, где ты прячешь парус.
Смейся, но кошки видят в темноте.
Хочешь, и ты останешься со мною,
Только зачем такой ты нужен мне, зачем ты мне.

И пускай волна возьмет тебя и назад не вернет,
Пускай весь прибрежный песок твой след не найдет.
Но если огонь сверкнет вдалеке,
То мне ни к чему гадать по руке.
Я знаю — чей это пожар торопит рассвет.
Это одна из моих ночей, одна из твоих побед.

1985

Тацу

Островок в океане: пять базальтовых скал,
Гнезда птиц и лишайник, но наставник сказал:

«Тацу, Тацу, юный воин Ямато!
Тацу, Тацу, Император велел нам здесь оставить
солдата».

Поздно осенью крейсер якорь бросил у скал,
Металлический голос по-английски сказал:

«Tazu, Tazu, army's gone! War is over!
Tazu, Tazu, your emperor surrended!
Leave your rocks, gun-unloaded!»

Тацу знает лишь то, что это голос врага.
Он не понял ни слова — ложь все наверняка!

万歳帝が勝つ «Banzai, Mikado wa katsu!»
万歳軍隊は強い «Banzai, Untai wa tsuyoi!»

Тацу, Тацу, тебе тринадцать лет,
Тацу, Тацу, ты — маленький дракон.

Сорок солнцестояний и сезонов дождей
Тацу ждет приказаний от погибших вождей.

Тацу, Тацу ловит крабов в заливе.
Тацу, Тацу воду пьет и глядится в зеркала дождевые.

Тацу, ты стал совсем седым…
Тацу, ты охраняешь дым…

1985

Ночные братья

окна, глаза зверей, огни галактик,
фары ночных машин на темном тракте
если б суметь огонь надеть, как платье,
вы бы пришли в мой дом, ночные братья

в каждой душе есть вечный и древний голос,
каждый огонь хранит первобытный зов
в темной сырой земле скрыт магнитный полюс,
ночью зрачки горят, как огни костров

сколько известно вам самых первых истин,
отблеск луны в воде и роса на листьях?
если б суметь огонь надеть, как платье,
взяли б меня с собой ночные братья

окна, глаза зверей, огни галактик,
фары ночных машин на пустом шоссе
нужно спешить: ведь солнце в своих объятьях
все испарит, что скрыто в ночной росе

1985

Вниз по течению неба

Я смотрю на голубой экран
Самой лучшей из любых программ.
Как туман облака,
Алый плот уносит река.
Я жду заката, плеска весла,
Я жду отъезда навсегда.
Я жду прощанья, жду гудка,
Где та рука, что даст мой трап мне?

Вниз по течению, вниз по течению неба, неба...
Вниз по течению, вниз по течению неба, неба...

Я смотрю на этот синий холст,
Я ищу на нем прозрачный мост
Через все, что не вернуть.
Я жду героя, я жду того,
Кто мне откроет, для чего…
Жду я прощенья от морей,
Чтоб плыть скорей туда, куда должна.

Я смотрю на голубой экран
Самой лучшей из любых программ.
Как туман облака,
Алый плот уносит река.
Я жду героя, я жду, кому
Можно доверить — почему…
Жду я прощенья от дорог,
Чтоб миновать порог земных камней.

1985

Белая бабочка

я сплю, и мне снятся сны о снах
я таю, как свечка, на глазах
быстрее, чем тает снег в руках

и мне не дождаться прихода тепла
мне больно, но боль эта так светла
во мне расправляет свои крыла
Белая Бабочка

когда двойные рамы снимут с окон,
она легко порвет свой белый кокон
и помчится к облакам,
к талым водам и ручьям,
невесома словно тень —
ей отпущен только день

пастушья звезда принесет закат,
и белая тень прилетит назад,
и сразу начнется снегопад

я вновь засыпаю в дупле совы,
и снова сугробы на вид мертвы,
но слышит дыханье корней травы
Белая Бабочка

1985

Разбуженный ударом между глаз

утренний холод ежит фабричных работниц
они едут куда-то, ничуть обо мне не заботясь
болит голова,
гудят провода,
но это не похмелье
совсем другая беда
свет нестерпим,
звук нестерпим,
отвратителен каждый запах

разбуженный ударом между глаз
(из порванных труб вырывается газ)
разбуженный ударом между глаз
(это — кислород, и он смертелен для нас)
разбуженный ударом между глаз

чужие ногти свежо хрустят на зубах,
мы были ежами, мы метили иглами в пах
невесомы тела,
непонятны слова,
здесь нет никого —
ни тебя, ни меня
свет нестерпим,
звук нестерпим,
отвратителен каждый запах

1985

Когти

она была создана, чтоб украсить собой чью-то
ночь
крупная рыжая кошка из тех, что боятся росы
она избегала рук — чем тут можно помочь? —
и смеялась над тем, кто был смел,
с яростью летней грозы

и я вступил на порог, стремясь изменить сюжет
она зашипела в углу, когда я сказал: ты лжешь!
две сотых секунды на то, чтобы найти достойный
ответ:
агаты ее когтей —
хирургический нож

и я отступил на шаг, предавая мужскую суть,
и ушел, как побитый пес, вытирая густую кровь,
оставив в ее когтях то, что не мог не вернуть
докурив бессонную ночь,
я вернулся за этим вновь

она улыбнулась так, будто знала все наперед,
и вновь нанесла удар при звуке знакомых слов
знакомая боль — она сильней незнакомой жжет
я шел на третью казнь
под грохот свинцовых висков

глаза заливала кровь, но память о лестнице той
уже не нуждалась в глазах — я был то ли глуп,
то ли смел
я шел на нее, я шел как пьяный христианский
святой
на берберийского льва
я, кажется, даже пел

но однажды я спутал час и явился еще до зари,
истончав от бесчисленных ран, я был почти
невесом,

я раздвинул душой кирпичи, не касаясь
закрытой двери,
неслышим, невидим никем,
я проник в этот дом

я закрыл руками лицо, ожидая знакомый ответ,
но она спала в темноте, но она спала в забытье
я открыл глаза… этот свет, странный свет,
без источника свет,
оставляя меня в тени,
осветил мне ее черты

и при свете, который светил, я впервые смог
рассмотреть,
что рубцы на ее лице — повторенье моих рубцов,
что на пальцах ее нет когтей — обоюдоострая
плеть
таращилась рядом с ней
зрачками тугих узлов

и тогда, завершая триумф, я склонился как хищник
над ней,
прагматик и грубый солдат, знающий хитрость
войны
но ангел, паривший над ней, успел мне крикнуть:
не смей!
и голос он свой воздвиг
прочней крепостной стены

и я отшатнулся и вдруг усвоил науку кольца
я слышал шепот небес: Вера, Надежда, Любовь
это было мое Всегда, и оно хранило меня
и я исчез, словно дым,
чтобы утром явиться вновь

1985

Каждый вдох

Весь горю, как порох в огне,
Но и этот темп не по мне!
Каждый час иду на прорыв,
Пусть мой идеал — это взрыв…
долгий, как мгновенье,
Жаркий, жаркий, как
Стремленье, каждый день мне несет,
Мысли боевой разворот!
Жизнь моя — последний бросок,
Каждый вдох — металла глоток,
Долгий, как мгновенье,
Жаркий, жаркий как огонь…

…В этом вихре страстей и сомнений
Шлак сгорает на раз.
Ветром уносится черный и вредный
Жалкий угарный газ.
Как результат, в очищающем вихре
Останется то, чем горжусь,
И те, что сгорают в пламени чувств,
Песню подхватят мою…

В пламени сгорит моя ложь,
Вот тогда я выйду под дождь.
Вернусь я из воды, и, быть может,
Спокойней и светлей, чем нож,
Вырванный из ножен,
Сталью, выжженной стрелою.
Каждый день мне несет
Мысли боевой разворот.
Жизнь моя — последний бросок,
Каждый вдох — металла глоток.

не позднее 1985

* * *

Открытые пространства,
Скрытые людской стеной
Открытые пространства,
Смытые людской волной —
Я принимаю ваш вызов.

Этот тихий дом был мой.
Он остался за моей спиной.
Я отдал свои ключи
Тем, кто завладел моей тюрьмой.

Снова, снова, снова я призываю свободу,
Чтобы, чтобы, чтобы — остаться собой.
Снова, снова, снова я призываю свободу
…быть собой.

Открытые пространства,
Небо над людской рекой,
Открытые пространства,
Пена над людской волной.
Я перейду границу…

Блудный сын найдет порог,
Принесет в ладони пыль дорог —
Все, что он нашел вдали,
Все, что он скопить в дороге смог.

Там, за людской стеной — там, за людской волной.
Там, за людской рекой — там, за людской стеной.
Этот тихий дом был мой,
Эти стены выросли со мной.
Тот, кто быть не смог собой,
Будет тем, кем сделают его.

/ я узнал секретный код,
я нашел победный ход /

не позднее 1985

Менингит

больные люди плодят больные слова,
стенограммы сиделок не сходят с первых полос,
под светом бестеневых ламп блестит голова
в сиреневых крапинках сбритых волос

вечер смеха и плясок в сумасшедшем дому,
день открытых дверей в палатах и боксах,
и пожарные спорят по горло в дыму,
но стропила горят, и тушить слишком поздно

не выходи на улицу без берушей,
прячь телевизор от малышей
ветер, несущий слюну, ядовит:
эпидемический м-м-м-менингит!

я хотел бы знать, кто здесь болен,
а кто здесь здоров,
но все психи надели халаты,
убив докторов,
и учат латынь и пытаются
спрятать клыки
маньяк за рулем говорит,
кровь отирая с руки:
«садись! забудь!
мы отправляемся в путь!
по той же дороге,
но к новой звезде
не думай о цели —
счастье народа
в быстрой езде»

не выходи на улицу без берушей...

не позднее 1985

Заколдованный бор

судьи встанут,
встанут судьи мертвы,
белые-белые мантии
даст им снег
встанут судьи
в париках прошлогодней травы,
заслышав скрип
наших черных-черных телег

чтобы вершить приговор,
судьи не взяли мечи
мы едем на суд через бор —
сами себе палачи

судьи сядут
в кружок у развилки дорог,
мимо промчимся мы —
тени, тени во мгле
тронут судьи каждого
ольховым прутом,
знаки поставят перстами
на стылой земле

чтобы вершить приговор,
мы едем на плахи свои
сквозь заколдованный бор —
сами себе палачи

не позднее 1985

День

Я любил, любил, любил, любил, любил
Холодное утро,
Утро Елены.

Я стучал, стучал, стучал, стучал, стучал
В закрытые двери,
Двери Елены.

Я стоял всю ночь на коленях ради Елены
И слышал, как пело за дверью радио Елены.

Я любил, любил, любил, любил, любил
Рассудочный полдень,
Полдень Татьяны.
Как святая книга в сафьяне,
Мудрость Татьяны.

Я сидел, как мальчик за партой, возле Татьяны
И шатался, будто бы пьяный, от правды Татьяны.

Я любил тропический вечер,
Вечер Марии.
Я ласкал горячие плечи,
Плечи Марии.

Я входил, как тигр, в квартиру милой Марии
И слышал, как голуби пели «Ave Maria».

Я ушел в безмерную полночь,
Полночь Ирины,
Встал на путь как лезвие длинной
Жизни Ирины.

Пережил все страшные тени леса Ирины
И проснулся, чувствуя рядом холод Елены.

не позднее 1985

Пять минут неба

Ночи и дни
Сжались в комок,
Как бумага,
Когда ее лижет пламя.

Ото всех желаний,
Ото всех тревог
Только пять минут,
Только пять минут
Сохраняется нами.

Пять минут неба —
Это так много,
Мне не о чем больше просить
Ни тебя, ни бога.
Пять минут неба —
Это так много.

Только пять минут,
Пять минут неба.
Только пять минут.

не позднее 1985

Запоздалый поезд

Ты не чувствуешь моего присутствия,
Опаздывая на последний сеанс,
Ох, сеанс.
Под гипнозом твоей длинной тени
Улица погружается в транс,
Ох, в транс.

А между тем, мы вместе ловим
На нашем полустанке
Один и тот же полуночный
Запоздалый поезд.

У тебя два холодильника:
Один на кухне, а другой — в голове,
Ох, голове.
Я не нравлюсь тебе (сочувствую!),
А ты не нравишься мне,
Ох, мне.

А между тем, мы вместе ловим…

Ты можешь обливать меня грязью,
Засунув в урну тщедушную совесть,
Но ты не можешь уйти с перрона,
Купив билет на тот же поезд, поезд.

Один и тот же полуночный
Запоздалый поезд.
Один и тот же полуночный
Наш запоздалый паровоз.

не позднее 1985

Режь меня

Ты моя сладкая боль, но это ложь —
В ранах останется соль, хотя в сахаре нож,
И скоро эта правда станет слишком горька,
Но это будет завтра, ну а пока…

Режь меня режь меня режь!
Режь меня режь меня режь!

Ты надеваешь перчатки, принимая гостей,
Ты стерла пемзою пальцы почти до костей.
Но вся пролитая кровь вернется обратно, и
На белой лайкре выступят кровавые пятна,
Ну а пока…

Режь меня режь меня режь!
Режь меня режь меня режь!

не позднее 1985

Девочки с розовыми глазами

ты знаешь,
здесь ночью,
когда в коридоре
погаснет последняя синяя лампа
и все мотыльки и летучие мыши
исчезнут в открытом пространстве
какого-то мне незнакомого теплого неба

ты знаешь,
тогда появляются тысячи
жадных трепещущих ищущих рук
и на белой больничной стене вырастают
холодные пальцы, большие ладони

все это похоже
на праздник, на сон наяву,
словно все это было когда-то со мною

и девочки с розовыми глазами
и девочки с розовыми глазами!

все это похоже
на траурный марш
они шарят по стенам, по окнам, по крыше
и душат каких-то прохожих вокруг
все это похоже на сон, словно все это было!

я знаю,
я чувствую — это пришли за мною
и я остаюсь неподвижно лежащим,
и капли дождя и какое-то небо
на родине бюст, на площади памятник,
мемориальную доску на стену —
все что угодно, но только, но только не это!

не позднее 1985

Плебейка

плебейка — по твоему лицу размазан мэйк-ап
плебейка — твоя любовь как телогрейка
я привожу тебя домой, как водят блудных собак,
мой сексуальный партнер и мой классовый враг
ты говоришь о Париже, но тебе куда ближе помойка

мои деды жевали Нерчинский снег,
мои прадеды мечтали о Полярной звезде
я потомок тех, кто дал тебе свободу,
чтобы ты имела тряпки и плевала на работу

плебейка — твой рот улитка, ты плод вырожденья
плебейка — в твоих жилах водка уже два поколенья
я привожу тебя домой, наверно, это с тоски,
у тебя злые бедра и тугие соски
ты говоришь об Армани
и прячешь семечки в нагрудном кармане

мои деды стояли у мешков с песком,
мои прадеды харкали кровью на камнях катакомб
и вот мы одни — одни в этом доме
что я могу сделать с тобой, что я могу дать тебе кроме
унижающей тебя любви
если ты только можешь понять,
что я улыбаюсь не от наслажденья —
я смеюсь над тобой
когда хозяйка нового мира
становится плачущей плотью,
ты всегда голосуешь за
просто тем, что ты есть
просто тем, что довольна
просто тем, что твои глаза
смотрят всем встречным мужчинам
в область ширинки...
плебейка!

не позднее 1985

Альтернативная песня в защиту лысых

Кое-что знаю я твердо,
На этом я полысел.
Может, это не лучший исход,
Но я остался цел.

Кое-что знаю я твердо,
На этом я полысел:
Лучше быть лысым, чем быть мертвым,
А я остался цел.

Я ставлю с шумом на кухне кастрюли,
Я не люблю итальянца Россини:
Оперу его, «Севильский цирюльник»,
Ведь я-то живу в России.

Я не чувствую страха — я лысый!
Меня не пугает дым!
Я вижу в этом глубокий смысл:
Жаль, я никогда не буду седым

Я буду лысым до скончания века,
Я буду смотреть сквозь очки и прицел.
Лысые вечно будут на свете,
А, значит, я буду цел!

не позднее 1985

Сирота

у меня был отец, у меня была мать
и я помнил их лица и знал, как их звать,
но камни с моста упали, коснулись воды,
встал дождь за спиною и стер все следы

я спустился с моста уже сиротой,
встал посередине дороги пустой,
увидел в поле ворота и встал у ворот
спросить мое имя у тех, кто пройдет

мимо поезд промчался, не сбавивший ход,
в черном небе далеком пролетел самолет
и промчалась машина, не притормозив
я успел поседеть, никого не спросив

и вернулся я в город в котором я рос
и вошел в каждый дом, разнося свой вопрос
словно эхо вопрос повторял каждый рот,
потому что вернулся я в город сирот

не позднее 1985

В тени звука

грохот трамваев и голоса прохожих
заливают окна ослепительным светом,
заполняют комнату темным молчаньем
молчание — это тень звука

я лежу в твоей прохладе, сестра смерти,
вспоминая имена и голоса свыше
и понятно все до боли и нужды нету
зажигать последней спичкой свечу слова

в тени грохота
в тени грома
в тени музыки
в тени всего святого

отголоски битвы и стоны агоний
сгущают сумерки, как яркие фары
и нужны на окнах железные шторы,
чтобы не слышать вопля восходяшего солнца

я лежу, сосредоточен на светлой точке,
постепенно тающей на темном экране
когда она погаснет, я останусь голым
перед бесформенным, безмолвным созданьем

не позднее 1985

Панцирная кровать

ложись на панцирную кровать
она скрипит, но на это уже наплевать
для других приготовлено ложе из роз,
но у роз есть шипы
ты знаешь,
они могут поранить всерьез

твоя грубая кожа ласкает и жжет
я буду целовать твой обветренный рот,
я принесу воды в оловянной кружке,
но это чистая вода
ты видишь —
мутная Луна осталась снаружи

ложись на панцирную кровать,
ложись на панцирную кровать
она скрипит, но на это уже наплевать,
она скрипит, но на это уже наплевать

мое тело вместило столько потерь
оно может показаться тебе камнем теперь,
но если ты пожелаешь, я сброшу свой вес
я буду парить,
ты увидишь
парить над тобой, словно вестник небес

некрашеные стены, неструганый пол
заляпанные окна, неубранный стол,
но здесь так чисто, как в райском саду
отгадай загадку:
скажи мне,
что я имею в виду

не позднее 1985

Следы на песке

Кто ты? Ангел жизни или ангел смерти…
Зачем? Тревожишь ночью сны мои… Зачем?
Возьми, что хочешь, только дай уснуть мне.
Сгинь прочь! Противиться тебе нет сил…

Повторяется вновь и вновь
Эта пытка освобожденья.
Я иду за тобою в ночь,
Оставляя следы на песке…

Куда? Зовешь меня и манишь взглядом…
Зачем? Когда молчишь, ты все же ждешь ответ…
Возьми, что хочешь, только дай проснуться.
Сгинь прочь! Противиться тебе нет сил…

Растворяется лед в руке,
Превращается дерево в пепел,
Лишь останутся в памяти
Следы на песке…

не позднее 1985

Очевидно, это она (Полтергейст)

стаканы пляшут на полках,
сам собой выключается свет,
кран открывается в ванной,
хотя никого там нет

очевидно, это она
очевидно, это она
выходит на прогулку
из закоулков сна

из деревянных ручек ножей
вырастают чайные розы,
из пустоты на страницы книг
падают чьи-то слезы

очевидно это она
очевидно это она
выходит на прогулку
из закоулков сна

спящий внезапно проснулся,
и осталась она одна

не позднее 1985

Пылающая улица

куда ведет эта улица —
вверх или вниз?
ближе к небу в алмазах
или прямо в ад?
где-то там за плечом
остался мой дом,
но времени нет
оглянуться назад

улица горит,
и ты должен бежать
если ты и не сгоришь,
оставшись стоять,
то задние ряды
пройдут по твоей груди
пылающая улица —
не стой на пути!

я увидел указательный знак,
прибитый на гвоздь
я встал и попытался его прочитать,
но слепой вонзил мне
в спину острую трость,
а блюститель попытался
меня расстрелять

улица горит...

не позднее 1985

Клипсо-калипсо

Зеркала отражали любовно
Розу чистую в светлой росе,
И хотелось ей быть бесподобной,
Но при этом такой же как все.

Дьявол женщину всякому учит,
И она на пружинке тугой
Справа крепит янтарное солнце,
Слева — клипсу с жемчужной луной…

Идет, идет, неся свечение,
Звучит, звучит такая музыка:
«Клипсо, клипсо-калипсо,
клипсо, клипсо-калипсо»

Это ребус, шарада, загадка,
Судьбы тех, кто ее целовал:
Если справа — сгорал без остатка,
Если слева — навек застывал...

Идет, идет, неся свечение,
Звучит, звучит такая музыка…

не позднее 1985

Взгляд с экрана

она читала мир, как роман,
а он оказался повестью:
соседи по подъезду,
парни с прыщавой совестью
прогулка в парке без дога
может встать тебе слишком дорого
мать учит наизусть телефон морга,
когда ее нет дома слишком долго

отец, приходя, не находит дверей
и плюет в приготовленный ужин
она старше, чем мать,
он должен стать ее мужем
первый опыт борьбы против потных рук
приходит всегда слишком рано
любовь — это только лицо на стене,
любовь — это взгляд с экрана

Ален Делон говорит по-французски
Ален Делон говорит по-французски
Ален Делон не пьет одеколон
Ален Делон пьет двойной бурбон

парни могут стараться на квартирах подруг
она тоже бывает там,
но это ей не дает ничего,
кроме будничных утренних драм
а дома совсем другое кино —
она смотрит в его глаза,
и фантазии входят в лоно любви,
чем все те, кто сильней узнают ее

1984–1985

Наша семья

в нашей семье каждый делает что-то,
но никто не знает, что же делают рядом
такое ощущенье, словно мы собираем
машину, которая всех нас раздавит

наша семья — это странное нечто,
которое вечно стоит за спиною
я просто хочу быть свободным и точка,
но это означает расстаться с семьею

кто здесь есть? брат сестра тесть!
смотрите на меня — я иду поджигать
в пижаме и с нелепым огнем
смотрите на меня хотя бы потому,
что я просто иду —
я иду поджигать наш дом

есть белая овца среди черных овец,
есть белая галка среди серых ворон
она не лучше других, она просто дает
представленье о том, что нас ждет за углом

что с вас взять? сын дочь зять!
смотрите на меня, я почти Герострат
со свечкой и босиком
вы выйдите впервые на проспект за углом
хотя бы для того,
чтобы взглянуть,
как пылает наш дом

не позднее 1985

Прогулки по воде

с причала рыбачил апостол Андрей,
а Спаситель ходил по воде
и Андрей доставал из воды пескарей,
а Спаситель погибших людей
и Андрей вскричал: «Я покину причал,
если ты мне откроешь секрет!»
а Спаситель ответил: «Спокойно, Андрей!
никакого секрета здесь нет!

видишь, там на горе
возвышается крест
под ним — десяток солдат
повиси-ка на нем,
а когда надоест,
возвращайся назад
гулять по воде, гулять по воде,
гулять по воде со мной!»

«Но Учитель! На касках блистают рога,
черный ворон кружит над крестом
объясни мне сейчас, пожалей дурака,
а распятье оставь на потом!»

онемел тут Спаситель и топнул в сердцах
по водной глади ногой:
«Ты и вправду дурак!» — и Андрей, в слезах,
побрел с пескарями домой

не позднее 1985

Труби, Гавриил

сошел на землю Гавриил
и вострубил в свою трубу
и звал на суд он всех живых
и всех лежащих во гробу
но шел уже четвертый час,
и каждый грешник крепко спал,
и был напрасен трубный глас,
и ни один из нас не встал

труби, Гавриил, труби,
хуже уже не будет
город так крепко спит,
что небо его не разбудит
труби, Гавриил, глухим
на радость твоим небесам
труби, Гавриил, глухим,
пока не оглохнешь сам

рассвирепевший Серафим
так дунул из последних сил,
что небо дрогнуло над ним
и помрачился блеск светил
но зова медного сильней
звучал из окон мирный храп,
и, перьев собственных бледней,
он выпустил трубу из лап

не позднее 1985

Снегопад

форма без содержания,
теле- без видения
радио без вещания,
группы без названия,
лица без выражения

мужчина без имени,
женщина без имени
в квартире без номера
сперма без семени,
зачатие без рождения

снежную безымянность
требует чья-то безмятежность,
снежную безымянность,
безмятежную снежность
чтобы спал спокойно
темный человек,
имена смывает
светлый снег

следствие без причины,
радости без кручины,
герои без подлости,
подлецы без совести,
репортажи — не повести

бунты, но в чайной чашке
речи, но по бумажке
приход лета — в свои победы,
тайфуны — в их поражения,
сомнения — в искажения

снежную безымянность
требует чья-то безмятежность,
снежную безразличность,

однозначную снежность
чтобы спал спокойно
средний человек,
все следы скрывает
светлый снег

о-го-го, вы,
те, кто на нем оставляют следы,
снег заметает все ваши труды
вы спорите, где здесь вперед, где назад,
вы бьетесь не в шутку
в алмазном безмолвье,
пока вас хоронит в хрустальных гробах
снегопад

снежную бызымянность
требует чья-то безмятежность
чтобы спал спокойно
умирающий век,
падает снег, падает снег

падает снег

не позднее 1985

Пограничник рассудка

А. И.

они всего лишь больные; они болели всегда,
но диагноз был поставлен только вчера —
позавчера мы называли их одними из нас,
теперь мы зовем их иначе
и санитары охраняют границу миров
когда граница трещит, они зовут докторов,
и доктора уверяют всех тех, кто здоров,
что граница реальна

а я стою на границе; я не там и не здесь,
я знаю про себя только то, что я есть
это, к сожалению, последняя весть,
которую мне подал рассудок
они бормочут в коридорах и рыдают в саду,
как призраки истины, как тени в аду,
но это не ад, это только распад:
ад был в призрачном прошлом

я не знаю их имен, но я знаю их дела
я вижу их лица, ощущаю их тела —
они хранят отпечатки той, что в них жила:
души, зовущейся верой
я слушаю их речи сквозь помехи тревог
это радио, в котором диктор сам Бог
от можно и нельзя их охраняет замок
и Эскулап из алебастра

вот послушайте: это говорит Журналист,
весь в гипсе и белый, как газетный лист —
Я вступил на полосы газет, как на паркет,
но поскользнулся на надраенной лжи…
его перебивает, не дослушав, фармацевт,
пробивавший по звонку дефицитный рецепт:
я позвонил себе, как только врач сказал мне: рак —
но забыл сказать что я от Петрова…

его сменяет Девушка семнадцати лет,
ее слезы в темноте лучатся как свет:
Мурлыкая как кот, он сказал — через год —
но все абрикосы замерзли…
тихо и светло смеется Прокурор,
у него голубой и невинный взор:
Мне принесли одно дело под надзор,
я открыл — мое имя…

их ряды прибывают, их речам нет конца,
мое сознанье — металл тяжелее свинца
я прошу передышки во имя Отца,
Сына и Святого Духа
я на той же границе, но уже к ним спиной,
я любуюсь безрассудно другой стороной,
но кто это шутки играет со мной?
кто поставил здесь зеркало?

пограничник рассудка, я воспитан не так:
алмазная черта, от нее — ни на шаг
быть может, перепутаны и свет, и мрак,
но граница задана свыше
я знаю что неправ — но кто же здесь прав?
я знаю: мир безумен — но устав есть устав
я улыбаюсь на черте, зная, что устоять —
это тоже безумие

не позднее 1985

Поезд, поезд (Рай или пропасть?)

я ехал домой, я очень спешил,
я ворвался стремглав на вокзал
я вошел в вагон и подумал: успел,
и понял, что опоздал
пневматическая дверь
зашипела, как больная змея:
я, наверное, сел в электричку,
которая идет не туда
я, наверное, сел в электричку,
которая идет в никуда

попутчики спят, уверенность спин,
прислоненных к скамейкам, стыдит:
«ты хромаешь, на сердце позор и срам,
ты нелеп, как молодой инвалид
в расписании станции — протри очки —
ты же умеешь читать!»
я, наверное, сел вместе с теми,
кто не смел никогда рассуждать
я, наверное, сел вместе с теми,
кто не смог никуда опоздать

я хочу видеть лицо того
(поезд, поезд — в рай или в пропасть),
я хочу слышать приказ того
(поезд, поезд — в рай или в пропасть),
я хочу знать имя того,
кто ведет этот поезд

холодный тамбур снег наметает
в мертвую черную щель
это первый вагон, я стучу кулаком
прямо в служебную дверь
но руки в крови скользят по двери,
и ветра пронзителен свист

я наверное слишком слабо стучу,
чтоб услышал меня машинист
я наверное слишком много хочу —
чтоб открыл мне дверь машинист

я хочу…

я отчаянно крикнул, дверь поддалась
и сдалась в тугой хрипоте,
чтобы мне показать, что кресла пусты
и что поезд летит в пустоте,
и то, что стоит за стеклом впереди,
намного чернее, чем ночь
и я кинулся в кресло в нелепых слезах,
пытаясь хоть чем-то помочь
но, может быть, я слишком плохо искал,
но я не нашел тормоза
— мне кажется тот, кто все предусмотрел,
посылая состав в никуда, —
он отлично знал, что такие, как я,
не умеют водить поезда

я хочу…

не позднее 1985

Разговорчивый пьяница

разговорчивый пьяница
мне дышит в лицо
в поезде без станций,
который пишет кольцо
что могу я поделать —
говори, говори —
я прижат к грохочущей черной двери

разговорчивый пьяница
делится горем
щедро и безжалостно,
как волнами — море
куда мне деваться —
давай, наливай —
раз попали мы в поезд,
хотя шли на трамвай

я ненавижу тебя
за то, что тебе плохо,
я презираю себя
и железную эту дорогу
я ненавижу свет
за то, что он — порожденье тьмы
и всех, всех, всех
за то, что здесь
оказались мы

разговорчивый пьяница
будет мертв
как только он скажет
последнее слово
его нельзя спасти —
он умрет, умрет —
если его не ударить снова

не позднее 1985

Архитектор дороги

архитектор дороги
размещает шлагбаум,
на каждой развилке
вооружаясь линейкой,
он срезает пространство,
он верит Эвклиду,
он видит две точки
там, где поставят две точки
но между ними мы —
пересекаемы

линия проведена, линия
синяя или красная
разделяя, властвует
чья-то линия —
черная или белая,
состоящая из мыслящих точек

директивность движения
карандаш подкрепляет
графитовым стержнем
метафизика боли,
китайская пытка
мы спим на растущем бамбуке
раскаленную леску
глупость вылижет снова до блеска
очередной эдем,
новый призрачный свет
линия так пряма —
почему бы нет

линия, узкая линия
кем-то намечена,

кем-то прочерчена
— у́же, чем плоскость,
но это наш космос

не позднее 1985

Поздно вечером в парке

поздно вечером в парке
воздух жаркий,
как ребро цилиндров
поздно вечером в парке
запах пота
и запах бензина
    поздно вечером в парке
    мы только своих пропускаем
    поздно вечером в парке
    мы в игры кентавров играем
я так люблю ваше полуметаллическое тело,
я так люблю ваше полумеханическое дело
    я прячусь за кусты, как маленький мальчик
    меня зовут Питер Пэн или Мальчик-с-пальчик
    я боюсь темноты, но я иду в темноту
узкие брюки, белые кроссовки
узкий галстук, прямой висок
холодное пиво в полуночном парке
факультативный урок мы учили по самоучителю города —
как должен жить одинокий зверек
    поздно вечером в парке
    я гадаю для вас
    на осколках бутылок и картах
    поздно вечером в парке
    ясно вижу я тех, кто составил для вас
    перфокарты
    поздно вечером в парке
    я могу рассказать,
    чем вы кончите в вашем безумье
    поздно вечером в парке
    я бы мог рассказать о святой бесполезности
    бунта,

но я люблю ваше полуметаллическое тело,
но я люблю ваше полумеханическое дело
мне показали свет, который брезжит где-то,
но если это свет — меня тошнит от света
я боюсь темноты — но я иду в темноту

не позднее 1985

* * *

мой хитрый бог, ты мне шепчешь на ухо,
зная, что я в подчиненье у слуха,
разные вещи, чтоб я был непокорен
тому, что есть — но с немым укором
лежит на блюде за витриной
насущный хлеб —
и как его взять?

твой ангел легкомысленен, игрив и прекрасен,
он даст мне ночлег за пятóк твоих басен,
мед своих уст, молоко своих грудей,
он пока что молод — он не против идей,
но скоро он попросит вместо басен
насущный хлеб —
а где его взять?

хлеб наш насущный,
насущный наш хлеб
ты приходишь к нам на небо,
ты приходишь к нам на небо,
ты приходишь к нам на небо —
забирая нас в свой хлев.

все ветряные мельницы как рыбаки —
они ловят свежесть воздушной реки —
и если жив еще тот, кого зовут Дон Кихот,
то хлебом насущным заткнут ему рот:
ведь для каждого из нас…
и есть насущный хлеб — есть ли лучше удел?
есть насущный хлеб ради завтрашних дел,
и съев его, лечь раньше, так как рано вставать,
а завтра надо встать, чтобы изготовлять
уже на завтрашний день насущный хлеб —
и так без конца!
хлеб наш насущный…

и я знаю заранее ответ тех, кто есть:
зачем искать зря небывалых чудес,
зачем искать смысл вне простоты —
мы кушаем то же, что кушаешь ты,
и в этом наша цель и высокая честь —
трудиться лучше и лучше есть!
и я жую свой кусок,
думая: неужто мог
ошибиться такой
мой
удивительно хитрый бог?

не позднее 1985

* * *

я никогда не гордился
тем, что я сделан не так
я часто даже стыдился
того, что я сделан не так
я искал свое место
в этой путаной схеме —
это, честно говоря,
не относится к теме —
но я даже готов допустить,
что я просто дурак

люди с отверткой в кармане
знают все про монтаж,
люди с отверткой в кармане
подбирают крепеж
все соседи мои
вкручены до упора
и вибрируют вместе
с дюжим телом прибора
им тепло и уютно —
у них за спиной сопромат

    винт с левой резьбой —
    это кем-то допущенный брак,
    или, может, просто деталь
    к тому, что еще на листах,
    к тому, во что
    поверить не так-то легко

я не герой, я скорее
всего лишь больной

я лезу в ту же дыру, что и все,
но я — с левой резьбой
я срываю резьбу,

выбирая судьбу,
те, кто этим гордится —
я видал их в гробу —
результат — это ты,
но проект-то не твой

меня считают опасным —
эта логика очень проста
если видишь лишь часть
одного непростого листа,
на котором проект
исполняет Всевышний —
комментарии здесь,
очевидно, излишни:
как может быть опасен тот,
кто не может занять ваши места?

не позднее 1985

Подросток

это было рано утром, в мой любимый час
я искал свежий ветер на пустых мостовых
я пил воду из-под крана и жевал черствый хлеб,
и я встретил человека — это старый сюжет,
старый сюжет, старый как свет

я заранее знал, что он будет необычен
я сказал ему «здравствуй» и похлопал по спине
с тайной мыслью нащупать его ангельские крылья,
с тайной жаждой увидеть надпись на стене,
надпись огнем на этой стене
/ надпись огнем, стену в огне /

но он был из глины, но он был из плоти,
он сумел бы вряд ли даже пройтись по воде,
он отвел мою руку и сказал мне, улыбаясь,
ты ошибся, мальчик, я такой же как все,
такой же как ты, такой же как все

/ я был недоволен, мне стало жарко,
ночная медитация пошла насмарку
я зря потратил утро и утратил тему,
утратил тему для маленькой поэмы
я был недоволен, меня бросало в холод,
исчезло вдохновение и появился голод
я вышел зря на улицу, где я утратил тему,
утратил тему для маленькой поэмы /

это было рано утром, в мой любимый час,
я искал свежий ветер на пустых мостовых
я купил себе газету на последний пятак
и отправился назад по другой стороне,
шагая назад по другой стороне

и под звук моих шагов между каменных стен
ситуация сама превращалась в стихи

и когда путь завершился последней строкой,
я почувствовал руку у себя на плече,
шум ангельских крыл у себя за спиной

и я кинулся назад, чтоб его отыскать
и, придя назад на место, я стоял как во сне
это случилось здесь, но, наверно, не со мной
только надпись огнем на холодной стене:
«такой же, как ты, такой же как все»

не позднее 1985

Магнитная стрелка

все больше колумбов в поисках новых америк,
все больше матросов, готовых увидеть берег
там, где на самом деле забор и надпись на нем,
а за ним — сторож с казенным ружьем
но больше и тех, которые смотрят из окон
заборы для них все равно что для куколки кокон
для них безрассудный порыв и безумье стремленья —
броуновское движенье

им нужен кто-то, кто был бы похож
на магнитную стрелку
им нужен кто-то, кто был бы похож
на магнитную стрелку

я вижу его — султана в гареме из скуки
смазливых угодливых муз и вертлявой науки
и матери наши с отцами к нему свои старые руки
протянут в когда-то их искалечившем жесте
и что тогда сможем мы и наши молитвы?
и лучшие рифмы довольно бессмысленны в битве
мы можем отлить небывалые формы и ритмы,
но наша броня неизбежно окажется жестью

а с ними будет кто-то, кто будет похож
на магнитную стрелку
с ними будет кто-то, кто будет похож
на магнитную стрелку

и, смяв нас, они пойдут в направленье приказа
магниты не мыслят, они не поймут то, что ясно сразу:
то, что северный полюс в конце всех меридианов
то, что смерть среди льдов неизбежна для пьяных
но свободою платят за самоубийство, и страшно
то, что за неименьем своей они расплатятся нашей
так храни нас господь

храни нас господь от того,
кто похож на магнитную стрелку
храни нас господь от того,
кто похож на магнитную стрелку

не позднее 1985

«Смотрите, как я ухожу»

Я обрубаю за собой хвосты,
Я ухожу в апельсиновые дебри,
Смотрите, как плавно я ухожу
Туда, куда уже никому не верится

Забудьте меня, я сжег все мосты,
Я попытаюсь никогда не возвращаться.
Смотрите, как безвозвратно я ухожу,
Поэтому не надо надо мной стебаться

Я все-таки не стал поджигать ваш дом,
Я просто не хочу никого обидеть,
Мне очень бы хотелось посмеяться над вами,
Но я уже не могу вас видеть

Я просто оставил вас, как вы есть
Теперь вы останетесь такими навсегда,
Видите, как честно я ухожу —
Я это могу себе позволить иногда

Итак, я обрубаю за собой хвосты
И все эти части оставляю за вами,
Счастливо досмотреть, как я ухожу
У вас на глазах, на глазах со слезами…

не позднее 1985

* * *

Ты прыгаешь на тугую сетку,
Ты хочешь влюбиться в риск,
Ты играешь в русскую рулетку,
Раскручивая телефонный диск.

Если кто-нибудь скажет «да»,
Ты не поверишь, что это честно,
Ты отведешь от виска трубку
И положишь ее на место.

Если кто-нибудь скажет «нет»,
Ты будешь слушать всю ночь напролет.
Счастье может тебе навредить,
Но несчастье тебя не убьет.

не позднее 1985

Баллада в ре

Я однажды любил:
Словно бронза смугла,
Как ягненок невинна
И как нимфа стройна
Та девчонка была.
Я лелеял ее,
Но мелькнув, как весна,
Она скрылась.

В юный бриз летних дней
Брал не раз я свое,
Хоть и мать, и сестра
Сторожили ее.
Их сердца иссушил
Ряд житейских невзгод,
И на нас они злость
Вымещали.

О, она была младшей,
Младшей из двух.
В ее маленьком сердце
Жил чувственный дух,
И козлом отпущенья
Служила она
Для ревности мелкой
Всех близких.

В ее старшей сестре
Что-то жалкое есть:
Скука, жившая в ней,
Берегла ее честь,
На чужие мечты
Ее падала месть,
Усмотрев в них угрозу
Привычному.

Все прошло, и прощенья
Откуда мне ждать?
Как я смел дать надежду,
Как смел я солгать,
Обещая, что я
Не смогу потерять
Такой совершенной
Возлюбленной?

Я нашу любовь
Видел внутренним взором,
Как решетку камина
С волшебным узором.
И я уже впал
В грех, полный позора,
В грех веры, что мы
В безопасности.

Но призрачность гнева
В реальность мечты
Метнула безгласный
Ответ пустоты…
И надпись поперек
Могильной плиты:
«Эй ты! Ну что теперь
Скажешь?!»

И скрипнула дверь,
И открылась она —
Обычный исход
Фантастичного сна:
Король, королева
Из чугуна
Разбились вдребезги
Ночью.
«Ты принес нам несчастье!», —

Вскричала сестра:
«Будь проклят и прочь
Уходи навсегда!»
И в доспехах своих
Повернувшись тогда,
Пригвоздил я ее
К руинам ничтожества.

В тусклом лампочки свете
Осколки литья,
И над ними сцепились
Сестрица и я.
И она, между нами
Словно дитя,
Злобно вдавлена в прах
Нашей тенью.

Все прошло, все прошло.
Все подходит к концу.
Я рыдаю, и слезы
Бегут по лицу.
Вспоминаю ту ночь,
Когда вниз по крыльцу
Я сбежал, ощущая спиной
Пепел чувства.

Ветер ставней стучит,
И сырой потолок —
Сладких слов забытья
Отыскать я не смог.
Кто полюбит ее —
Пусть мой помнит урок,
Пусть хранит ее, как
Драгоценность.

И друзья, утешая,
Дают мне совет:

«Будь свободен теперь!
Пред тобой целый свет».
Но загадочный слышат
И странный ответ:
«Свободны ли птицы
От оков горизонта?»

не позднее 1985

Погребение проклятого

Скоро тело твое христиане
Равнодушно земле предадут.
Это будет в полночном тумане,
Там, где сорные травы растут.

Вскоре здесь на немую путину
Выйдут злобные монстры дремать:
Тут раскинет паук паутину,
Там змеенышей выведет мать.

А к утру над твоей головою
Будет дикая птица кричать,
Чорт свирепый железной рукою
Будет труп из земли вынимать.

Будет ведьма в страстях извиваться,
Белый саван зубищами рвать.
Будут вопли ее раздаваться…
Когда утро наступит опять.

Будет телом маньяк наслаждаться,
Будет голод в разврате топить,
Будут воры в квартиры врываться,
А уроды — уродов плодить.

Будет кровью вампир упиваться,
Будет в горло свинец затекать,
Будут люди людей же бояться…
КОГДА УТРО НАСТУПИТ ОПЯТЬ!

не позднее 1985

* * *

Эй, человек! Беспечный человек!
Не верю я, что ты
        Готов покорно, закрыв глаза,
Бессильным лечь у трона
«Гуманного» нейтрона!
                это вздорно! —

Без боя, без борьбы
Глотать смертельные грибы.
Не смей,
        Не смей глядеть сквозь пальцы!
Запомни — люди на Земле —
                не постояльцы!

Горящий факел
На порох просто положить.
Потом его не потушить, горящий факел.
Ты должен жить!
        Ты должен жить не в страхе.
Ты должен
            петь,
                писать,
                    кричать,
Но не молчать!..
Тогда в награду за труды
В тебя швырнут не бомбы,
А бросят под ноги цветы.

не позднее 1985

Волы

а горы я люблю не за орлов...
мне нравятся горы
из-за волов,
впряженных цугом в большую арбу,
скрипучую колесницу
я иду рядом с ними ночи и дни
и вздыхаю, когда
вздыхают они,
ласкаю мозоли у них на горбу,
пью слезы на их ресницах

мечты их уходят, как пар из ноздрей,
расставаясь с мечтами, идется быстрей
мечты по наследству отходят ко мне —
фотографу поневоле
я их проявляю в своем мозгу
и я постигаю воловью тоску
и закрепляю в растворе слов
мечты о свободе и воле

один вол считает, что постромки
спасают его от греха и тоски
он весь во власти священной руки,
он тянет по воле Бога
другой проклинает тот день, когда
он позволил надеть постромки на себя,
видя в них вроде цепей и ядра,
мешающих прыгнуть к небу
другой же их тянет, тянет весь век
за ежевечерний овес и ночлег
он воловий Ньютон, открывший закон
следствия и причины

но в горах не слишком-то верят мечтам,
а складки рельефа мешают глазам

значительно проще поверить ушам:
телега скрипит
это значит — телега едет
скрипит — значит едет

а в мешки на телеге засыпана соль,
и она здесь играет не последнюю роль
возница везет ее, словно пароль
для пропуска в бесконечность
но волам-то видать лишь кремнистый путь:
обернуться назад им мешает хомут,
и божественный груз постигают как суть
лишь идущие рядом с арбою
а бычки рьяно рвут сыромятный ремень,
режут губы быков, прогоняя их лень,
и быки сокращают свой завтрашний день,
продвигаясь к закату…

а телега скрипит, телега скрипит, значит едет
телега скрипит, ось во втулках хрипит,
телега скрипит —
значит едет, едет, едет…

не позднее 1985

* * *

я открываю все краны
на кухне и в ванной
и заполняю квартиру
холодной водой
я приступаю к подводному
существованью,
реализую на практике мой
новый метод дыханья

шаг мой приводит в восторг
почитателей монстров,
ищущих в каждом поступке
изысканный стеб
что им до права любого
на собственный остров —
им лишь гвоздями прибить бы венец
на подвернувшийся лоб

жить и дышать под водой —
это путь не из легких:
стоит превысить лимит,
и наступит конец
надо спешить — я уже
ощущаю боль в легких
только замазали каждую щель
обладатели добрых сердец

не позднее 1985

Остров Абалон

Тот же кошмар: мне снятся дырявые банки,
По камням из них уходящая кровь.
Искореженные жестянки, вытекающая кровь…

Вынимая газету из ящика, я с надеждой
смотрю на число:
Может, оно останется тем же?
Но надежда приходит
все реже и реже
и —
Мне снова не повезло.
А туманное утро прохладно и мудро;
С мелом стоит у доски:
«Запишите задание на дом:
Разучить состоянье тоски».
А во рту вкус сладостных яблок:
Сон наяву придет,
Сон о яблочном острове
В сердцевине гнилых болот,
Где для воинов и героев
повернул любезно Создатель
В отрицательную сторону
времени выключатель,
Где воздух так густ и плотен
от застывших молитв
И навечно скрестились копья
навек неоконченных битв.
Пусть закрыта дверь, среди сосен
все равно яблоня расцветет.
Пусть закрыта дверь, у часов
все равно их пульс пропадет.
И дрожит у двери засов,
Бьется тоненький лучик света.
В щель под ней проползет, шипя,
утренняя газета.

не позднее 1985

* * *

Мы вместе вышли в путь
в начале дня
без лишних слов.
Собрали мы в пути
большой букет
живых цветов.

Мы отыскали дом
быстро и легко,
Мы принесли цветы,
цветы
и больше ничего.

Мы постучали в дверь,
но тишина
была в ответ.
Никто нам не открыл,
и за окном
не вспыхнул свет.

И показалось нам —
нас не хотят пускать
Не сразу мы тогда
смогли понять:

Господи! Как просто!
Просто в доме — никого!

Мы принесли цветы,
цветы
и больше ничего.

не позднее 1985

Тревога странного человека

Скорее возьмите меня и спрячьте,
Не оставляйте меня одного:
Натянуты струны, закручены гайки —
Такая тревога, такая тревога.

В моих мыслях есть секретное место,
Оттуда все намного видней.
Под музыку томно поющей челесты
Я разглядываю профиль, но не знаю, чей.

Ты моя виселица, я так хочу!
Я тебе наливаю: скорей-ка расти.
Я забираюсь на тебя и как бес хохочу,
Представляя себе, как ты будешь цвести…

Ты с детства мечтал отрастить себе волосы,
Но для этого обязательно нужна голова.
Ты шагаешь, переступая через черные полосы,
И кто-то помогает тебе: «Раз, два! Раз, два!»

В моих мыслях есть секретное место,
Оттуда ничего не видно порой.
Под музыку томно поющей челесты
Я разглядываю контур, но не уверен, что твой…

не позднее 1985

* * *

Ты словно сплошной стресс,
как бегун перед важным стартом,
Ты очень похож на
заряженный конденсатор.
Искры летят из-под пальцев —
требуется разрядка.
Не строит вторая струна —
все в порядке.

Сбросить тяжелую музыку с плеч,
Сбежать от свинцового бремени —
Полет откладывается до 22 часов
Московского времени…

Он еще, он еще, он еще дышит?
Как лимон, как лимон он давно выжат,
Но новый день начинает как старый:
с того же любимого риффа.
Легко ли спится ему
на стальных ладах
гитарного грифа?

Пьешь в буфете ночном
сомнительных качеств
напиток.
Твой самолет за окном,
а ты десять лет немытый.
Пять суток без бритвы и сна
и смятое подсознание.
И больно от воздуха — на
пределе твое осязание.

Сбросить тяжелую музыку с плеч…

не позднее 1985

Я хочу спать

В последнее время довольно некстати
Мой взгляд напряженно следит за кроватью.
О, поле прекрасное мирных сражений
И лучшее средство само-утверждений!

Я хочу спать…
Я хочу спать…
Я хочу спать… спать… спать…

Мне так надоели волнения дня,
К тому же все это такая фигня:

Я хочу спать…

не позднее 1985

Эта музыка будет вечной

радиола стоит на столе
я смотрю на тень на стене
тень ко мне повернулась спиной
тень уже не танцует со мной
какие-то скрипки где-то
впились в чьи-то тонкие плечи
эта музыка будет вечной,
если я заменю батарейки

эта музыка будет вечной,
если я заменю батарейки

я испытывал время собой —
время стерлось и стало другим
податливый гипс простыни
сохранил твою форму тепла,
но старый градусник лопнул
как прекрасно, что ты ушла
эта музыка будет вечной,
если я заменю батарейки

я должен начать все сначала
я видел луну у причала
она уплывала туда, где теряет свой серп,
но вскоре она возместит свой ущерб,
когда батарейки заменят

не позднее 1986

Казанова

если нет любви в твоих проводах,
если холоден голос в твоем телефоне,
я могу понять и могу простить,
я звоню в никуда — я забыл даже номер
вчерашний день не сегодняшний день —
на мягких подушках не въедешь в вечность
ты повесишь на стул позабытую тень
моих присутствий и влажных приветствий

Казанова, Казанова — зови меня так
мне нравится слово
в этом городе женщин,
ищущих старость,
мне нужна его кровь,
нужна его шалость

Казанова, Казанова — зачем делать сложным
то, что проще простого
ты — моя женщина,
я — твой мужчина
если нужно причину,
то это причина

если голос твой слышен — еще ты не спишь,
ты светишься бронзой, раздетое лето
ты манишь на свет всех крылатых в ночи,
но не хочешь согреть никого этим светом
подражая примеру соседских глазков,
ты шпионишь постыдно за собственным телом,
но не видишь на бедрах свинцовых оков
хотя можешь заметить даже черное в белом,

Казанова, Казанова…

каждый день принесет десять новых забот,
и каждая ночь принесет по морщине
где ты была, когда строился плот,
для тебя и для всех кто дрейфует на льдине?

1986

Под прицелом твоих окон

до сих пор встречая твой дом по пути,
быстрым шагом стараюсь я мимо пройти,
не взглянув на знакомые эти ступени
и на двери, в которые мне не войти
то ли дом стал выше, то ли я стал старше,
то ли я боюсь неизбежной фальши
задержусь перед ним я всего на секунду,
перед тем как снова двинуться дальше

я стою в перекрестье твоих окон
я стою под прицелом твоих окон

мне известно, что я здесь стою напрасно
мне известно, что это окно погасло
только свет его, зависнув в пространстве,
продолжает еще оставаться ясным,
и ложится крест на лицо и плечи,
перечеркивая дела и встречи,
и стоит в глазах безнадежно долго,
я боюсь сказать — навсегда, навечно

как бы ни был я от тебя далеко,
ты найдешь меня во мгновенье ока
стоит только раздвинуть тяжелые шторы,
пальцы света укажут тебе дорогу

1986

Паркет

у них был паркет, зеркальный, как лед,
густой, как смола сосны
и младший в семье строил замки на нем,
поджидая прихода весны

и весна пришла, и в карманах его
завелся различный сор:
номера телефонов в табачной трухе —
он их прятал, как опытный вор

но мать находила чутьем матерей,
и мать говорила: не смей!
она помнила, как она строила дом
и чего это стоило ей

как холодом опытных женских рук
касалась реки перемен,
чтоб сковал ее прочный зеркальный паркет —
опора для будущих стен

а он приносил чужое тепло
и швырял его, словно рюкзак,
на хрупкую льдину, и кожа ее
превращалась в грубый наждак

и тонкая трещина в нить толщиной
в любимом ее январе...
а он наслаждался весенним теплом
и думал о летней жаре

а он говорил: иди сюда, мать
и встань на моей стороне!
и, пытаясь ее рассмешить, он играл
на трещине, как на струне

но она слишком долго лелеяла гнев —
в клетке лжи томившийся зверь —

и она выходила из комнаты вон,
захлопнув с грохотом дверь

от стука дверей росла полынья
и падала прочность льда
и ждавшая долго свободы и дня,
на свет появилась вода

и дом их распался, и их понесло —
чем далее, тем быстрей
и даже отец, который молчал,
оказался на льдине своей

и мать кричала отчаяньем рук,
проклиная течение вод:
ты ослушался, сын! впереди водопад!
ты слышишь, как он ревет

а он, улыбаясь, пел ей в ответ:
посмотри, как красив водопад!
он один для нас с тобой и для всех,
и никто в том не виноват

у них был паркет, зеркальный, как лед,
густой, как смола сосны
и младший в семье строил замки на нем,
поджидая прихода весны

и весна пришла и с большой высоты
сбросила хрупкость их тел…
но кто-то падал, а кто-то летел
кто-то падал, а кто-то летел

1986

Рвать ткань

на городской помойке воют собаки
это мир, в котором ни секунды без драки
Бог сделал непрозрачной здесь каждую дверь,
чтобы никто не видел, чем питается зверь
папа щиплет матрасы, мама точит балясы
под дикий рев мотоциклов детей
они смотрят программы, отмеряя стограммы,
пока дети приводят блядей

здесь все готово, чтобы рвать ткань
все готово, чтобы рвать ткань

сметана на бананах, молоко на губах
мы любим кого-то, но нас любит страх

куда идти, когда некуда идти
мы пойдем туда, где разрывается ткань
в одну тюрьму из другой тюрьмы
нас разбудили в такую кромешную рань
мне страшней Рэмбо из Тамбова,
чем Рэмбо из Айовы
возможно, я в чем-то неправ,
но здесь тоже знают, как убивают,
и так же нелегок здесь нрав

не позднее 1986

В каждой клетке зверь

мои братья в клетке,
мои сестры в загоне
мои родные за решеткой,
словно воры в законе

они ни в чем не виноваты,
разве тем, что бессловесны
к ним не приходят адвокаты,
и срока их неизвестны

в каждой клетке зверь,
в каждой клетке зверь,
в каждой клетке зверь —
живая божья тварь

я брожу между клеток,
вдыхая дикий запах
звери мчатся по кругу
на пружинистых лапах

и фиолетовым глазом
следят сквозь прутья за мною,
как первобытная совесть,
лишая сна и покоя

не позднее 1986

Всего лишь быть

я могу взять тебя,
быть с тобой,
танцевать с тобой,
пригласить тебя домой
у меня есть дома рислинг
и токай,
новые пластинки,
77-й «Akai»
твой мускус, мой мускул
это так просто — до утра вместе,
но я уже не хочу быть мужчиной,
но я уже не хочу
это так просто:
я хочу быть,
всего лишь

я могу спеть тебе,
о тебе, про тебя,
воспевать тебя,
сострадать тебе и себе
у меня есть дома эрудиция, эстампы,
мягкие подушки
и свет интимной лампы,
маски, позы, два листа прозы
это так просто —
сочинять песни
но я уже не хочу быть поэтом,
но я уже не хочу
это так просто:
я хочу быть,
всего лишь

когда надо пить,
слыть, бить, выть,
петь, брать, драть,

жрать, вить, взять
мать твою так быть
всего лишь быть
так просто забить на это,
но я уже не хочу быть поэтом,
но я уже не хочу
это так просто —
сочинять песни,
всего лишь

не позднее 1986

Праздник, на котором нас нет

ближе к субботе Луна достает свой желтый кинжал,
свободное время убивает своих господ,
в протухшее сердце впиваются сотни невидимых жал
из окон общаг летит резиновый град,
дальнобойные трассы стянуты в узел тугой
вокруг неразборчивых днищ пневматических тел
белые головы сорваны с плеч стеклянной рукой
эхо соитий в грохоте лопнувших шин

праздник, на котором нас нет
именины тех, кто рожден без имен
праздник, на котором нас нет
поминки по всем, кто похож на людей

зачем каждой твари даешь Ты Свой облик святой?
недоделанный разум за человечьим лицом
кичится божественной маской, грозится войной
оставаясь никем, постепенно становится всем
Диоген с фонарем заходит на кухни и смотрит в глаза,
в застывшие в мутном желе кадры порнух
фонарь Диогена гневным раскатом гасит гроза,
и только тогда он видит, куда он попал

1987

Я хочу быть с тобой

я пытался уйти от любви,
я брал острую бритву и правил себя
я укрылся в подвале, я резал
кожаные ремни, стянувшие слабую грудь

я хочу быть с тобой,
я хочу быть с тобой,
я так хочу быть с тобой,
я хочу быть с тобой,
и я буду с тобой

в комнате с белым потолком,
с правом на надежду
в комнате с видом на огни,
с верою в любовь

твое имя давно стало другим,
глаза навсегда потеряли свой цвет
пьяный врач мне сказал — тебя больше нет,
пожарный выдал мне справку, что дом твой сгорел

я ломал стекло как шоколад в руке,
я резал эти пальцы за то, что они
не могут прикоснуться к тебе
я смотрел в эти лица и не мог им простить,
того, что у них нет тебя и они могут жить

в комнате с белым потолком,
с правом на надежду
в комнате с видом на огни,
с верою в любовь

не позднее 1987

Падал теплый снег

падал теплый снег
она включила свет,
он открыл гараж
она сняла пальто,
он завел мотор
им было жарко вдвоем,
падал теплый снег
струился сладкий газ

дети любви,
мы уснем в твоих мягких лапах
дети любви,
нас погубит твой мятный запах

у нее был муж,
у него была жена
их город был мал
они слышали, как
на другой стороне
мешают ложечкой чай
они жили здесь,
жили среди нас
ты можешь узнать,
ты можешь спросить

они не были боги,
откуда им знать про добро и зло

они плыли по теченью,
оно их занесло
нагими на холодный стол
они жили здесь,
они жили среди нас
падал теплый снег,
струился сладкий газ

не позднее 1987

Ни кому ни кабельность

я набрал знакомый номер,
а там короткие гудки
это мой телефонный номер
значит, я с кем-то уже говорю

всегда-то мой номер кем-то занят,
когда бы себе я ни позвонил —
ни кому, ни кому,
ни кому ни кабельность

не позднее 1987

Доктор твоего тела

я проснулся рано утром,
я увидел небо в открытую дверь
это не значит почти ничего
кроме того, что, возможно,
я буду жить
я буду жить еще один день,
я не смертельно болен
но я в лазарете, стерильный и белый,
и не выйду отсюда, пока не придет

доктор твоего тела

я не буду лгать врачу
так бывало и раньше — этот приступ не нов
это не значит почти ничего,
кроме того, что мы должны быть
внимательней в выборе слов
оставь безнадежных больных,
ты не вылечишь мир — в этом все дело
пусть спасет лишь того, кого можно спасти

доктор твоего тела

я проснулся рано утром,
я увидел небо в открытую дверь
это не значит почти ничего
кроме того, что, возможно,
я буду жить
я буду жить еще один день,
и будет еще одна пьяная ночь,
как пыльная моль на подушку присела
и не был я болен и не был врачом

доктор твоего тела

не позднее 1987

Ворота, откуда я вышел

я увидел глаза, я прикоснулся к лицу,
я почувствовал руки, и навстречу теплу
мои губы опускаются все ниже и ниже:
я ищу те ворота, откуда я вышел

я пришел целовать те ворота, откуда я вышел
я пришел целовать те ворота, откуда я вышел

ты намного моложе, чем моя мать,
но это все равно — вы все одно племя
я видел мир, я вернулся назад,
я хочу стать, кем был — пришло это время

я пришел войти в те ворота, откуда я вышел
я пришел войти в те ворота, откуда я вышел

темнота так влажна, океан так блестит
это древняя соль, и она все простит
вернувшимся в лес под дремучую крышу
открой мне ворота, откуда я вышел!

я пришел — открой мне ворота, откуда я вышел
я пришел войти в те ворота, откуда я вышел,
я пришел целовать те ворота, откуда я вышел

не позднее 1987

Стриптиз

мясники выпили море пива,
мясники слопали горы сала,
мясники трахнули целый город,
им этого мало,

и когда надвигается буря,
они смотрят, где лучше расставить кресла,
чтобы видеть, как антарктический смерч
свинтит нам руки и вырвет нам чресла

разденься!
выйди на улицу голой,
и я подавлю свою ревность,
если так нужно для дела,
разденься!

пусть они удивятся,
пусть делают вид, что не видят тебя,
но им ни за что не забыть:
их мысли заполнит твое тело —
разденься!

мы начали водкой утром,
мы кончили ночью в постели
и трудно, трудно прятаться в тень
и быть молчаливым и мудрым

костлявые дети пустыни
стучатся в двери и просят объедков,
страна умирает, как древний ящер
с новым вирусом в клетках

будь оскорбительно трезвой:
они любят пьяных и психов
есть за что пожалеть их

их мысли заполнит твое тело —
разденься!

они хотели стриптиз —
они получат стриптиз...

не позднее 1987

Улитка

ты дашь огонь — я дам очаг
ты знаешь что — я знаю как
война идет — там, за окном
должна быть крепость — невидимый дом

слышишь, слышишь: поет
пламя
окна, стены всегда
с нами
там, где мы — там наш дом

ты дашь мне ось — я дам ей плоть
проложишь курс — измерю путь
возьми все небо — со всем, что там
должна быть правда — невидимый храм

стержень, стержень пронзит
сердце
свяжет, свяжет зенит
с центром

вверх улитка ползет
вплоть до самых высот,
вверх по склону Фудзи
вплоть до самых высот
и несет на спине
свой невидимый дом
вверх, вплоть до самых высот,
вверх улитка ползет
вплоть до самых высот
пусть улитка вольет
свой дом в небосвод

1986–1987

Цунами

Катится в окна прибой,
Стекла все в пене морской —
Карточный лед волной накрыт,
Как гигантской слезой.
Тысячи долгих веков,
Пять или семь берегов…
Воды их вод вернулись вновь
Исполинской волной за мной.
Слева, справа, о чудо, сам змей морской и кит!
Из окна я вижу — ко мне дельфин спешит.
Армия тонких плотин из глин,
Ужасы зыбких плотов, песков…
Карточный дом в секунду смыт
Набежавшей волной одной!
Спой мне песню, спой песню морской звезды, Орфей,
Песню морской звезды.
Стану я сама собой средь осколков
Стекол и медуз на асфальте,
Стану я сама собой средь останков
Суши и воды, ставшей грязью,
Как только придет цунами.

1986–1987

Город братской любви

соседка скажет, что они приходили:
нашли повестку в дырке замка
соседка скажет, что они позвонили,
но не дождались шагов старика
грошовый счет в казенном конверте
за непогашенный мертвым ночник
ему не скрыться от нас после смерти,
пока мы помним, что он наш должник

мы живем в городе братской любви,
нас помнят, пока мы мешаем другим

соседка скажет, что он был домоседом
и очень громко стонал по ночам
пренебрегал ее разумным советом
и никогда не обращался к врачам
соседка скажет, что его не любили,
но никто не помнил, почему и за что
соседка скажет, как легко все забыли
досадный призрак в нелепом пальто

не позднее 1987

Мой брат Каин

мой брат Каин был в далекой стране —
убивал там детей пророков
теперь мой брат Каин вернулся спасать
Россию от масонов и рока
мой брат Каин за армейский порядок
и за железную власть
Каин тяжко контужен и не спит на кровати,
потому что боится упасть
и когда он выходит в двенадцать часов,
пьяный из безалкогольного бара,
лунный свет станет красным на десантном ноже,
занесенном для слепого удара

когда он ревет — кровь течет из-под век,
когда он смеется — у него не все на месте
он уже не человек
он уже не человек

мой брат Каин — он все же мне брат
каким бы он ни был — брат мой Каин
он вернулся домой — я открыл ему дверь,
потому что он болен и неприкаян
он ловит в воздухе духов рукой,
но натыкается только на нас
мой брат Каин — он всех нас погубит,
потому что у Каина больше нет глаз

не позднее 1987

Чужой

человек в пальто за моим окном
смотрит как будто вдаль
человек за углом в темном пальто
будет везде и всегда

человек в пальто за моим окном
это, видимо, новый мой враг
ведь любой другой чужой человек
не пришел бы сюда просто так

и если он поднимет глаза,
то в окно сквозь тюлевый дым
он увидит портрет с лицом на стекле,
где я только что был молодым

он увидит меня, он запомнит лицо
он узнает мой нервный взгляд
и чужой человек в темном пальто
не оставит меня просто так

я никогда не боялся людей
но этот чужой человек

чужой человек приходит ко мне
внимательно смотрит в глаза
он желает увидеть в них ужас и страх,
но видит усталость и боль

чужой человек влетает в окно,
открывает мою постель
в надежде найти хоть малейший изъян
в чистых складках белья

но я не убийца и я не дурак
чтобы пачкать кровью свой след

чужой человек приходит ко мне
зажимает мне руки в тиски
и я вижу, как жадно он пьет из меня
остатки вина и тоски

чужой человек уходит назад
за собой не оставив следа
и я знаю что этот чужой человек
не вернется сюда никогда

не позднее 1987

Бриллиантовые дороги

посмотри, как блестят бриллиантовые дороги
послушай, как хрустят бриллиантовые дороги
смотри, какие следы оставляют на них боги
чтоб идти вслед за ними, нужны золотые ноги
чтоб вцепиться в стекло, нужны алмазные когти

горят над нами горят,
помрачая рассудок,
бриллиантовые дороги
в темное время суток

посмотри, как узки бриллиантовые дороги
нас зажали в тиски бриллиантовые дороги
чтобы видеть их свет, мы пили горькие травы
если в пропасть не пасть, все равно умирать
от отравы
на алмазных мостах через черные канавы

парят над нами парят,
помрачая рассудок,
бриллиантовые дороги
в темное время суток

не позднее 1987

Музыка на песке

у зеленой воды, у запаха тины,
наблюдая восхищенно полет паутины,
сумасшедший пацан бьет в пустую жестянку,
сумасшедший пацан лупит в старую банку
из пустого пространства, из старой консервы
извлекается звук, возбуждающий нервы
сумасшедший пацан бьет жутко и мерно
по заржавленным бакам, по огромным цистернам

музыка на песке,
музыка на песке
мы идем за ней как звери,
мы волнуемся в тоске

у зеленой волны, у старого камня
из драной рубахи он делает знамя,
из ивовой ветви он делает саблю
и бормочет какую-то абракадабру
строит замки из песка,
крутит пальцем у виска
мы бросаем семьи, мы сжигаем деньги,
деремся на свалке из-за гулкой канистры,
кухонные женщины несут сковородки,
с ведром для бумаг вдаль уходят министры
и под барабанный бой
он зовет нас за собой

музыка под водой,
музыка под водой
мы спешим за ней, как крысы
и скрываемся в прибой

не позднее 1988

Черный парус

мой огонь спалит сырой песок,
мой маяк пробьет густой туман
здесь твой порт, здесь твой причал
здесь твой киль встретит дно

дикий вереск на скале высокой,
мой брат, твой друг
черный парус на волне далекой,
мой взгляд, твой струг

вернет тебя Вотан, Вотан…
он сможет…
ложись на мхи… Вотан, Вотан…
люби, пока Вотан, Вотан не вспенит
китовый путь…
Вотан, Вотан…

будет спрут из морских глубин,
будет остров златых коней
ты — мой глаз, ты — мой глаз!
будет карканье воронья,
будет песня туманных дев
ты — мой слух, ты — мой слух!
хранит тебя…
Вотан, Вотан…

можжевельник под сосной зеленой —
мой страж, твой бог
крики чаек над волной соленой —
мой вздох, твой бег

скажи мне все…
Вотан, Вотан проверит…
дай клятву мне… Вотан, Вотан…
коснись костра… Вотан, Вотан…
рукою…

согрей в нем сталь…
Вотан, Вотан…

будет холод ледовых стен,
лихорадка больных песков
ты — мой перст, ты — мой перст!
будет золото муравьев,
бриллианты царя слонов
ты — мой меч, ты — мой меч!
хранит тебя Вотан, Вотан…

мой огонь спалит сырой песок,
мой маяк пробьет густой туман
здесь твой порт, здесь твой причал,
здесь нас ждет твой рассказ

1988

Боксер

когда я кусался или портил игрушки,
или выходил, не спросясь, один за порог,
меня ставили в угол как злую зверушку
и я плакал, покуда я мог

но слезы кончались, и глаза высыхали,
я падал на колени и молился кому-то,
кто мог прекратить бесконечную пытку
взросления

и я увидел его, глядя в телевизор,
когда родители спали
по размытой картинке
он шел навстречу мне и навстречу всем,
кто явился смотреть, как он рухнет на ринге

по разбитой улыбке стекала кровь,
и он пил эту кровь
перед стадом распаленных свиней,
становясь от этой крови сильней

красная улыбка на белом лице —
такое забудешь не скоро
и я понял детским сердцем, что это Бог,
и он воплотился в боксера
/ мой Бог воплотился в боксера /

теперь я знал, за что платят деньги:
за то, чтоб его повалили на пол,
и, когда меня вновь отправили к стенке,
я знал, что мне делать, и больше не плакал

я ударил туда, где двигались губы,
и ответный удар размазал меня,
но, вставая, я улыбался как псих
сжимал кулачок, чтобы вновь ощутить

привкус собственной крови
в горячей слюне

красная улыбка на белом лице —
такое прощаешь нескоро
им казалось, что я защищаю себя,
но я защищал боксера
им казалось, что я сошел с ума,
а я защищал боксера

не позднее 1988

Красные листья

мой город был и велик и смел,
но однажды сошел с ума
и, сойдя с ума, он придумал чуму,
но не знал что это чума
мой город устал от погон и петлиц,
он молился и пел всю весну,
а ближе к осени вызвал убийц,
чтоб убийцы убили войну

убийцы сначала убили войну
и всех кто носил мундир,
и впервые в постель ложились одну
солдат и его командир
затем они устремились на тех,
кто ковал смертельный металл,
на тех, кто сеял солдатский хлеб
и на тех, кто его собирал

красные листья падают вниз,
и их заметает снег
красные листья падают вниз,
и их заметает снег

и когда убийцы остались одни
в середине кровавого круга,
чтобы чем-то заполнть тоскливые дни,
они начали резать друг друга
и последний, подумав, что Бог еще там,
переполнил телами траншею
и по лестнице тел пополз к небесам,
но упал и свернул себе шею

мой город стоял всем смертям назло
и стоял бы еще целый век,
но против зла город выдумал зло,

и саваном стал ему снег
возможно, что солнце взойдет еще раз
и растопит над городом льды,
но я боюсь представить себе
цвет этой талой воды

не позднее 1988

Люди

я боюсь младенцев, я боюсь мертвецов,
я ощупываю пальцами свое лицо,
и внутри у меня холодеет от жути:
неужели я такой же как все эти люди?
люди, которые живут надо мной
люди, которые живут подо мной
люди, которые храпят за стеной
люди, которые лежат под землей

я отдал бы немало
за пару крыльев,
я отдал бы немало
за третий глаз,
за руку, на которой
четырнадцать пальцев
мне нужен для дыхания
другой газ

у них соленые слезы и резкий смех,
им никогда и ничего не хватает на всех
они любят свои лица в свежих газетах,
но на следующий день газеты тонут в клозетах
люди, которые рожают детей,
люди, которые страдают от боли,
люди, которые стреляют в людей,
но при этом не могут есть пищу без соли
они отдали бы немало...

не позднее 1988

(Как) падший ангел

мне снятся собаки, мне снятся звери
мне снится, что твари с глазами, как лампы,
вцепились мне в крылья у самого неба
и я рухнул нелепо как падший ангел
я не помню паденья, я помню только
глухой удар о холодные камни
неужели я мог залететь так высоко
и упасть так жестоко, как падший ангел

прямо вниз —
туда, откуда мы вышли
в надежде на новую жизнь
прямо вниз —
туда, откуда мы жадно смотрели
на синюю высь
/ прямо вниз /

я пытался быть справедливым и добрым,
и мне не казалось ни страшным, ни странным,
что внизу на земле собираются толпы
пришедших смотреть, как падает ангел
и в открытые рты наметает ветром
то ли белый снег, то ли сладкую манну,
то ли просто перья, летящие следом
за сорвавшимся вниз, словно падший ангел

прямо вниз...

не позднее 1988

Звездные мальчики

от пугающих высот
возвращаетесь некстати
вы — лунатики судьбы
на карнизах суеты

звездные мальчики, поздние, чуждые, яркие
сны вам снятся ночью —
когда вы были легче птиц,
когда летело вам вдогонку небо
и боги усмехались вслед

так беспечны были вы,
так стремительны и смелы
это легче, чем прощать,
это проще, чем любить

подвиг кончился, звездные мальчики
жизнь во сне, смерть наяву

бесконечной пустотой
вы дышать с тех пор привыкли,
ваши легкие горят
в вязком воздухе земли

звездные, поздние, чуждые, яркие сны
вам снятся ночью...

не позднее 1988

Человек без имени

всего золота мира мало,
чтобы купить тебе счастье
всех замков и банков не хватит,
чтобы вместить твои страсти
невозмутимый странник,
неустрашенный адом
ты — Человек без имени,
мне страшно с тобою рядом

ты проснулся сегодня рано
и вышел на большую дорогу,
и тотчас все ракетные части
объявили боевую тревогу
если случится комета,
ты ее остановишь взглядом
ты — Человек без прошлого,
я счастлив с тобою рядом

возьми меня, возьми на край земли,
от крысиных бегов, от мышиной возни
и если есть этот край, мы с него прыгнем вниз
пока мы будем лететь,
мы забудем эту жизнь

всех женщин мира не хватит,
чтобы принять твои ласки,
всем стрелам и пулям армий
ты подставишь себя без опаски,
непокоренный пленник,
не замечающий стражи
ты — человек без памяти,
нагой человек без поклажи

не позднее 1988

Иван Человеков

Иван Человеков был простой человек
и просто смотрел на свет,
и «да» его было — настоящее «да»,
а «нет» — настоящее «нет»
и он знал, что с ним будет
с восьми до пяти и что будет после пяти,
и если на пути становилась гора,
он не пытался ее обойти

Иван Человеков возвращался домой
на площадке, где мусоропровод
он увидел, как из люка таращится смерть
и понял, что завтра умрет
он взял свой блокнот и написал ей прийти
назавтра в двенадцать часов:
он терпеть не мог несделанных дел
и попусту сказанных слов

я знаю эту женщину:
одни ее зовут — свобода
другим она просто — судьба
и если для первых — она раба,
вторым она — святая судья
и первые пытаются взять ее в плен
и заставить стирать им носки,
но вторые знают, что тлен — это тлен
и живут без особой тоски

Иван Человеков гладко выбрил лицо,
надел лучший галстук и ждет,
спокойный и светлый, и струсила смерть,
и забыла, где он живет
он ее долго ждал, но потом он устал

попусту ждать и ушел
и, встречая смерть, не здоровался с ней,
как со всеми, кто его проколол

не позднее 1988

Чужая земля

когда я проснусь
и снова буду один,
под серым небом провинции
уже зажгутся огни,
словно лужи — глаза,
словно гальки в воде,
все погасшие звезды лежат,
лежат на тинистом дне
эта ночь плотнее плюшевых штор,
страшней чугунных оград
я вижу только себя,
везде встречаю свой взгляд

прощай, Чужая Земля,
но нам здесь больше нельзя,
мы стали легче тумана,
мы стали чище дождя
мы вновь вернемся сюда,
но кто нам скажет тогда:
«Прощай, Чужая Земля, прощай!»

возможно, мы уже спускались с небес
или рождались не раз
какая горькая память — память о том,
о том, что будет потом
шины шепчут в ночи
утешительный бред
я слышу крик в темноте
возможно, это сигнал

не позднее 1988

Новая любовь

я всегда считал, что клад этот мой,
и не думал ни с кем им делиться,
но я оставлю тебя сторожить этот клад,
и пускай тебе больше не спится
как собаке, на цепи сторожащей лабаз
с ошейниками и поводками
если нам нужно что-то еще, кроме нас,
ничего уже нет между нами

новая любовь будет совсем другой —
я не буду стоять, как нищий с пустой рукой
новая любовь или совсем никакой

я нашел в своем кармане фотографию
с безумным лицом,
я нашел в своем кармане окурок
с кровавым кольцом
я бросил их на землю, чтобы ты не взяла мой след
я не хочу быть глазами, которыми ты смотришь
на свет —
нет и нет...

женщины верны тому, кто с ними, а мужчины
верны себе
я дал тебе имя, я возьму это имя и верну это имя
судьбе
я нашел свободу — она повсюду, но не там, где она
дана
и я буду королем, ушедшим в изгнание,
а ты будешь моя страна

не позднее 1988

Она ждет любви

она ждет любви с Востока и Запада,
она ждет любви с Юга и Севера
любовь — это газ без цвета и запаха,
и дни, как листва, опадают с дерева
она зажигает спичку от спички,
она не знает, как это опасно,
она раздувает золу по привычке,
хотя всем ясно, что пламя погасло

люди идут с молоком и сыром,
несчастные люди, довольные миром,
люди идут с простоквашей и хлебом,
несчастные люди, забытые небом

она так пьяна от этого воздуха,
она влюблена в расческу и зеркало
в груди ее — голубь, не знающий отдыха,
в глазах ее — звезды за тайною дверкою
ни вор, ни дурак ее не обидит,
вещей золотых она не скрывает
она постарела — для тех, кто не видит,
она одинока — для тех, кто не знает

не позднее 1988

Умершие во сне

умершие во сне не заметили, как смерть
закрыла им очи
умершие во сне коротают за сплетнями
долгие ночи
умершие во сне не желают признать, что их
скушали мыши
умершие во сне продолжают делать вид,
что они еще дышат

умершие во сне согревают под пеплом
холодные руки
умершие во сне принимают за веру
ненужные муки
умершие во сне не видят, что черви
изъели их землю
умершие во сне продолжают делать вид,
что они дремлют

умершие во сне, разбивши свой колокол,
стали глухи
умершие во сне читают молитвы
над кучкой трухи
умершие во сне любуются небом
в чугунной оправе
умершие во сне продолжают делать вид,
что они правят

один громкий звук, и покатятся кости
один громкий крик, и обвалятся крыши
Боже мой, не проси танцевать на погосте,
Боже мой, говори по возможности тише

не позднее 1988

Колеса

скорее разбуди,
ведь мы с тобой одни
наяву и во сне
скорее разбуди,
ведь мы с тобой одни
в колесе, в колесе…

и можно заявлять, что кончен бал,
кричать в пустой подъезд, что я устал

резиновая пыль,
бензиновая гарь,
снова вдаль по шоссе
работа и постель,
а есть ли, есть ли цель в колесе?
в колесе…

столбы не верст, а дней
все ближе, все плотней
но к чему, но к чему?
за финишной чертой,
за лентой призовой
что там ждет, что там ждет?

может быть, шлагбаум срежет бег?
может быть, начнется новый век?

возможно, только день,
возможно, только тень,
только пыль, только прах…
она нам не страшна,
страшней, когда она
в колесе, в колесе…

возможно, что шлагбаум срежет бег, возможно…
возможно, что начнется новый век, возможно…

возможно, если только человек сам сможет…
возможно только то, что может быть возможным…

можно даже быть свободным в колесе…
если хочешь быть свободным в колесе…

столбы не верст, а дней
все ближе, все плотней…

1988–1989

Ленивые огни

спокойные ночи,
холодные линии
из серебра
горящая влага,
дым сигареты,
колдовские слова
как белая кожа
по черной коже
сверчок телефона,
забытые номера
твои клаксоны,
далекие саксофоны
и свободные свитера

    пусть плавится лед
    под твоей рукой
    ты, чьи пальцы
    в моих волосах,
    невидимый навсегда

лимоны в бокалах,
полночное солнце,
мой барабан,
ночи кларнетов,
под тонкой рубашкой
два острия
как черная кожа
по белой коже,
как тени на льне
танцы в прихожих
из этих сброшенных
замшевых туфель
разольется луна

1988–1989

Карменсита

Карменсита,
любовь — как птичка,
но кто сказал, что птичка —
дитя свободы?

Карменсита,
мы вылупились в клетке,
и отпечатки прутьев
всегда на наших крыльях

когда приходит вечер
в парчовом платье,
нас покоряет бледность
твоих прозрачных пальцев

но, Карменсита,
весь сок твоих гранатов
нам не заменит сладость
горячей капли крови

и цитрусовой ночью
нас душит запах
найденых в навозе
жемчужных зерен

Карменсита,
открыв свои объятья,
ты с головой накроешь
нас кружевами страсти

но кинжалы вновь прилетят за нами
напоминаньем
о преданной неволе

не позднее 1989

Письма к римским друзьям

Камилл, Сатурнов век прошел
вчера он кончился —
        откуда знаю?
сказали варвары —
        пришли попить воды
худые, жалкие —
        наверное, долго бились
и все в крови —
        своей или чужой
не разобрал я —
        цвет-то одинаков

Что сделал я? —
        да вынес им воды
лакали, брызгались,
        размазали подтеки
по рыжим бородам, потом ушли
главарь смотрел
        через плечо на дом
запоминал дорогу,
как вернуться ночью

Что буду делать? —
        допишу тебе письмо,
пойду взгляну на солнце
как заходит
а Юнии скажу дать детям опий
пусть крепко спят,
готовясь в долгий путь

* * *

а где-то там вдали Сарматия,
Марцелл
страна, где мертвых
зарывают в землю,
смешав с навозом,
сеют как ячмень
и ждут, когда взойдут

вот, в августе священном
шевелятся поля
ростками бледных рук
окрепнув с темнотой,
покойники идут
на праздник деревенский,
там танцуют,
кто с мужем, кто с женой
и счастливы сарматы —
на мертвецах
основан их обычай
а на заре…
что, Цинния, дрожишь?
ты говоришь,
скребутся чьи-то пальцы
о доски? где? в подполье?
все возможно…
не так уж далека Сарматия,
Марцелл!

* * *

вчера смотрел,
как ловят фимодлид
чудесных рыб,
расцвеченных Иридой
плывущие кинжалы —
вот их облик
в стремительных потоках…
потный раб
заходит босиком на середину
несущейся воды и там стоит,
пока к его ступням
резвящаяся рыба не привыкнет
затем летит
к лесе привязанная муха
рывок —
и ужас бессловесного
создания,
которое успело осознать,
что над его зеркальным небом
— другой и тоже населенный мир

Камилл,
когда посланье дочитаешь,
взгляни вокруг
и напиши, что видел
не видел ли ты, часом, ног,
Камилл?

1989

* * *

когда с Лицинией на ложе узком в истоме
лежим подолгу, отдыхая от сладостной битвы,
случившейся утром поздним (нам милое время),
порой касаемся друг друга кончиками пальцев,
вызывая возбужденной содрогание плоти
(так после сладостной бури еще трепещет море)
утомленно молчим и слушаем грохот
колесниц, по улицам узким бегущих,
за окном всплески крыльев мягкие голубиных
все нам мило, да только на кухоньке нашей
грохочет утварью Арминий, двадцатой когорты
седьмого легиона на постой вставший воин,
полугерманец, полуперс, мочой ослиной разящий
(видать, полощет ей зубы), здоровенный малый
для упражнений ратных он часто выбирает
неподходящее время, неподходящее место
обнаженный, гремя щитом, но в поножах ржавых,
вбегает в наши покои, не замечая раскрытых
красот твоих, копье втыкает в шаткую стену
и рубит ветхую мебель, потом назад убегает
и я ловлю взгляд твой тайный и понимаю с печалью,
кто будет тебе защитой и чьи ты выберешь чресла,
когда декуриям скажут, что переходят вброд реку
нагие варвары леса…

около 1989

Садык

Садык берет ружье и уходит в горы
умирать за право жить рабом как отец
в арабской вязи тропинок он видит суры Корана,
и словом неба в кармане лежит священный свинец

а я не знаю, кто вторгся в мою страну
я просыпаюсь и глотаю чужую слюну
столько лет я нахожусь у кого-то в плену
уплыть бы за море, да боюсь — потону

Садык ложится в песок головою к Мекке
и шепчет скороговорки, лишенные смысла
от солнца жаркого кровью наливаются веки,
и вслед за коброй в песке ползут садыковы мысли

но я не знаю, кто прав — Христос или Аллах,
я ни хрена не понимаю в этих темных делах
и как рыба об лед об отечество бьюсь
ушел бы в леса — да боюсь заблужусь

а я не знаю, где свет: наверху или внизу
я не прочь полетать, но по привычке ползу
и пока разберешься, кто здесь царь, кто здесь вор,
зайдет в квартиру Садык и передернет затвор

1989

Под железнодорожным мостом

под железнодорожным мостом
последняя сигарета оказалась сырой
ржавая пыль на моих волосах,
состав гремит над моей головой

под железнодорожным мостом
улетают минуты из опущенных рук
я никуда не уйду, пока в тумане густом
с последним поездом не стихнет
гипнотический звук

под железнодорожным мостом
я слежу, не жалея остывающих дней,
за проплывающим в небе крестом,
гасящим свет городских огней

под железнодорожным мостом
я и сам не заметил, когда я привык,
то, что хватает другим на века,
тратить беспечно,
в какой-то миг

под железнодорожным мостом
я набил карманы золотою золой,
последний вагон махнул мне хвостом,
состав отгремел над моей головой

1990

Родившийся в эту ночь

я ехал в такси по пустому шоссе
с тобою один на один,
и шофер говорил не тебе и не мне
про запчасти и про бензин
он включал только ближний свет
и видел одну ерунду
он не видел того,
что ночное шоссе
упирается прямо в звезду
адрес был прост и понятен:
засыпанный снегом хлев
красное вино и белый хлеб —
/ в моем дипломате /
они для тебя,
родившийся в эту ночь

тот — кто дает нам свет,
тот — тот, кто дает нам тьму
и никогда не даст нам ответ
на простой вопрос — почему?
тот, кто дает нам жизнь,
тот, кто дает нам смерть,
кто написал нас всех, как рассказ,
и заклеил в белый конверт

я ехал в такси, и от белых полей
поднимался искрящийся пар,
как дыханье всех спящих под этой звездой
детей и супружеских пар,
/ родившихся в эту ночь /

и таксист, начиная творить чудеса,
прикурил от ее лучей
я спросил: чей ты будешь, заснеженный мир?
и мир мне ответил: ничей...

я засмеялся от счастья,
что его у меня не отнять,
я разлил вино и хлеб разделил
и протянул таксисту,
чтобы он вспомнил, кто
родился в эту ночь
/ чтобы помнили все,
кто родился в эту ночь /

не позднее 1990

Последний человек на Земле

когда впервые за туманами запахло огнем,
он стоял за околицей и видел свой дом,
картошку в огороде и луг у реки
он вытер слезу и сжал кулаки,
поставил на высоком чердаке пулемет
и записал в дневнике: «Сюда никто не войдет»

красные пришли и обагрили закат,
белые пришли и полегли, словно снег,
синие, как волны, откатились назад
и все это сделал один человек,
молившийся под крышей своим богам
/ своим двум богам, своим двум рукам /

но ночь подняла на башне черный свой стяг,
их истинный цвет, их подлинный флаг
/ свой истинный крест, свой подлинный флаг /
три армии собрала на расправу она,
/ три армии собрались на расправу в ночь /
три темных шеренги, три дьявольских сна,
/ три черных начала, три дьявольских сна /
три мертвых источника адских трех рек
/ три черных начала адских трех рек /
что мог с ними сделать один человек?

сойдемся на месте, где был его дом,
где трава высока над древесным углем
и зароем нашу радость в этом черном угле
там, где умер последний человек на Земле,
молившийся под крышей своим богам

не позднее 1990

Джульетта

Джульетта лежит на зеленом лугу
среди муравьев и среди стрекоз
на бронзовой коже, на нежной траве
бежит серебро ее светлых волос
тонкие пальцы вцепились в цветы,
и цветы поменяли свой цвет
расколот, как сердце, на камне горит
Джульетты пластмассовый красный браслет

судья, если люди поймают его,
ты по книгам его не суди
закрой свои книги — ты в них не найдешь
ни одной подходящей статьи
отпусти его с миром и плюнь ему вслед,
пусть он с этим проклятьем пойдет
пусть никто никогда не полюбит его,
пусть он никогда не умрет

Джульетта лежит на зеленом лугу
среди муравьев и среди стрекоз
муравьи соберут ее чистую кровь,
а стрекозы — нектар ее слез

не позднее 1990

Черные птицы

черные птицы слетают с луны,
черные птицы, страшные сны
кружатся, кружатся всю ночь,
ищут повсюду мою дочь

возьмите мое золото,
возьмите мое золото,
возьмите мое золото
и улетайте обратно

— нам не нужно твое золото,
нам не нужно твое золото,
заржавело твое золото
и повсюду на нем пятна

черные птицы из детских глаз
выклюют черным клювом алмаз,
в черных алмаз унесут когтях,
оставив в глазах черный угольный страх

возьмите мое царство,
возьмите мое царство,
возьмите мое царство
и возьмите мою корону

— нам не нужно твое царство,
нам не нужно твое царство
твое царство — яма в земле сырой,
и корона твоя — из клена

так возьмите тогда глаза мои,
так возьмите тогда глаза мои,
так возьмите тогда глаза мои,
чтобы они вас впредь не видали

— нам уже не нужны глаза твои,
нам уже не нужны глаза твои
мы уже побывали в глазах твоих
и все, что нам нужно, взяли

не позднее 1990

Монгольская степь

сзади идет зима, сзади идет ледник
родиться юным — стареть за миг
больше нигде таких мудрых детей,
больше нигде таких безустальных крыльев —
нет нигде

старые церкви, непролазная грязь,
красный колпак, африканский джаз
надо спуститься где-то выпить воды
среди камышей на болотах следы
острых копыт

перелет, перелет от вечной зимы,
идущей по пятам,
идущей по пятам,
перелет, перелет в монгольскую степь
монгольская степь
монгольская степь

сзади идет ледник, следом несет валун
последние птицы, последний день лета
крылья перепелки в лапах орла
спрячь клюв, спрячь под крыло
(а ну-ка спрячь!)
эскимосские танки входят в города
глыбами льда: на дымящихся башнях —
белый медведь и стальная звезда
/ спрячь клюв /

не позднее 1990

Эти реки

Васька Кривой зарезал трех рыбаков
отточенным обрезком штыря,
вывернул карманы и набрал серебром
без малого четыре рубля
вытряхнул рюкзак и нашел в рюкзаке
полбутылки дрянного вина,
выпил вино и заснул на песке —
стала красной речная волна

эти реки текут никуда,
текут, никуда не впадая

Ваську Кривого повязали во сне
и доставили в город на суд
жарко нынче судейским — они, не таясь,
квас холодный стаканами пьют
а над ними — засиженный мухами герб,
страшный герб из литого свинца
а на нем — кровью пахаря залитый серп
и молот в крови кузнеца

Ваську Кривого, разбудив на заре
без оправки ведут в коридор
в глухой коридор, где щербатый кирпич
и плиткою вымощен пол
божья мамочка билась у входа в тюрьму
о железную дверь головой,
но с кафельной плитки васькину кровь
смыл водою из шлангов конвой

не позднее 1990

Летучая мышь

светла, как печаль, безмятежна, как сон,
ты влетаешь, как птица, садишься на пальцы,
и я снова спасен
беззаботная лень, безымянная тень,
ты накроешь мой дом туманным крылом,
и закончится день

но в безлунную ночь, как бездомная дочь,
не выдержав счастья по зову ненастья,
ты уносишься прочь,
оставляя мне пыль, оставляя мне прах,
унося мою душу мерцающим камнем
в бессильных когтях

ведьма или ангел, птица или зверь,
вернись, я оставлю открытым окно
и незапертой дверь
смерть или спасенье, свет ты или тьма,
если не вернешься, я впервые узнаю,
как сходят с ума

мое отраженье — лицо мертвеца,
плывет без движенья в глубинах зеркал
в ожиданье конца
но если ты принесешь назад талисман,
иней на стеклах без дыма сгорит
и разгонит туман

но если ты опоздаешь хотя бы на миг,
они треснут, как лед и на пол упадет
снежно-белый старик
и камень в когтях станет серым свинцом,
и ты рухнешь бессильно, разбив свои крылья
рядом с мертвым лицом

не позднее 1990

Морской змей

стану я, стану я змеем морским,
буду я охранять все кочевья китов,
буду я косить желтым глазом,
косить желтым глазом,
глядеть на купанье детей

буду я буду длинный и гибкий,
и слишком уж страшный,
так, чтоб быть опасным
морской змей, морской буду я,
слишком невероятный,
чтобы быть сказкой,
морской змей, морской буду я

рассекающий воду резиновым телом,
один на земле,
так я буду жить вечно один

стану я, стану таким
после смерти

и слишком уж мудрый,
чтобы быть сильным,
и слишком уж старый,
чтобы быть хитрым,
мой змей
морской змей, морской,
обвивающий Землю,
мой змей

стану я, стану таким, стану я
после смерти опять

не позднее 1990

Бесы

я созрел душой для прозрачных и светлых дней,
мой взор стал бел, как монашеская постель
я несу свой огонь, не боясь от него сгореть,
но послушай, как страшно стучится в окно метель
каждый клубок этой пурги — живой,
свет фонарей отражен льдинками злобных глаз
бесы зовут наружу в стужу уйти с пургой
туда, где мертва вода и дурманит газ

белые стены, храните, спасите нас
без зеркал, в которых соблазн,
без слов, в которых беда
молчанье — мое заклинанье
темнота — больная сестра
пока я жив, они не войдут сюда

бесы просят служить, но я не служу никому
даже себе, даже тебе, даже Тому, чья власть
если Он еще жив наверху, то я не служу и Ему:
я украл ровно столько огня, чтобы больше его
не красть
и бесы грохочут по крыше — такая ночь,
длинная ночь, для того, кто не может ждать,
но она улетит быстрее, чем птица прочь
если б я точно не знал, я бы не стал гадать

белые стены храните, спасите нас…

не позднее 1990

Лунатики

Мы стоим на лунном луче
Над неподвижной водой,
Мы стоим на остром луче
Над переменной звездой.

В траве кричит козодой,
Пытаясь нам открыть глаза,
И лунная ночь полна красотой,
Но нам ее видеть нельзя.

Мы боимся упасть, мы боимся пропасть,
Мы боимся сорваться и потеряться.

Пусть не дрогнут веки твои,
Когда ветром сдавленный стон
Попытается сердце, как птицу, спугнуть
И нарушить твой сон.

Там внизу обветшает дом, пересохнет река,
Но считать потери будем потом
И жалеть мы будем потом, а пока

Мы боимся упасть, мы боимся пропасть,
Мы боимся сорваться и потеряться.

Пускай я не увижу твоего лица,
Но я ощущаю тепло твоих пальцев.

не позднее 1990

Прозрачный поезд

Прозрачный поезд стоит на путях,
Стеклянный поезд отправляется вдаль;
Пока он не уехал, я чувствую страх,
Когда он исчезает, приходит печаль.

Он скроется за лесом, он мелькнет за рекой,
Обронит мне в зрачки хвостовые огни;
Закрою я глаза непослушной рукой,
Чтоб следом за слезой не сбежали они.

Призрачный поезд осторожен, как тать,
Стеклянный поезд эфемерен, как луч,
Держась за эти рельсы, я буду дышать,
Пока он не сорвется с железных круч.

Он поезд своевольный, он не будет стоять,
Ему катиться легче, разумеется, вниз,
И, как я ни пытался его удержать,
На каждый мой приказ у него свой каприз.

Прозрачный поезд, невесомый мой бред,
Стеклянный поезд, независимый сон;
И все не разберешь, есть он или же нет,
Пока не оборвется хрустальный звон.

не позднее 1990

Параллельные линии

в небесах самолеты летят
параллельными курсами,
бесконечно реки текут
параллельными руслами
по серебристым рельсам бегут
поезда параллельно вдаль
чтоб свести их вместе,
мне ничего не жаль

два параллельных провода
протянуты на расстоянии,
слушают жаркие доводы
короткого замыкания
и молнией голубой
пытаются обменяться
чтобы сойтись с тобой,
мы должны перестать бояться

    параллельная линия, близкая линия,
    твоя траектория
    скользит в черном небе
    над моей территорией
    параллельная линия

я выгреб колодец
и увидел твой проблеск на дне,
я спустился в темную шахту
я увидел как шрам на луне
слишком много потерь
для такого короткого дня
параллельная линия рядом,
но она не коснется меня

не позднее 1990

Твоя тень

я — твоя тень,
я стою у тебя за спиной
и, если ты выйдешь в окно,
я выйду вместе с тобой
и, если ты будешь с другими,
я буду стоять у дверей
и ждать, когда ты поймешь,
что это — другой

    ведь ты никогда
    не смотришь назад,
    и, выйдя живой из огня,
    ты не вспомнишь о том,
    кто принял огонь на себя

но я — твоя тень,
мне не нужно дешевых наград
я просто иду за тобой,
повторяя каждый твой шаг,
и каждый новый день
начинается так:
покорно, как собака,
я падаю к твоим ногам

    ведь ты никогда
    не смотришь назад
    и, выйдя сухой из воды,
    ты не вспомнишь о том
    кто дышал под водой за тебя

но что мне с того?
этот выбор сделан не мной
дело вовсе не в том,
чем ты лучше других или хуже

с точки зрения логики
нет смысла в вопросе,
зачем я иду за тобой,
если я — твоя тень

не позднее 1990

За то, чего нет

у скучных людей очень черная тень —
тем чернее, чем ярче свет,
но она не накроет собою твой день
у меня есть для них ответ
у жадных людей очень маленький рот,
они жадно лижут твой след

им нужно лишь то, что в него не войдет,
но для них у меня есть ответ
я люблю тебя не за то, что в тебе,
а за то, чего в тебе нет

у них есть слова чтобы унизить тебя,
ограбить тебя и раздеть,
осмеять тебя и распять тебя
у них есть и гвозди, и плеть,
морщины и вены для твоей красоты,
грязь для твоих чистых глаз
но то, что они называют тобой,
для меня прозрачно, как газ

они могут отнять у тебя все, что есть,
но не раскрыть мой секрет
я люблю тебя не за то, что в тебе,
а за то, чего в тебе нет

не позднее 1990

Дни темноты

о святой человек!
ты только что был здесь.
я вхожу в эту дверь
и нахожу Игрока
с ним играют на деньги
нищета и спесь
и сжимает пятый туз
его стальная рука

о святой человек!
ты только что был там
я захожу в эту комнату
и вижу эту тварь
ее дряблое тело
открыто жадным ветрам,
и одинокий мальчик
прильнул к поникшим грудям

это лицо так знакомо
но это не ты.
я выхожу из дома
навстречу дням темноты

о святой человек!
ты только что был тут
я захожу в это здание
а там — одни зеркала

я иду по коридорам
и за мною идут
отраженья, как духи
голубого стекла

не позднее 1990

Утро Полины

руки Полины,
как забытая пластинка под упорной иглой
звуки ленивы
и кружат, как пылинки, над ее головой
сонные глаза
ждут того, кто войдет в них
и зажжет в них электрический свет
утро Полины
продолжается сто миллиардов лет

и все эти годы я слышу, как колышется грудь
и от ее дыханья в окне запотело стекло
и мне не жалко, что бесконечен мой путь
в ее хрустальной спальне пусть будет постоянно светло

я знаю тех, кто дождется
и тех, кто не дождавшись, умрет
но и с теми и с другими
одинаково скучно идти
я люблю тебя за то,
что твое ожидание ждет
того, что никогда не может произойти

пальцы Полины,
словно свечи в канделябрах ночей
слезы Полины
превратились в бесконечный ручей
в комнате Полины
на пороге нерешительно мнется рассвет
утро Полины
продолжается сто миллиардов лет

не позднее 1990

20 000

темную ночь нельзя обмануть,
спрятав огонь в ладони руки
счастливы те, кто могут заснуть,
спят и не слышат теченья реки

но река широка, река глубока,
река уносит нас, как облака
двадцать тысяч дней и ночей пройдет,
человек родился — человек умрет

пряди волос держа, как траву,
схватив твои руки, как ветви ив,
я себя убеждал, что уже не плыву,
и смеялся от счастья, себя убедив

но теченье несло нас уже вдвоем,
и вода отражалась в лице твоем
двадцать тысяч дней и ночей пройдет,
человек родился — человек умрет

через двадцать тысяч дней и ночей
наши тени впадут в океан теней,
чтобы дальше уже никуда не плыть
что вода унесла — водой не разлить

не позднее 1990

Бегущая вдаль

я не могу заснуть — так бывает всегда,
когда восходит твоя одинокая звезда,
катящаяся вдаль на спицах лучей,
далекое светило беззвездных ночей

мы были поджары как пара гончих псов,
нас сводил с ума наш здоровый пот,
мы чуяли друг друга через стены домов
и снились друг другу всю ночь напролет
мы боялись себя, мы дичились других,
весь мир кроме нас знал нашу мечту —
обнять эту ночь, где все окна слепы,
раздавить в объятьях ее пустоту
но я сидел с тобой, не касаясь руки,
слушая твой голос, как радио небес,
заполняющее музыкой город тоски,
зовущее оленей в безвыходный лес

бегущая вдаль,
бегущая вдаль,
неужели тебе никого не жаль?
никто не может поспеть за тобой,
за бегущей вдаль
одинокой звездой

я терпел много лет, но в одну из ночей
я встал и беззвучно закрыл окно
держась за перила твоих лучей,
я выполнил то, что мне снилось давно —
я шагнул в пустоту

но лунный бич ударил меня по рукам,
по ногам хлестнула звездная плеть,
и я понял, что мне никого не догнать,
и я понял, что мне слишком поздно лететь

и в этих окнах, что прежде были пусты,
я вдруг увидел глаза, устремленные вверх,
ловящие свет одичалой звезды
в ответ на ее несмолкающий смех
каждый из них шептал другое имя,
каждый из них хранил свою печаль,
но мне казалось, что я делю вместе с ними
одну и ту же бегущую вдаль

не позднее 1990

Христос

мне снилось, что Христос воскрес
и жив, как я и ты
идет, неся незримый вес,
а на руках — бинты
идет по вымершим дворам
тоскливых городов
и слово мыслит молвить нам,
но не находит слов

мне снилось — он мне позвонил,
когда искал приют,
и безразлично обронил,
что здесь его убьют
мне снилось, что он пил вино
в подъезде со шпаной,
и били до смерти его
цепочкою стальной

звучал его последний смех,
переходящий в стон
мне снилось — я один из тех,
с кем пил в подъезде он
проснулся я и закурил
и встал перед окном,
и был весь опустевший мир —
один огромный дом

не позднее 1990

Золотое пятно

будем друг друга любить,
завтра нас расстреляют
не пытайся понять, зачем
не пытайся узнать, за что
поскользнемся на влаге ночной
и на скользких тенях, что мелькают,
бросая тревожный след
на золотое пятно

    встань, встань в проеме двери,
    как медное изваянье,
    как бронзовое распятье,
    встань, встань в проеме двери

когда-то я был королем,
а ты была королевой,
но тень легла на струну,
и оборвалась струна,
и от святой стороны
нам ничего не досталось,
кроме последней любви
и золотого пятна

не позднее 1990

Свежее утро

свежее утро
разбудит нас порывами ветра,
отбросит навечно
ненужные окна и двери,
сорвет с нас одежды
и ржавые знаки различья
и только тогда
позволит нам выйти из дома

свежее утро
сметет наши урны и тюрьмы,
погонит вдоль улиц
кучи хамского хлама
свежим утром
многое станет лишним,
и трудно будет вспомнить,
с кем шла битва

    но свежее утро не может
    тянуться вечно
    свежее утро
    не может тянуться вечно

свежим утром
мы выйдем из каждого дома
разобрать старый мусор,
расчистить унылую землю,
и слабому сердцу
многого станет жалко
и каждый спрячет
что-то себе на память

не позднее 1990

Стеклянный дом

камни за пазухой морщат
мой новый пиджак
ты чистишь на кухне
старую тулку отца
гости приносят на блюде
праздничный торт,
под кремом которого
спрятаны слитки свинца

но в стеклянном доме
опасно камнями бросаться,
в стеклянном доме
никто не рискнет подраться
и в стеклянном доме
ненависть сжигает сердца,
но я вынужден терпеть
выражение чужого лица

разносчик телеграмм
приносит лотерейный билет
и открытки, с которых
капает сладкая ложь
он сует мне в карман
целлофановый пистолет
и вручает тебе
перевязанный ленточкой нож

но в стеклянном доме...

не позднее 1997

Зов

столько домов, столько огней —
здесь должно быть немало живых существ,
и каждое из них имеет право на боль
и способно на крик
я стою, озираясь, как отравленный зверь,
огонь пожирает мое нутро,
я ищу копье, я ищу ружье,
но это во мне самом

кто позвал меня?
чей голос звучит, выкликая мои имена?
сколько их будет еще
пока я не буду назван дотла?
пока не падет зола…

я знаю, как приходят
для того, чтобы делать любовь,
как встают на пороге
и зловеще смотрят в глаза
но этот случай совсем не из тех,
этот зов непредвиденно нов
мое тело уже доступно,
а им нужно что-то еще

я побегу по коридорам вагона,
в котором пусты все купе,
и прижмусь к ледяной двери,
в круглый грохот колес
ангел коснется моих волос
я шепну: «скажи, я кричал во сне?»
а он мне ответит: «послушай,
ты все еще спишь…»

не позднее 1997

Марсельеза

я сделаюсь странным и войду как герой
в новый кадр, который
начнется с черной пряди волос
на моем плече
я прощу наш стиль, неубранство домов,
носки на креслах, нашу постель,
которая пахнет похмельем
и колесом обозрения

сегодня мы будем пить
Королевскую Кровь
бокалы на стол! на плаху — топор!
сегодня мы будем пить
Королевскую Кровь

кусая губы и проплакав глаза,
треть жизни уходит
как голые плечи — усталые свечи —
не накинут халат
но романтика — это твой смазанный грим
Марсельеза — черный эротический блюз,
бомба на плечах, ядра между ног,
песня воробья

сегодня мы будем пить
Королевскую Кровь
трепещите, тираны!
вперед, батальоны!
сегодня мы будем пить
Королевскую Кровь!

не позднее 1990

Мертвая мечта плохо пахнет

улицы пусты, и в парке кусты покрыты росой
чистое стекло вымыто мягкою дождевою водой
я встал под теплый душ, обнажив свою душу,
нагой и босой
но этот липкий запах, тяжелый и грустный —
он остался со мной

мертвая мечта плохо пахнет
мертвая мечта плохо пахнет

я стал брезглив: эти влажные губы пахнут
кладбищем летом
типографическая краска не может отбить запах
мертвых газет
и цветы на окне собирают из мух
лишь самых отпетых
отравленный нюх не обманешь пакетом
дурных сигарет

этот запах въелся под кожу до самых печенок,
как краска стыда
этот запах сделал сердце открытой могилой —
не зарыть никогда
и тот, кто, стоя рядом, ничего не почует,
не знал нашей мертвой мечты
но тот, кто уклоняется от поцелуев,
чувствует то же, что ты

не позднее 1990

Тараканы

солнце в стеклянной колбе
никогда не погаснет
реки в чугунных трубах
никогда не иссякнут
когда мы уйдем, отсюда уйдем
им будет светло и сытно
тараканы никогда не вымрут
тараканы никогда не вымрут

когда я понял кому
мы накрыли ужин
когда я понял кому
мы оставили город

было поздно уже, слишком поздно уже
для того, чтобы сделать вывод
тараканы никогда не вымрут,
тараканы никогда не вымрут

по черствым кускам хлеба
ползут прозрачные дети
я хотел бы разбить небо
которое смотрит сверху
сверху вниз, сверху вниз на нас и на них
беспристрастно, бесстрастно, бесстыдно
тараканы никогда не вымрут,
тараканы никогда не вымрут

Война

человек вернулся с войны,
веселый, худой и живой
повесил в передней плащ,
поцеловался с женой
он словно не замечал
дырки в своей груди:
жмурясь, пил сладкий чай,
верил, что победил

и такой у него был вид,
словно он на войне этой не был убит

человек получил с утра
пачку свежих газет
прочел, что война была не нужна,
а причиной ее был бред
человек сомнений не знал —
газету в сердцах порвав,
щурясь, ел жирный борщ
и оставался прав

и такой у него был вид...
каждый верил тому, что он говорит

под окном звучал разговор
человек подошел к окну
незнакомые люди сказали ему,
что он проиграл войну
но, глазом и не моргнув,
человек захлопнул окно
морщась, горькую водку пил,
и было ему все равно
но когда он прилег вздремнуть,
тень возникла на белой стене,
нашептала на ухо ему,

что война приснилась во сне
и из дырки в его груди
кровь хлынула до потолка,
и вцепилась в лед простыни
последней хваткой рука

и впервые в мертвых его глазах
увидали не гордость, а страх
и такой у него был вид,
будто был он давно и отпет и обмыт

1991

Атлантида

1992–1996

Тутанхамон

если ты пьешь с ворами,
опасайся за свой кошелек
если ты пьешь с ворами,
опасайся за свой кошелек
если ты ходишь по грязной дороге,
ты не сможешь не выпачкать ног

если ты выдернешь волосы,
ты их не вставишь назад
если ты выдернешь волосы,
ты их не вставишь назад
и твоя голова всегда в ответе
за то, куда сядет твой зад

правда всегда одна —
это сказал фараон
он был очень умен, и за это его
называли Тутанхамон

я знал одну женщину,
она всегда выходила в окно
в ее доме было десять тысяч дверей,
но она всегда выходила в окно
она разбивалась насмерть,
но ей было все равно

если бы ты знал эту женщину,
ты бы не стал пить с ворами
если бы ты знал эту женщину,
ты бы не стал пить с ворами
ты бы не стал ходить по грязи
и разбрасываться волосами

не позднее 1993

Титаник

я видел секретные карты,
я знаю, куда мы плывем
капитан, я пришел попрощаться
с тобой и твоим кораблем
я спускался в трюм,
я беседовал там
с г-ном Начальником Крыс
крысы сходят на берег в ближайшем порту,
в надежде спастись

на верхней палубе играет оркестр,
и пары танцуют фокстрот,
стюард разливает огонь по бокалам
и смотрит, как плавится лед
он глядит на танцоров, забывших о том,
что каждый из них умрет

но никто не хочет и думать об этом,
пока «Титаник» плывет
никто не хочет и думать об этом,
пока «Титаник» плывет

наши матросы продали винт
эскимосам за бочку вина,
и судья со священником спорят всю ночь,
выясняя, чья это вина
и судья говорит, что все дело в законе,
а священник — что дело в любви,
но при свете молнии становится ясно:
у каждого руки в крови

я видел акул за кормою —
акулы глотали слюну

капитан, все акулы в курсе,
что мы скоро пойдем ко дну:
впереди встает холодной стеною
арктический лед

не позднее 1993

Негодяй и ангел

негодяй и ангел
сошлись как-то раз
за одним и тем же столом
негодяю пришло четыре туза,
а ангел остался с вольтом
и он отстегнул свои крылья
от плеч
и бросил на зелень сукна;
небо с улыбкой
смотрело на них
сквозь муть и плесень стекла

негодяй засунул крылья в карман
и понес их сдавать в ломбард
и на эти деньги купил себе
колоду крапленых карт
возвратился назад
и ему предложил
снова поставить на кон,
а небо украдкой смотрело на них
из-за высоких окон

все кончилось так,
как должно было быть —
у сказок счастливый конец:
дракон умирает, пронзенный копьем,
царевна идет под венец
негодяй торгует на рынке пером
и пухом из ангельских крыл,
а ангел летит высоко-высоко,
такой же крылатый, как был

какая у этой басни мораль?
а морали нет никакой
один родится рогатым, брат,

пернат родится другой,
но каким ты был,
таким ты и будешь:
видать, ты нужен такой
небу, которое смотрит на нас
с радостью и тоской

не позднее 1993

Воздух

когда они окружили дом
и в каждой руке был ствол,
он вышел в окно
с красной розой в руке
и по воздуху плавно пошел
и хотя его руки были в крови,
они светились как два крыла,
и порох в стволах превратился в песок,
узнав про такие дела

воздух выдержит только тех,
только тех, кто верит в себя,
ветер дует туда, куда
прикажет тот, кто верит в себя

они стояли и ждали, когда
он упадет с небес,
но красная роза в его руках
была похожа на крест
и что-то включилось само собой
в кармане полковничьих брюк,
и чей-то голос сказал так громко,
что слышали все вокруг:

«воздух выдержит только тех,
только тех, кто верит в себя,
ветер дует туда, куда
прикажет тот, кто верит в себя»

а полковник думал мысли
и разглядывал пыль на ремне:
«если воры ходят по небесам,
что мы делаем здесь, на земле?
дети смотрят на нас свысока,
и собаки плюют нам вслед,

но если никто мне не задал вопрос,
откуда я знаю ответ,

что воздух выдержит только тех,
только тех, кто верит в себя,
ветер дует туда, куда
прикажет тот, кто верит в себя

не позднее 1993

Колеса любви

как писала Каренина
в письме к Мерилин:
«Колеса любви
расплющат нас в блин...»

под колесами любви:
это знала Ева,
это знал Адам —
колеса любви
едут прямо по нам
на каждой спине
виден след колеи,
мы ложимся, как хворост,
под колеса любви

под колесами любви:
утром и вечером,
ночью и днем,
по дороге с работы,
по пути в гастроном
если ты не тормоз,
если ты не облом,
хвост держи пистолетом,
а грудь держи колесом

под колесами любви:
это знали Христос,
Ленин и Магомет —
колеса любви
едут прямо на свет
Чингисхан и Гитлер
купались в крови,
но их тоже намотало
на колеса любви

под колесами любви:
утром и вечером,
ночью и днем
по дороге с работы,
по пути в гастроном
если ты не кондуктор,
если ты не рулевой,
тебя догонят колеса,
и ты уже никакой

не позднее 1993

Крылья

ты снимаешь вечернее платье,
стоя лицом к стене,
и я вижу свежие шрамы
на гладкой, как бархат, спине
мне хочется плакать от боли
или забыться во сне —
где твои крылья,
которые так нравились мне?

где твои крылья,
которые нравились мне?
где твои крылья,
которые нравились мне?

раньше у нас было время,
теперь у нас есть дела —
доказывать, что сильный жрет слабых,
доказывать, что сажа бела
мы все потеряли что-то
на этой безумной войне,
кстати, где твои крылья,
которые нравились мне?

я не спрашиваю, сколько у тебя денег,
не спрашиваю, сколько мужей
я вижу — ты боишься открытых окон
и верхних этажей
и если завтра начнется пожар
и все здание будет в огне,
мы погибнем без этих крыльев,
которые нравились мне

не позднее 1995

Дыхание

я просыпаюсь в холодном поту,
я просыпаюсь в кошмарном бреду:
как будто дом наш залило водой,
и что в живых остались
только мы с тобой
и что над нами километры воды,
и что над нами бьют хвостами киты,
и кислорода не хватит на двоих
я лежу в темноте,

слушая наше дыхание
я слушаю наше дыхание
я раньше и не думал, что у нас
на двоих с тобой одно лишь дыхание,
дыхание

я пытаюсь разучиться дышать,
чтоб тебе хоть на минуту отдать
того газа,
что не умели ценить
но ты спишь и не знаешь,
что над нами километры воды,
и что над нами бьют хвостами киты,
и кислорода не хватит на двоих
я лежу в темноте

не позднее 1995

Железнодорожник

последний поезд на небо
отправится в полночь
с полустанка, накрытого
шапкой снегов
железнодорожник
вернется в каморку,
уляжется в койку,
не сняв сапогов

посмотрит на чье-то
увядшее фото,
/ в пластмассовой рамке /
нальет и закусит
соленой слезой,
откроет окошко,
достанет берданку
и будет сшибать с */ небосвода /*
звезду за звездой

а поезд на небо уходит все дальше,
по лунной дороге уносится прочь
а поезд на небо увозит отсюда
всех тех, кому можно хоть как-то помочь

железнодорожник
из мятых карманов
поношенной формы
достанет на свет
помятую трешку,
железную ложку
и на отъехавший поезд
билет

и когда на востоке
покажется солнце

и разгонит лучами
ночную тоску,
он прочистит берданку,
и насыплет картечи
и приложит железо
к больному виску

а поезд на небо уходит все дальше,
по светлой дороге уносится прочь
а поезд на небо увозит отсюда
всех тех, кому можно хоть как-то помочь

не позднее 1995

Живая вода

да, ты можешь быть скучной
ты можешь быть злой
но когда твой номер молчит,
я беседую мысленно только с тобой
и никто нас не разъединит

если я не один — разве это беда?
если нужно — она подождет
я же слышу, как страшно трещит под тобой
ненадежный октябрьский лед

есть одна любовь — та, что здесь и сейчас
есть другая — та, что всегда
есть вода, которую пьют, чтобы жить,
и есть живая вода

да, он смел, как бог
я бы сам так не смог —
целый день ходить, как в кино
не твоя вина, что ты хочешь вина
и что он имеет вино

но когда твои губы сухи поутру,
чем ты смоешь с них пепел побед?
и когда все дороги замкнутся в кольцо,
как ты выйдешь на правильный след?

есть одна любовь — та что здесь и сейчас...

не позднее 1995

Кто еще?

если ты хочешь любить меня,
полюби и мою тень,
открой для нее дверь
впусти ее в */свой/* дом

тонкая длинная черная тварь
прилипла к моим ногам —
она ненавидит свет,
но без света ее нет

если ты хочешь,
сделай белой мою тень
если ты можешь,
сделай белой мою тень
кто еще, кроме тебя?
кто еще, если не ты?

если ты хочешь любить меня,
приготовь для нее кров
слова ее все ложь,
но это мои слова

от долгих ночных бесед
под утро болит голова
и слезы падают в чай,
но чай нам горек без слез

не позднее 1995

Небо и трава

ты говоришь, что небо — это стена
я говорю, что небо — это окно
ты говоришь, что небо — это вода
ты говоришь, что ныряла и видела дно

может быть, это и так,
может быть, ты права,
но я видел своими глазами,
как тянется к небу трава

ты говоришь, что нет любви,
есть только пряник и плеть
я говорю, что цветы цветут,
потому что не верят в смерть
ты говоришь, что не хочешь быть
никому никогда рабой
я говорю — значит, будет рабом
тот, кто будет с тобой

стоит ли спорить с тобою всю ночь
и не спать до утра?
может быть, я не прав,
может быть, ты права,
к чему эти споры — наступит день,
и ты убедишься сама,
есть ли у неба дно, и зачем
тянется к небу трава

не позднее 1995

Клетка

Певчая птица, ангел попавший в силки,
Радужный пленник коварной и ловкой руки,
Посланница неба, прости, что я
Поймал тебя, что ты моя.
Клетка твоя встанет вблизи окна.
Песня твоя птицам другим слышна.
Кто-то в ней слышит смех,
Кто-то в ней слышит плач,
А кто-то в ней слышит шаги у дверей —
Это пришел палач.

И птица поет, пока жив птицелов,
И жив птицелов, пока птица поет.
Птица и птицелов понимают без слов,
Когда обсуждают грядущий полет —
Совместный полет.

Радуйся крыльям за то, что крепки.
Радуйся прутьям за то, что в груди.
Старуха приходит в начале весны,
Ее веки красны.
Она выпускает из клеток на волю
Вещие сны.

И птица поет, пока жив птицелов,
И жив птицелов, пока птица поет.
Кто из нас птица, а кто птицелов?
Знающим Слово не надобно слов,
Не надобно слов.

не позднее 1995

Жажда

в последнем месяце лета
я встретил тебя
в последнем месяце лета
ты стала моей
в последнем месяце лета
речная вода
еще хранила тепло июльских дождей

и мы вошли в эту воду однажды,
в которую нельзя войти дважды
с тех пор я пил из тысячи рек,
но не смог утолить этой жажды

первая любовь была слепа,
первая любовь была как зверь —
ломала свои хрупкие кости,
когда ломилась сдуру в открытую дверь

и мы вошли в эту воду однажды...

в последнем месяце мы
распрощались с тобой,
в последнем месяце мы
не сумели не простить,
в последнем месяце лета
жестокие дети
умеют влюбляться,
не умеют любить

и мы вошли в эту воду однажды...

не позднее 1995

Человек на Луне

Человек на Луне устал быть чужим лицом,
устал улыбаться по воле хозяйки-Луны,
играть по ночам с алмазным ее обручальным
кольцом,
видеть под утро печальные лунные сны

он хотел бы покинуть тайком царицу ночей,
но боится остаться без тела, как всякая тень
и пока он готовится сделать решительный шаг,
/ и когда готов он сделать свой решительный шаг /
петушиный крик возвещает, что начался день

и я в таком же положении,
как Человек на Луне,
и поэтому он
улыбается мне
мы с ним друг друга
понимаем вполне —
я и Человек на Луне

Человек на Луне посылает мне свой привет,
я открою окно и подставлю пустой стакан —
он нальет мне в него обжигающий лунный джин
к утру я вновь буду пьян,
к утру я забуду,

что я в таком же положении,
как Человек на Луне,
и поэтому он
улыбается мне
мы с ним друг друга
понимаем вполне —
я и Человек на Луне

не позднее 1995

Одинокая птица

одинокая птица,
ты паришь высоко
в антрацитовом небе
безлунных ночей,
повергая в смятенье
бродяг и собак
красотой и размахом
крылатых плечей

у тебя нет птенцов,
у тебя нет гнезда,
тебя манит незримая
миру звезда
а в глазах у тебя —
неземная печаль
ты — сильная птица,
но мне тебя жаль

одинокая птица,
ты летаешь высоко,
и лишь безумец был способен так влюбиться,
за тобою вслед подняться,
за тобою вслед подняться,
чтобы вместе с тобой
разбиться
с тобою вместе

черный ангел печали,
давай отдохнем,
посидим на ветвях,
помолчим в тишине
что на небе такого,
что стоит того,
чтобы рухнуть на камни
тебе или мне?

не позднее 1995

Абсолютно белое

я вдыхаю известь и мел
там, где белятся старые стены
я смотрю на кисть маляра,
сливаюсь я с рекой белизны —
я ухожу
я любуюсь ростом пятна,
забвением и просветлением
и, чем шире откроешь глаза,
тем чаще видятся сны —
я ухожу

я ухожу
в Абсолютное Белое,
я ухожу
в Абсолютное Белое,
я ухожу
в Абсолютное Белое —
навсегда

новорожденный смотрит на свет
пристальным взглядом бога
весь его безымянный мир —
облака или белый дым —
я ухожу
на каждом чистом листе
найдешь при желании много
никем не написанных слов,
и это все будет твоим,
а я ухожу

не позднее 1995

Белая стена

Я стою у окна, я смотрю за окно,
Я считаю шаги —
Еще вчера я видел дома на другом
Берегу неподвижной реки.

Но опустился туман,
Больше нет ничего.
Не видно —
Ничего не видно, и нет огней.

Я стою с тобой перед белой стеной,
Мы стоим одни:
Белая стена — смотри — не смотри,
И пой ей песню — не пой —

Она не расскажет тебе
Того, что будет со мной
И что же,
Что же приключится с тобой и со мной…

Я закрою глаза рукой,
Чтобы память вернула мне
(Вернула хотя бы во сне)
Воду в реке, дома за рекой.
Мы стоим перед белой стеной,
Стоим перед белой стеной,
Стоим перед белой стеной…

Я открываю окно, я впускаю туман,
Я шепчу имена:
Одну звали — лето, другую — осень,
А третью, бесспорно, весна.

Но они вошли в туман
И не вышли назад.

Попробуй,
Попробуй их догони…

Мы стоим с тобой перед белой стеной,
Перед белой стеной одни:
Белая стена — кричи — не кричи,
И бей кулаками — не бей —

Она не расскажет тебе
Того, что есть там за ней
И есть ли хоть что-то,
Хоть что-то за ней…

Я закрою глаза рукой,
Чтобы память вернула мне
(Вернула хотя бы во сне)
Воду в реке, дома за рекой.
Но ты остаешься со мной,
Белая перед белой стеной,
Ты остаешься со мной…

Я стою у окна, я смотрю за окно,
Я считаю шаги —
Я стою с тобой перед белой стеной,
Мы стоим одни.

не позднее 1995

Заноза

на стенах написаны злые слова,
за стеклами — злые глаза,
по небу Луна плывет, как слеза
последнего ангела
дождь в луче фонарей
становится жидким огнем
я — как маленький мальчик с занозою в сердце,
и она болит все сильней с каждым днем

я так искал новых рук, я был согласен даже
на смерть,
только бы вырвать с корнем этот посторонний
предмет —
но каждые новые пальцы делают только больней…

я родился с этой занозой,
и я умираю с ней…
я родился с этой занозой,
и я умираю с ней…

я знаю — я был не прав,
я знаю — я часто грешил,
если Ты остановишь дождь,
может быть, мне хватит сил
выйти на улицу и попытаться
стать счастливым еще один раз,
но Ты не слышишь моих молитв,
а дождь идет все сильней…

не позднее 1995

Матерь богов

я открою тебе самый страшный секрет
я так долго молчал, но теперь я готов
я — Создатель всего, что ты видишь вокруг,
а ты, моя радость, ты — матерь богов

этот город убийц, город шлюх и воров
существует, покуда мы верим в него,
а откроем глаза — и его уже нет,
и мы снова стоим у начала веков

матерь богов, матерь богов
мы гуляли весь день
под мелким дождем
твои мокрые джинсы
комком лежат на полу
так возьмемся скорее за дело,
матерь богов

мы в который уж раз создаем этот мир,
ищем вновь имена для зверей и цветов
несмотря ни на что, побеждает любовь
так забьем и закурим, матерь богов

я рождался сто раз и сто раз умирал
я заглядывал в карты — у дьявола нет козырей
они входят в наш дом, но что они сделают нам?
мы с тобою бессмертны — не так ли,
матерь богов?

не позднее 1995

Бедная птица

я не помню, как звали этот маленький город,
я не помню, в каком это было столетье,
но я взял тебя в руки, как бедную птицу,
которую ранили глупые дети

я нашептывал сказки про далекие страны,
я хотел тебе сделать хоть немного приятно,
я тебе обещал, что вернусь через месяц,
хотя знал, что уже не приеду обратно

    как мы делаем больно
    тем, кому дарим небо,
    и за сладкие речи
    нам придется стыдиться
    и в груди моей клетка,
    а в ней вместо сердца
    бьется, крылья ломая,
    эта бедная птица

я пил сладкие вина, чтобы смыть эту горечь,
забывал все, что было, — начинал все сначала,
но на мягких постелях не узнал я покоя,
потому что во сне эта птица кричала

в странном месте, где тени снова встретят
                друг друга,
после долгой дороги, после жизни постылой,
одного попрошу я у доброго Бога —
чтобы бедная птица
меня простила

не позднее 1995

Люди на холме

мы лежим под одуванчиковым солнцем,
и под нами крутится земля
она больше, чем моя голова
в ней хватит места для тебя и меня

мы лежим на склоне холма,
кверху ногами на склоне холма
люди на холме кричат и сходят с ума
о том, кто сидит на вершине холма

но у холма нет вершины —
у холма нет вершины
он круглый, как эта земля

иногда мне кажется, что я должен встать
и отнести тебя, как дитя,
броситься сверху с вершины холма
так будет лучше для тебя и меня

но мы лежим на склоне холма,
и мне кажется, что это все ерунда
люди на холме кричат и сходят с ума,
разбиваются, падая с вершины холма

но у холма нет вершины
у холма нет вершины
об этом знаем ты и я

у холма нет вершины
у холма нет вершины
у холма нет вершины
я люблю тебя

не позднее 1996

Во время дождя

я придумал тебя, придумал тебя
от нечего делать во время дождя
пить до утра в ожиданье рассвета —
какая тоска! —
я зажмурил глаза
и придумал тебя

ты стоишь у порога в белом плаще,
с черных волос на паркет стекает вода
слишком поздно пытаться
тебя придумать назад —
твои тонкие пальцы лежат
на кнопке звонка

что мне делать с тобой?
что нам делать теперь?
звонок прозвенит — откроется дверь
ты войдешь в этот дом
и останешься в нем навсегда
у тебя больше нет никого,
кроме того,
кто придумал тебя

моя жизнь как вокзал
этот хлам на полу —
память о тех, кто ждал здесь
свои поезда
а тебе больше некуда ехать —
выпей вина —
как жестоко с моей стороны
придумать тебя
во время дождя

я же знал, что любовь
это игры с огнем,

но как жить без огня,
если дождь за окном?
ты войдешь в этот дом
и останешься в нем навсегда
ты исчезнешь навек вместе с тем,
кто придумал тебя

не позднее 1996

Странники в ночи

словно странники в ночи,
мы по улице прошли
и расстались навсегда,
словно странники в ночи
в чем был смысл этих встреч,
я не знаю, хоть убей

но я знаю — мы умрем,
чтобы встретиться опять
и по улице пройти,
и друг друга не узнать

мы расстались навсегда
возле желтых фонарей
и пошли своим путем
(словно странники в ночи),
не жалея ни о чем
(словно странники в ночи)

но я верю — мы умрем,
чтобы встретиться опять
и по улице пройти,
и друг друга не узнать,
и пойти своим путем
(словно странники в ночи),
не жалея ни о чем
(словно странники в ночи)

не позднее 1996

Сестры печали

у реки, где со смертью назначена встреча,
у моста, где готовятся к страшным прыжкам,
кто-то нежно кладет тебе руки на плечи
и подносит огонь к побелевшим губам

это сестры печали, живущие в ивах,
их глаза словно свечи, а речи — туман
в эту ночь ты поймешь, как они терпеливы,
как они снисходительны к грешным
и праведным нам

жены радости пьют твое время, как воду,
а сестры печали внезапны, как дождь
женам радости в тягость дороги свободы,
а сестры печали идут за тобою, пока не умрешь

если ты попадешь туда, где воздух так тонок,
смело их позови — я не буду мешать
посмотри на них так, как смотрит ребенок,
передай им привет и останься у них ночевать

/ там, где нет телефонов, где нет
обязательств и долга,
они снова научат тебя без оглядки любить,
и принять свое тело, как лучший подарок у Бога,
и напиться их влаги, чтоб дальше
неправильно жить /

не позднее 1996

Три царя

три царя на улицах древней Москвы
три царя видят на небе звезду
три царя боятся шагов за углом —
они проникли нелегально в эту страну

у них темная кожа и крючками носы
они прячут миро с ладаном подальше в трусы
у них такая работа — им на все наплевать
каждый год они приходят в этот город опять

а слева — поп с пистолетом,
справа — в рясе бандит
а младенец в подвале,
младенец — он спит
у младенца под носом
тараканьи усы —
три царя подальше прячут
ладан с миро — в трусы

три царя на улицах темной Москвы,
а на клиросе умильно співают менты
сколько песен им петь, сколько водки им пить —
не дождаться конца тому, кто просто хочет жить

три царя видят на небе звезду
черный князь проходит с охраной в кабак
и пока вы не откажетесь лизать ему зад,
все на свете будет, ребята, не так

слева — поп с пистолетом
справа — в рясе бандит
а младенец в подвале,
младенец — он спит

слышен голос откуда-то:
«Чурки, стоять!»
и три царя понимают,
что попались опять

не позднее 1996

Девятый скотч

мы остались с тобой в этом баре одни,
за стеклом почему-то мелькают огни
и качается стойка,
как будто мы едем в вагоне
через Черную степь, где кочует Орда,
через Темные горы куда-то туда,
в города, где никто нас
не ждет на перроне

этот странный китаец с выбритым лбом
смотрит так на меня, словно я с ним знаком
и, возможно, он знает,
зачем и куда едет поезд
он протирает стаканы и наливает еще,
смотрит узкими глазками мне за плечо
вероятно он видит,
что там впереди будет пропасть

девятый скотч за одну эту ночь
нам уже никто не сможет помочь
лед в стаканах стучит все быстрей и быстрей
девятый скотч за одну эту ночь
пол из-под ног уносится прочь
и уже невозможно дойти до дверей

положи свою голову мне на плечо
в этом мире случайного нет ничего
это тайная миссия, но
только в чем ее смысл?
я сегодня забыл, а когда-то я знал:
то ли где-то прочел,
то ли кто-то сказал
но под действием виски
так трудно сконцентрировать мысль

девятый скотч за одну эту ночь
нам уже никто не сможет помочь
стены падают вниз, и по комнате пепел летает
а китаец мне пристально смотрит в глаза,
и по желтой щеке вдруг стекает слеза,
и я вдруг понимаю, что китайцы тоже не знают

не позднее 1996

Нежный вампир

холоден ветер в открытом окне,
длинные тени лежат на столе
я таинственный гость в серебристом плаще,
и ты знаешь, зачем я явился к тебе:

дать тебе силу,
дать тебе власть,
целовать тебя в шею,
целовать тебя всласть,
как нежный вампир,
нежный вампир,
как невинный младенец,
как нежный вампир
встань!

подруги твои нюхают клей
с каждым днем они становятся немного глупей
в этой стране, вязкой, как грязь,
ты можешь стать толстой,
ты можешь пропасть

но я разожгу
огонь твоих глаз
я даю тебе силу,
даю тебе власть
я делаю тебя
не такою как все
как агнец на закланье,
я явился к тебе
и ты знаешь, зачем...

не позднее 1996

Большое сердце

ты не умеешь ходить по воде,
ты не умеешь творить чудеса
когда тебе больно — ты плачешь,
когда тебе стыдно — опускаешь глаза
но в твоих пальцах мое одиночество,
сгорая, обращается в дым
и все, что ты можешь, и все, что ты знаешь, —
это делать мое сердце большим

делать это сердце большим
делать это сердце большим

ты ничего не просишь взамен,
да и что я могу тебе дать?
ты утверждаешь, что вещи нужны лишь тем,
кто не умеет терять
когда я считал себя здоровым и сильным,
ты знала, что я был больным,
ты вошла в мою грудь и сломала все ребра,
чтобы сделать это сердце большим

сделать это сердце большим
сделать это сердце большим

не позднее 1996

Атлантида

я узна́ю тебя по тайному знаку,
ты узна́ешь меня по перстню на пальце
наша память хранит забытые песни,
мы умеем плясать первобытные танцы

сколько лет я не слышал язык этот древний
этот шепот любви, никому не понятный
на какую-то ночь в нашем вечном бессмертье
мы вернемся с тобой в Атлантиду обратно

где-то там под водой спит наш город старинный
в тишине первозданной он хранит наши тайны
мы любили друг друга — потому и спаслись
мне не хочется думать, что это случайно

будет серое утро, и, влекомы судьбою,
мы опять превратимся в одиноких скитальцев
и никто не узнает, что свели нас с тобою
эти тайные знаки, эти перстни на пальцах

но, пока длится ночь, я хочу слышать этот
позабытый язык, никому не понятный
я так ждал тебя долгих десять тысячелетий,
чтоб вернуться с тобой в Атлантиду обратно

не позднее 1996

Апельсиновый день

в твоих глазах горит
апельсиновый свет
в твоих глазах горит
апельсиновый свет
я боялся, что мне показалось,
но нет — в твоих глазах горит
апельсиновый свет

твой поезд сошел с пути —
порви обратный билет
останься здесь насовсем
порви обратный билет —
здесь так много людей,
у которых в глазах
горит апельсиновый свет

это апельсиновый день
кто знает, что будет потом?
в апельсиновый день
апельсиновые люди
не думают почти ни о чем

мы выйдем с тобой на крышу
и сядем на велосипед
это самая высокая крыша
и очень быстрый велосипед —
он увезет нас с тобою туда, где всегда
горит апельсиновый свет

не позднее 1996

Архитектура

мы были свободны в лазоревых водах морей,
мы дышали всем телом
кто первый решился надеть на себя скорлупу
и взялся за дело?

чтобы жить вдвоем,
нам нужен свой дом,
нам нужна кубатура
четыре стены
и пол с потолком —
архитектура

за каждой стеною шевелится кто-то живой —
ракушки и слизни
мы спаяны известью, смешанной с нашей слюной,
по гроб нашей жизни

чтобы жить вдвоем,
нам нужен свой дом,
нам нужна кубатура
четыре стены
и пол с потолком —
архитектура

четыре стены и пол с потолком —
архитектура

не позднее 1997

Колесница свободы

грохот в ночи — гремят чугунные спицы,
но никто не слышит, и дома как могилы
ты один в постели, и тебе не спится
подойди к окну, собрав последние силы
подойди к окну — ты совершенно нормален
это не предвестия сумасшедшего дома,
это не привидения супружеских спален,
не начало войны и не отзвуки грома

это просто мчится колесница свободы
по лунному броду через мертвые воды
давит колесами сильных и слабых,
прокладывая путь для крови и пота

возница с лицом, закрытым каменной маской,
подгоняет коней, едящих свежее мясо
кружатся спицы в искрящейся пляске,
и стучит метроном смертоносного вальса

не позднее 1997

На путях твоих

здесь — на путях стальных,
здесь — на путях Твоих
здесь, здесь
я должен стоять и встречать Твой экспресс

он сбивает меня с ног, но не дает мне упасть
он уносит мою жизнь, но не дает мне пропасть
он проходит сквозь меня и оставляет свой дым
он невидим, и ёдок, и невыносим

я устал входить в туман, претендующий быть
если нечем кусать, то могли бы хоть выть
здесь стены из мыла и дождь шел с утра
вы на тех же путях, но для вас все игра

расписанье неизменно, но читать недосуг
две тысячи лет на умывание рук,
две тысячи раз с того жаркого дня
вы распинали Его, но убивали меня

не позднее 1997

Птица на подоконнике

когда о тебе говорят — всегда понижают голос
и не могут найти нужных слов, чтобы выразить
весь свой ужас
мастера намеков — даже они бессильны
объяснить за стаканом чая, что же в тебе такого

этот город слишком мал для твоей любви,
так мал для твоей любви

когда я пришел к тебе, я ожидал увидеть
наркотическую пантеру, неоновую Венеру,
мурлыкающую на шкурах,
лижущую кровь последней невинной жертвы,
и очередь бледных безумцев, ждущих в твоей
прихожей

но все, что я увидел в клетке твоей квартиры —
маленькую смелую птицу с ясными, как небо,
глазами,
сидящую на подоконнике с гордо сомкнутым
клювом
и ждущую с нетерпеньем любого попутного ветра

не позднее 1997

Солдаты

какой-то солдат уходит на войну,
чтоб никогда не вернуться назад
его сердце надраено пастой зеленой
и готово идти на парад

о! о! бедные люди — те, кто не знают,
что сердце — это бляха с номером медным
о! о! бедные люди не понимают,
что смерть всегда приходит последней

маленький город, и все девочки плачут,
пряча игрушки под мягкие подушки
пружины стальные рвутся, как нитки,
серым утром после душной пирушки

солдаты уходят, потому что так трудно
поймать здесь теплый кусочек свинца,
здесь почти невозможно воскреснуть на Пасху,
но значительно легче дождаться конца

о! о! бедные люди — те, кто не знают,
что сердце — это бляха с номером медным
о! о! бедные люди не понимают,
что солдат всегда погибает последним

маленький город и все девочки плачут,
пряча игрушки под мягкие подушки
пружины стальные рвутся, как нитки,
серым утром после душной пирушки

о! о! бедные люди — те, кто не знают,
что уходят навсегда, чтоб остаться навечно
о! о! маленький город — все эти милые встречи
с маленькими руками, надраившими
это сердце…

не позднее 1997

Тени отцов

фразы не говорили, и они застревали в горле
взглядов не поднимали — бурчали себе под нос
в дом приносили большую ложь:
вот тебе нож, отрежь да положь
на примере лишних людей учили писать донос

стеклянные семьи, картонные стены,
глиняные дома
когда я вдыхаю запахи детства,
я снова схожу с ума
каждый из нас был ранен осколком
родительской ласки
хотя, когда разбивались сердца,
на нас надевали каски

тени отцов стоят за спиной
и ждут, когда крикнет петух
голос отцов, застрявший в ушах,
заменяет собственный слух
на старых кирпичах кровавые брызги —
из них страшно строить дом
тени отцов сойдут с чердаков
и снова поселятся в нем

тени отцов, тени отцов —
страх перед ликами в церкви,
боязнь естественных слов
дети, бегите к восходу,
бегите, в конце концов
чем выше поднимется солнце,
тем будут короче
тени отцов, тени отцов

не позднее 1997

Стальная звезда

стальная звезда
рвет плотные шторы,
вонзается прямо в глаза
стальная звезда
стучится в окно
твердым пальцем,
просит открыть
в хлебе, который я ем,
лезвия бритвы
между губами —
кончик ножа

что тебе нужно,
что тебе нужно здесь?
я завидую зверю,
который глядит на тебя
и не знает о том,
что ты есть,
что тебе нужно здесь?

стальная звезда
бросает тяжелую тень,
танком проходит по крыше,
будит детей,
роняет вишневые искры,
зажигает стога,
оставляет цепи и клепки
на тех, кто идет за ней
железные руки вяжут узлами
стволы тополей
что тебе нужно,
что тебе нужно здесь?

ты ищешь детей кузнеца,
чтобы шепнуть им на ухо
холодную весть
что тебе нужно здесь?..

не позднее 1997

Я боюсь

если вы живете по привычке жить,
это можно понять и можно простить
если будет пища, значит, будет день
если солнце погаснет, вам полюбится тень

под замками пословиц, за решеткой табу
не услышать, когда на небе дунут в трубу
все простится: стирка, пиво, водка, хоккей,
если вы перестанете рожать детей

площадки лестниц, скамейки парков
птенцы атакуют, чтобы сделалось жарко
сбиваются в стайки, чтобы стать волками
они теряют крылья, чтобы сделаться вами

девчонок манят маньяки, мальчишек
дразнят сирены
они лезут, чтоб разбиться, на прозрачные стены
беспомощный писк в удивленных газетах
за долгой зимой будет жаркое лето

учителя учат книгам, а улицы — правде
сто монументов во славу вчера,
ни одного во славу завтра
все видят то, что есть, но говорят то, что надо
и в каждой аллее поджидает засада

понимаю жестокость тех, кто видит жестокость
зачем светофор тем, кто идет через пропасть
девчонки пудрятся пылью ночей
они знают печаль опоздавших матерей

отправляется поезд не при штиле — при шторме
вся страна замялась с багажом на платформе
мальчик лезет на подножки, мальчик лезет на сумки
кто виноват, что его не научили быть умным

завтра кончится все или начнется нечто
вам уже не узнать, вы застыли навечно
и все бы хорошо, и живите, как хотите,
но я боюсь за детей, которых вы родите

не позднее 1997

Голоса

бессонными ночами печальными
он изменял ей в своей голове
с ее подругами и печальными
созданиями из тех, что во сне
порхают над изголовьями
волчицами плененных волков,
рождаются из молчания
случайных телефонных звонков

    он смотрел на нее и гадал про себя,
    не те же ли ей снятся сны,
    вглядывался долго в глаза темноты
    и слушал голоса тишины

однажды он подумал в отчаянье,
что не вынесет новую ночь,
и прощение только в прощании
со всем, чего не превозмочь
собрал свои вещи и ушел навсегда
на изломе тридцать первой весны,
и закрылись вслед за дверью глаза темноты,
и умолкли голоса тишины

    и она понять ничего не могла
    и ничего не могла объяснить:
    для нее темнота неживою была,
    и тишина не могла говорить

не позднее 1997

Женщины, с которыми

женщины, с которыми я не был никогда, построили
клетку и заперли душу
и, пока я не спою о каждой из них,
они не позволят мне выйти наружу
но и сами они обратятся в гипс,
и сами они не смогут сделать и шагу,
пока я не верну им вторую жизнь,
положив их нежно на эту бумагу

    меня страшит пустота
    за моими плечами
    она как камень на шее
    и карманы мои
    полны кирпичами

женщины, с которыми я не был никогда,
и мужчины, которым я не был представлен,
населяют, как призраки, мои города,
живут и умирают в темноте моих спален
и для них никогда не будет меня,
но для меня они навсегда в этом мире —
стоят за спиной, как стальная стена,
и стена с каждым годом становится шире

не позднее 1997

Земля

земля немыслимых слез,
земля бессмысленных грез,
земля возвышенных слов и убогих затей, недалеких людей
когда я уйду, я стану этой землей,
холодной, как лед, неприступной, как взгляд
ее богов и вождей

возьми ее в горсть — и тут же выступит кровь,
плесни святою водой и смотри,
как растекается грязь
когда я вернусь, она не станет другой —
ее уже не спасет ни крестовый поход,
ни сиятельный князь

эту землю трясет:
она пытается встать, словно кошка,
но переломан хребет
эту землю знобит:
она простыла,
составляя в нетопленных избах
длинный список обид

на сход сбирается сброд:
разврат, разбой и разброд
разврат всех поит вином,
разбой идет на погром,
разброд приблизит разгром
я воскресал столько раз, но умирал в тот же час,
не успевая понять, откуда пули летят,
откуда слышится гром

и отпевали меня, и хоронили меня
и засыпали землей и уверяли, что мне
будет пухом земля
но это ложе на лжи, душа к нему не лежит,

я прорастал как росток, потому что не мог видеть подлые сны

ведь эту землю знобит,
она горит со стыда,
но промерзла до мозга костей
и в ней никто не заснет,
в ней каждый мертвый живет
и, вцепившись в живых,
не дает им уйти из гостей

не позднее 1997

Крик без лица

кто кричал в моем сне?
почему я проснулся?
разве что-то не так?
чья это тень на стене?
почему облака так похожи
на порванный флаг?
кто кричал в моем сне?
почему этот голос
мне до боли знаком?
кто оставил босые следы
в глубоком снегу под окном?

крик в темноте,
крик в середине сна,
крик в темноте,
крик без лица…

коридоры наполнены мглой
она течет из ванных комнат
холодной водой
кто стоит рядом со мной,
ничем не прикрытый,
нагой и босой?
всадник без головы,
телевизор, в котором
разбит кинескоп
мой одинокий двойник,
опечатанная дверь,
заколоченный гроб

не позднее 1997

Кукушка

кукушка зовет
бездомных,
бездетных,
безумных
по следу Луны,
в самую чащу

кукушкины слезы
сжигают лишайник
по запаху дыма
находят кукушку

если я остался один,
если ты осталась одна,
она научит нас считать
так, как умеет только она

кукушка считает
бездомным,
бездетным,
безумным,
гадает она
на звездной гуще

кукушкины игры
для самых робких,
стоящих в страхе
у первых деревьев

не позднее 1997

Монета

в пустую комнату я вошел,
в пустую комнату я попал
в комнате я ничего не нашел,
в комнате я никого не застал
шесть погасших черных свечей,
шесть безлунных ночей с шести сторон
«кто здесь живет», — мой голос сказал
все шесть отвечали: «ты и твой сон»

«но в ком же, в ком заключен мой дух,
кто проснется, когда нас придут будить?»
«только один, один из двух
а кто — вам самим предстоит решить»
и монета упала ко мне в ладонь
во тьме даже пальцы — и те не видны
и только на ощупь я понял, что
у монеты нет одной стороны

нет одной стороны, лишь одной, но какой?
шесть стен молчат, молчат как на грех
тут сон завладел моею рукой
и бросил монету куда-то вверх
мы ждали молча — я и мой сон,
когда к нам вернется серебряный звон
мы ждали так долго, что кончилась ночь,
шесть черных зеркал сгинуло прочь

в своей постели проснулся я,
в своей постели открыл глаза
сидел в моем кресле слепой судья,
катилась по белой щеке слеза

я сказал: «не рыдайте, Ваша Честь!»
он ответил: «встаньте, суд идет!»
я спросил: «а когда я смогу присесть?»
судья сказал невпопад: «она еще упадет»

не позднее 1997

Поезд мертвецов

ожидая поезда, мы стоим на станции
поезд появляется, замедляя ход
и неотвратимо к нам поезд приближается,
поезд приближается, да совсем не тот
не грохочут сцепки, не стучат колеса
и тихо окна светятся неживым огнем,
расцветают черные розы на откосах,
мертвецы таращатся в полночь за окном

поезд мертвецов замедляет ход

может быть, расстреляны, может быть, замучены,
может, сами померли — кто их разберет
едет безымянное на колесах кладбище —
рельсы, змеи белые, холодны как лед
мы стоим, притихшие: может, мимо станции
медленно проследует по дороге в ад?
промелькнет видением, ветерком развеется,
разобьется вдребезги, не придет назад?

поезд мертвецов замедляет ход

но ложится тень на все на четыре стороны,
мертвецы уверенно сходят на перрон
с черных башен времени объявляют вороны
наступленье скорое новых похорон

поезд мертвецов замедляет ход

не позднее 1997

Стань бронзой

отдайся солнцу и стань бронзой,
унеси песок на золотой коже
солнце — это я,
песок — это демоны блестящей слюды
стань нашей, стань нашей
возле прозрачной воды

отдайся солнцу и стань бронзой,
отдайся солнцу и стань нашей,
отдайся солнцу и стань бронзой

колдун сжигает сухую траву
и волосы кошки,
изгоняет из тебя колючие ночи
чтобы вернуть тело грому,
осколком кремня срежет родимые пятна

не позднее 1997

Тени сторожат солнце

они уходят потому, что больше нечего жечь
они уходят потому, что больше нечего грабить
они уходят потому, что больше некого сечь
те, кто остаются, с этим справятся сами
и ржавеет под окном их чугунный след,
где земля расцарапана кривыми когтями,
и по каплям сквозь туман пробивается свет,
искривляется, плутая кривыми путями

они ушли не умирать —
менять свою кожу
их тени остались
сторожить солнце

родимыми пятнами мечены спины, чтобы найти
отбившихся от стад и позабывших зов
секретные знаки светятся на груди,
в небе витает патруль безымянных орлов

не позднее 1997

Шорох листвы

я не буду пугать тебя своим лицом
для тебя — это лес,
для меня — это дом
но какой тропой ни отправишься ты,
у тебя за спиной
слышен шорох листвы

даже если забудешь, что такое листва,
среди свалки, асфальта, стали и стекла,
среди горящей мертвящим огнем красоты,
у тебя за спиной
слышен шорох листвы

вцепится когтями в затылок
шорох листвы,
и пальцы обожгут неведомые костры

проснешься, и на шее следы клыков,
пойдешь и почувствуешь незримый контроль,
сила чужая завладеет твоей рукой,
ты сорвешь с себя все, что пахнет
человечьим жильем

не позднее 1997

Голос воды (Японская бабочка)

вечность течет через нас, как вода
мы — словно камни, и нам —
по тысяче лет
птица садится у края потока
на лист тростника
смотрит на нас и не видит —
нас уже нет

и японская бабочка с тонким крылом
пролетает над нами, как рисунок пером

я слышу голос воды,
он говорит со мной о важных вещах:
о святых, и пророках, и о том,
что мы с тобой никогда не умрем

люди на холме кричат и сходят с ума:
им хочется знать,
зачем мы живем
у них в руках рычаги
от электронных чудес,
но им и этого мало,
им нужно что-то еще

а я не знаю ничего, и мне хорошо
я видел это все и забыл, для чего

не позднее 1997

Золотой дирижабль

я умылся из крана холодной водой,
смыл с ресниц и бровей серый пепел камней
я не знаю и сам, отчего так устал
хотя, кажется, жил только несколько дней

пил вино жарким летом — очнулся в снегу,
спать ложился брюнетом — проснулся седым
что случилось со мной — сам понять не могу,
а на сердце печаль, и над городом дым

это наша дорога
сгорает у нас за спиной
сколько нужно ей дней,
чтоб совсем до конца догореть?
золотой дирижабль
в ожиданье висит надо мной
я еще не хочу умирать
я уже не боюсь умереть

где-то в сердце Европы с дубовых столов
важный кельнер сотрет нашу черную тень
докурив сигареты, мы выходим за дверь,
и сгущается дым, и кончается день

не позднее 1997

Спаси меня

еще одна любовь, один минутный каприз
на простынях — Карибский кризис,
но в сердцах — легкий бриз
еще одна походка, чтобы вспомнить через годы
в толпе
и все пролетает, как радиоджаз
в попутной машине на случайной волне
люди играют для нас,
но они не знакомы ни тебе и не мне

СПАСИ МЕНЯ!.. мир сорвался с оси
мир убегает из-под ног, он похож на каток,
арбузную корку или мыла кусок
мы падаем на спину и смеемся друг над другом
мы падаем на спину и смеемся друг над другом
мы падаем на спину...

еще один Спаситель, зашедший в наш храм,
еще одно лицо, чтобы заполнить экран
еще один ангел во всем обвиняет чертей
и соль наших дней как радиоречи
мы не слушаем слов, но за нас говорят
пока я ищу в темноте твои смуглые плечи

СПАСИ МЕНЯ!..

не позднее 1997

Шум зеленой листвы

дерево,
под которым ты стала моей,
еще растет
в его густую тень
снова кто-то придет

слушать шум зеленой листвы,
выдумывать новые сны
там, где мы были,
и там, где нас нет

только для нас гаснет свет,
только для нас

я заглянул
в стакан воды, как в океан,
как в глубокий колодец,
на дне которого светит звезда,
как в темный тоннель,
в бетонные стены которого
намертво влиты года,
как в открытую дверь,
над которой написано
слово «всегда»

шум зеленой листвы,
вечнозеленые сны
там, где мы были,
и там, где нас нет

только для нас гаснет свет...

не позднее 1997

Вишневый пирог

да кто тебя разбудил
в такую раннюю рань?
течет по улицам грязь,
а с неба валится дрянь
смотри, как снег почернел
под этим красным дождем
давай зароем глаза,
давай его переждем

я хочу быть чистым, послушай
я хочу спасти свою душу
я хочу остаться невинным
знаешь, я не выйду наружу

да кто тебе нашептал,
что это время надежд?
смотри, готовится бал
для подлецов и невежд
в большой вишневый пирог
легко втыкается нож
на руки капает сок...
на что же он так похож?

я хочу быть чистым, послушай...

не позднее 1997

* * *

Большинство людей не знают, зачем они живут
Большинство людей не знают, когда они умрут
Большинство людей приходит, чтобы уйти
Я тоже уйду — может нам по пути?

позволь проводить тебя
через пляж, через волны, через эти острова,
через домик, через тени на белых простынях,
через вечер, если сможешь, через теплую ночь
если мы простимся раньше — чем тут можно помочь?

Большинство людей читает объявления в газетах,
Большинство людей дождется нового рассвета
Большинство людей живут по проекту Творца
если ты умеешь ждать — то дождись до конца
Света —
и хотя бы до конца лета.

позволь подождать с тобой
эту старость, эту радость, этот полный отбой,
слезы Луны и влагу на жемчужных губах
через вечер, если хочешь, через темную ночь
если ты устанешь ждать — то чем тут можно помочь?

Большинство людей не знают про тебя и меня
Большинство людей не знают ничего про себя
Большинство людей играет, чтобы проиграть
Мы играем вместе с ними, нам нетрудно понять

позволь проиграть с тобой

не позднее 1997

Тяжелые времена

напряженье растет,
водосточные трубы искрят
венки на асфальте
пропитаны пóтом солдат
жадность и зависть
сидят по темным пивным —
ждут Гинденбурга
и того, кто бывает за ним

тяжелые времена
в жлобском городе,
знакомые имена
в жлобском городе

беглецы четвертой волны
начинают свой танец,
и в порту эмигрантов
ждет Летучий Голландец
капитан, проверяющий визы,
не подаст им и вида,
что этот город зовется Помпеи,
а континент — Атлантида

контролеры в трамваях
ставят на лица печать,
изолентой заклеив глаза,
чтобы не замечать
скелет на скелете коня,
въезжающий в город
у него очень много имен
и одно из них — голод

не позднее 1997

Дождь

куда идет дождь?
он идет сверху вниз
ты идешь под дождем
запах мокрых волос —
это запах дождя
у тебя нету денег,
но дождь ничего не стоит,
а тебе ничего не нужно,

кроме дождя

прозрачные пальцы
скользят у тебя по спине
дождь сводит тебя с ума,
он касается губ и сосков —
и он шепчет слова,
он шепчет на ухо слова
чего хочет дождь?

он хочет тебя

почему ты раньше
не замечала его?
он большой и сильный,
он приходит с небес,
не задавая ненужных вопросов
целует твои глаза
что может быть проще —
целует твои глаза
что может быть проще —
целует твои глаза

кто может быть лучше,
чем дождь?

не позднее 1990-х

Катерина

Катерина сгорает быстрее свечей,
Катерина угасает быстрее, чем свет,
Катерина убегает от нас, как ручей,
никогда не доедая шоколадных конфет

она стареет в день на тысячу лет,
но лицом молодеет за часом час
у нее есть наверное какой-то секрет,
недоступный для нас

Катерина родилась еще до пирамид,
Катерина созерцает двухтысячный век
если верить всему что она говорит,
ей известно все, что делает любой человек

я коснусь ее груди, я коснусь ее бедра
она скажет: оставь, мне надоела игра
это то же, что я видела позавчера
зачем повторять еще раз

я учусь у нее не страдать от жажды,
я учусь парить, не цепляясь за вещи
а когда я по привычке что-то делаю дважды,
то я слышу ее голос вещий

не позднее 1990-х

Стеклянный ковчег

оставь все эти дела —
сколько денег еще не хватает тебе,
чтоб купить бутылку вина
и выпить вместе со мной?

наша судьба
снова в чьих-то холодных руках,
но мы уже сыты
по горло войной

все, что здесь можно спасти,
это ты
и я
все, что здесь стоит любви,
это ты
и я
стеклянный ковчег стоит на горе
и ждет большого дождя

люди смотрят нам прямо в глаза,
но что они знают о нас?
дети играют в прятки в саду,
но что им до нас?
весь этот мир
нарисован на тонкой бумаге,
а любовь — это способ
не видеть, что это обман

не позднее 1990-х

Роза

когда наступит зима,
когда похолодает в домах,
когда умрут все цветы
и дети закопают их в снег
когда начнется новый мир
в голодных искалеченных снах,
когда сгорит под окном
пропитанный теплом человек

роза разорвет мне грудь
осколками железных шипов,
роза иссушит мне кровь
от имени погибших цветов

одна только вера,
никаких надежд на завтрашний день
одно только завтра,
потому что вчера не вернуть
и нет такой вины,
которая стоит войны,
но война, несмотря ни на что,
отправляется в путь

она настолько же ненависть,
насколько любовь
и ее нельзя — увы —
подарить никому

не позднее 1990-х

Секси квин

когда ей было двадцать,
она могла танцевать нагой
среди святых друзей
теперь она служит в конторе,
которая пахнет как
ветеринарный музей

Секси Квин — так ее звали
на странном жаргоне позолоченных дней
Секси Квин — теперь ей больше, чем тридцать лет
Секси Квин — я помню мертвых
и знаю живых, не забывших о ней
ты знаешь сам: она жива, но ее уже нет

слушая опоздавшую музыку,
вспоминая все, что украдено,
поджидая прошлогодние новости
по вечно вчерашнему радио

когда ей было двадцать,
она могла проводить всю ночь
за слушаньем странных речей
теперь ее ночи
не более, чем
ксерокопии тех ночей

Секси Квин — разве мы знали,
что это время придет так поздно
Секси Квин — ты ждала больше, чем можно ждать,
Секси Квин — тебе стало сложно
повторить все то, что так просто
ты знаешь сам, что легче теперь —
взять или отдать

не позднее 1990-х

* * *

первобытная ночь только вверх глубока,
только вниз высока — ты меня понимаешь,
волчица?
ни домашним животным, ни диким не спится
только люди способны ее прозевать, прохрапеть,
проморгать

достижимые звезды царапают наши макушки,
и могилы приятно подушечки лап холодят
удивительна мудрость растущих на гнили опят
боги если хоть что-нибудь слышат, то только
молитву лягушки

от кошмаров вселенной, от жути больших
расстояний
черепахи жилищ зарываются в глины долин
серый войлок камней остывающих, неопалим,
укрывает от сумрака крайнюю плоть Хорасана

брызжет семя богов, разлетаются метеориты —
огневое — не то, что привычная падали слизь…
ствол корявой арчи подпирает тяжелую высь,
и горят неземные разряды на медной игле
эвкалипта

не позднее 1990-х

Смех птицы

преходящая сила жары
заклубится в пыли дождем
птица знает, и птица ждет
и кричит беспрестанно Имя
над тропинкою, над путем,
по которому мы идем,
говоря постоянно мимо,
наслаждаясь слепой стрельбой
и не слушая это имя,
погребенное под слюной

а у птицы другого нет
звука, чтобы излить им душу,
освежиться восторгом в сушу
птица Имя твердит навзрыд,
Имя радости невесомой
хорошо ей у Бога дома,
ну а нам — во дворцовой тоске
в ожиданье хозяйской подачки
над решеньем эллинской задачки —
все круги да круги на песке

не позднее 1990-х

Мертвые цветы

над водой ива в белом платье,
под водой омут ждет невесту
тяжело камнем с неба падать,
но в твоем мире мне будет тесно

посмотрел в спину как ударил,
подарил жернов и веревку
под волной сгинет моя память
без тебя, милый, мне будет ловко

ты принеси мне на прощанье
пышный букет мертвых цветов
железный венок с траурной лентой
строгой, как смерть, но только ты принеси…

не роняй слезы в горький виски —
прошлым днем долго сыт не будешь
я читать стала твои мысли
ты меня больше не позабудешь

и все же ты принеси мне на прощанье
пышный букет мертвых цветов,
железный венок с траурной лентой
строгой, как смерть, но только ты принеси

не позднее 1990-х

Сегодня мы ловим скорость

Сегодня мы ловим скорость.
Мы вышли с сетями и с именем Божьим.
Мы вышли с баграми и с верой, что можем
Схватить ее, юркую, прежде,
Чем будет отброшен хвост.

Сегодня мы ловим скорость.
Приманкой послужит нам юное тело:
Мы роль исполняем блесны и живца —
Зверь сам бежит на ловца.

Сегодня мы ловим скорость.
И звук Последней Трубы вспугнет нас
Из колоссальной постели,
Которую мы расстелим
От Балтики и до Тихого.

Время бежать — встань ближе, руку на пояс,
Другая поднята — о, ты пахнешь смолой
и бензином! —
Пыль садится, как пудра, на щеки — путешествуя
автостопом —
Домой? — Нет!

Как твое имя? — какая разница
я не хочу казаться никем
я — самая Обнаженная в мире
я могу снять не только одежду,
если ты смотришь шире.

Такая жара, а как много надето на мне.
Видишь — вот это Страна — теперь грудь
дышит свободнее —
Видишь — вот это Флаг — теперь ты можешь
видеть бедра.

О!
Я хочу подвесить себя к гребню водопада,
я не хочу жить на листике кувшинки,
я хочу видеть, как Вечность будет падать,
обтекая вокруг нашей машины...

не позднее 1990-х

Robert Johnson’s Blues

на перекрестке дорог
мне повстречался дьявол
на перекрестке дорог
мне повстречался дьявол
он сказал: ты будешь петь,
но потеряешь душу
ты продашь мне душу
и получишь процент с продажи

это было, когда
моя луна стала черной
это было, когда
моя луна смотрела как череп
на перекрестке дорог
мне повстречался дьявол
он подарил мне струны
из жил Иуды

когда я играю,
я помню, что сказал мне дьявол
и когда я пою,
я помню, что сказал мне дьявол
он обещал вернуться за мной
и найти мое тело
в грязной канаве

я выпил слишком много виски,
я раздвигал слишком много ног
я выпил слишком много виски,
я раздвигал слишком много ног,
с тех пор как мне повстречался дьявол,
на перекрестке дорог

не позднее 1990-х

* * *

Павел шел по пустыне,
а плотник плясал перед ним
Павел шел по пустыне,
а плотник плясал перед ним
Павел ловил его сетью,
а тот ускользал, словно дым

«чего ты мечешься, плотник?
я построю тебе дворец
с колокольней из белого камня
и с колоколами сердец!»

«Павел, ты был слепым,
а теперь ты сошел с ума…
ты был слепым,
словно черный блюзмен,
а теперь ты сошел с ума…
если церковь будет из камня,
то это уже тюрьма!»

не позднее 1990-х

Псалом

1. Я праведен перед Богом Моим, потому что Я знал Его;
   когда Я убивал, Я знал Его, и когда Я блудодействовал,
   Я знал Его.
2. Бог Мой всегда был со Мной; Бог Мой был со Мной в аду
   Моем, проклинаемый Мной и унижаемый Мной.
3. Когда Я ходил путями кривыми перед лицом Его, Я ходил
   ими по промыслу Его.
4. Славен Господь в небесах, позволивший презреть Мне
   волю Его; Господь Бог, мощной мышцею сокрушающий
   горы в песок, но позволяющий Мне растрачивать попусту
   вечность Его, как тратит распутник деньги, украденные
   у жены, или теряет спящий время для благодеяния.
5. Велик Господь Мой, если есть у него Я, бесполезный
   и ненужный для Славы Его.
6. Он возводит мне солнце из-за горизонта каждый день
   рукою Своей; Я — отвержение Его во Имя Его.

не позднее 1990-х

* * *

мир такой, каким мы его знали,
никогда не существовал
мы смотрим старое кино
и ищем взглядом себя
увы! мы не попали в кадр…

а может, нас там просто не было?

что отличает старика от младенца?

придуманное прошлое…

как-то раз я проснулся
и не смог вспомнить,
кто я такой
«Кто я такой?» —
спросил я, но никто не ответил:
отвечать-то было некому

никогда я еще не был так молод
как тогда

не позднее 1990-х

* * *

две категории людей
недоступны моему пониманию:
люди, которым нравится повелевать,
и люди, которым нравится подчиняться

очевидно, я лишен какого-то органа
позволяющего получать наслаждение
от власти и подчинения

точно так же, как кастраты с детства
недоумевают над тайной секса,
я недоумеваю над тайной власти

разумеется, как любой человек,
время от времени
я выступаю в роли то начальника,
то подчиненного,
но получаю от этого не больше удовольствия,
чем фаллоимитатор от своей работы

не позднее 1990-х

* * *

когда заходящее солнце коснулось края земли,
его последний луч превратился
в рубиновый столб,
бивший вертикально,
словно кровь из перерезанных жил,
раскроивший почерневшее небо
поперечной чертой;

женственная промежность космоса
открылась бесстыжим глазам
случайных свидетелей тайных родов;
земля была опутана пленками,
земля была покрыта слизью,
она не хотела рождаться,
она кричала

и ты кричала вместе с землей,
вцепившись пальцами в мое плечо:
что это? что это? что это?

всего лишь падение солнца

всего лишь падение солнца в далекий океан;
солнце падает, как охваченный огнем дирижабль,
ударяется о дно там, где спит,
затянут ракушками и щупальцами
древний Атлантис,
и поднимает волну сгустившейся крови,
ставшей тяжелой, как ртуть

не позднее 1990-х

10 000

сплю под покровом из тонкого льна,
и на ресницах застыла смола
там, где нет ночи, и там, где нет дня,
жду я того, кто разбудит меня

золото тускло мерцает кругом,
но не за золотом явится он:
львица крылатая с женским лицом
дверь отворит лишь тому, кто влюблен

десять тысяч лет
падает лунный свет
на грани пирамиды
десять тысяч лет
камни хранят секрет
того, кому пути открыты
десять тысяч лет
десять тысяч лет
десять тысяч лет

он прикоснется губами ко мне,
тайное слово прошепчет во тьме,
и, разрывая оковы теней,
мумия встанет с холодных камней

не позднее 1990-х

Армия Свободы

я в Армии Свободы
выполняю секретный приказ
секретный приказ,
он известен любому из нас:
быть всегда в походе
к великой желтой реке
Армия Свободы,
армия следов на песке

армия погибших вчера,
армия магических сил
тебе не страшно командовать теми,
кого ты вчера хоронил
тебе не страшно приказывать тем,
кого ты вчера закопал
Армия Свободы состоит из солдат,
но каждый из них генерал

мы в Армии Свободы
мы старается глубже дышать
и здесь убитые годы —
это то, чего у нас не отнять
мы плывем в кислороде
на корабликах болотных огней
Армия Свободы,
армия поющих теней

скажи, тебе не страшно слышать голос Звезды,
когда он шепчет тебе о том, что люди
безумно просты?
и поют, словно птицы
у тебя на руке,
продолжая поход
к великой желтой реке
Армия Свободы,
армия следов на песке

не позднее 1990-х

Ниспошли

чтобы отмыться от липких, как слизь,
вязких, как грязь и жадных, как черви,
чтобы окрасить в приятный цвет
бледных и цепких, как ногти смерти,

ниспошли нам свинцовый душ
ниспошли нам свинцовый душ

чтобы ударить сверканьем лучей
в глаза землероек и в губы рыб,
чтобы одеть в роскошную ткань птиц,
порезавших молнией крылья,

ниспошли нам стеклянный дождь
ниспошли нам стеклянный дождь

чтобы не ждать твоего прихода
среди скотов и среди овец,
подойди с огнем, горящим в ладони
к воротам, открытым твоим копьем

ниспошли нам огненный дождь
ниспошли нам огненный дождь

не позднее 1990-х

Светопреставление

на бетонной развязке пустого шоссе,
на втором этаже моего миража
я касаюсь рукой серебристых орлов,
которые нам угрожают, кружа
я смотрю на крыши, смотрю на огни,
я считаю наши последние дни
их осталось, быть может, на тысячу лет,
но ты скажешь при встрече, что кончился свет

светопреставление совершилось,
это представление завершилось
неужели ты веришь, что мы еще живы
после всего?
ты все еще веришь?
это смешно!

на бетонной развязке большого пути,
над моими любимыми, которые спят,
я смотрю, как покрыли бетонные пни
шляпки ржавых надежд, словно шляпки опят
я смотрю с моста, как с боевого поста,
на танец гремучей змеи без хвоста
близорукие смотрят в голубое стекло,
и, не видя себя, видят так далеко

если я не ошибся — то движения нет
если я не ошибся — то учение — тьма
если нас не свяжут — то прозрение — свет
мы слишком умны, и мы сходим с ума
белый джип застрял среди верблюжьих песков
новый день причесок афро и темно-медных сосков
люди цвета свежей глины в голубых кимоно
напылят нам новый кремний на подложку мозгов

не позднее 1990-х

Спички для снега

спички для снега
я прошу у тебя в эту ночь
у тебя на груди
спичек для снега
десять месяцев снега,
два месяца страха
новой зимы
спички для снега
в холодильнике радио,
ком голосов,
ледяной язык дедов
в гортанях отцов

если наступит двухтысячный год
прежде, чем время закончит свой бег,
и спички для снега растопят весь лед,
весь мир будет плавать, как Ноев ковчег

не позднее 1990-х

Йети

я иду со снегами навстречу огням,
горными ночами под мертвой луной,
прячусь в пещере на краю ледника,
поджидая детей — невинных детей,
сладких, как сахар, детей

серое солнце освещает мой след,
уходящий в горы и опасный для пса
спящие дети у меня на руках
видят наяву кристаллический сон,
хрупкий кристаллический сон

идите, дети, за снежным йети,
не бойтесь, дети, снежного йети

лед на вершинах звонок и чист,
снежные дэвы смеются и пальцы немеют,
снежные змеи свиваются в толстый клубок,
охраняя хрустальный воздух от чада долин

не позднее 1990-х

Я промолчал

я так долго ждал...
если б ты знал, как долго я ждал, сжимая пружину...
я подскакивал,
если мне говорили, что время пришло
глотая слюну и зажмурив глаза,
я делал шаг

я всегда был здесь,
всегда наготове, проколотый стрелкой часов
с моментальной улыбкой,
как вспышка сверхновой
я знал, что это приказ, отданный мне:
войти и сказать
несколько слов

несколько слов —
ни больше ни меньше
несколько слов —
ни больше ни меньше,
несколько слов

я ждал, я ждал, я перестал верить,
но меня толкнули в плечо
я сделал вдох,
посмотрел на застывшие лица
и промолчал
знаешь, мне стало страшно,
знаешь, мне было скучно
помнишь, я, кажется, что-то был должен сказать?

несколько слов?
ни больше ни меньше?
несколько слов?
я промолчал…
я промолчал…

не позднее 1990-х

Глупая девочка

глупая
глупая-глупая девочка
зачем ты пришла
глупая-глупая девочка?

твои глаза чисты, как небеса
твои слова, как птичьи голоса,
но я сошел с ума
я не вижу и не слышу тебя

мне слишком часто чудятся
шаги за стеной,
мне нужен постоянно кто-то
рядом со мной,
но я сошел с ума
и я боюсь тебя

глупая
глупая-глупая девочка
глупая
глупая-глупая девочка

ты говоришь, что ты хочешь
и любишь меня
ты раздеваешься поспешно
на фоне окна
а у меня в груди растет пустота
она давит, она душит, она мучит меня

не позднее 1990-х

Демоны

демоны в каждом вздохе,
демоны в черном кофе,
демоны в огне папиросы,
демоны на кончиках
опытных пальцев
твои красивые губы
и сильные руки
выжимают мое сердце,
как красный лимон

демоны шпионят за нами,
демоны за каждым углом,
демоны шпионят за нами,
демоны за каждым углом

что мы будем делать
сегодня ночью
на улицах города,
освещенных синей луной?
разбрасывать бомбы?
убивать прохожих?
я готов потерять свою душу,
если ты будешь рядом со мной...

демоны шпионят за нами,
демоны за каждым углом,
демоны демоны демоны повсюду,
демоны за каждым углом

не позднее 1990-х

Одиночество

одиночество — словно камень на шее,
одиночество — словно шаг с моста
одиночество — это пьяный разбойник,
распятый по правую руку Христа

мы танцуем странные танцы,
мы боимся прикоснуться друг к другу
протяни мне руку навстречу,
и ты сразу почувствуешь,
как упруго

одиночество скользкое, словно рыба
одиночество круглое, как Луна
одиночество — это большой супермаркет,
в котором есть все кроме тебя

звонки телефонов в четыре утра
чем больше разговоров,
тем меньше значенья имеют слова
если мы умрем, коснувшись друг друга,
разве это так страшно?
разве это, в сущности, не все, что мы можем?

но мы танцуем странные танцы,
мы боимся показаться смешными
и одиночество смеется над нами
одиночество знает,
как заставить нас остаться такими

одиночество...

не позднее 1990-х

Сладкая боль

не иди за мной:
это было бы слишком просто
слишком много теней
стоит у меня за спиной
я хочу тебя видеть
в сегодняшнем сне,
я хочу тебя видеть
на белой стене,
я хочу повторять твое имя,
вернувшись домой

это сладкая боль —
знать, что ты существуешь на свете,
это сладкая боль —
знать, что ты можешь жить без меня,
это сладкая боль —
знать, что мы можем встретиться где-то
это сладкая боль —
не увидеть тебя никогда

мне легко одному
просыпаться в холодной постели
и смотреть на Луну
и сходить постепенно с ума
ты танцуешь, как пламя
в моей голове
я пишу тебе письма
на оконном стекле
и читаю их сам и стираю
дыханьем слова

это сладкая боль...

не позднее 1990-х

Усталость

Если я пялюсь в телевизор
И кидаюсь бутылкой в экран,
Не делай из этого шума:
Возможно, я несколько пьян.

Если я, встречаясь с ворами,
Мечтаю всадить в них свинец,
Не делай из этого темы:
Возможно, я сошел с ума, наконец.

Усталость,
Это просто усталость,
Усталые нервы,
Усталость металла.
Как устает металл,
Если б ты только знала…

Завтра все будет в порядке,
Я куплю себе BMW,
Я куплю себе автоответчик,
Чтобы лгать, изменяя тебе.

И когда мы выйдем на крышу,
Перед тем, как броситься вниз,
Рядом всегда найдется фотограф,
Который попросит нас сказать «cheese!»

не позднее 1990-х

Сон, где нет тебя

черным дождем выпала ночь,
пролилась на каменные крыши
гаснут огни — стены кругом
на глазах становятся все выше

все до одной закрыты двери,
и за спиной — ночные звери
в том сне, где нет тебя

лунным лучом, белым, как снег,
оберну разбитые ладони
каждый мой шаг — это мой след,
и нигде не скрыться от погони

никто не ждет в конце дороги,
колючий лед покрыл пороги
в том сне, где нет тебя

не позднее 1990-х

Фармакология

1996–2000

Ночная радуга

ночная радуга зажата у меня в руке,
ночная радуга трепещет в моем кулаке
поднеси ее к губам, и ты сразу увидишь
ангелов в небе и цветы на Луне

ночная радуга взойдет,
и ты сразу увидишь
ночная радуга взойдет,
и ты сразу услышишь
музыку мертвых
и закружишься в танце
под алмазными звездами
на красной траве

ты не участвуешь в шествии безногих людей
едущих в машинах безумных людей
из ушей у них идет
коричневый дым
еще вчера ты тоже хотел быть таким,
но теперь все это кажется
немного смешным —
для чего тебе в ухе коричневый дым?
и ты кружишься в танце
по красной траве
с ночною радугой, зажатой
в твоем кулаке

ночная радуга взойдет,
и ты сразу увидишь,
ночная радуга взойдет,
и ты сразу услышишь
голос любви в золотом мегафоне,
установленном прямо
в твоей голове

не позднее 1996

Внутри этой кожи

по городу гулял
и глаз не поднимал
осмотревшись, увидел —
район совсем незнаком,
надвигается ночь

повернулся, пошел назад,
мимо домов и собак
он никогда не бывал
в этом городе раньше

как он попал в него?
никто не знает
как он попал в него?
никто не знает

ни одного
документа в карманах
как теперь его имя?
никак

позвонил в одну из дверей
открыла женщина,
пригласила войти,
накрыла на стол
он пил
он ел

он был дома

как он попал домой?
никто не знает
как он попал домой?
никто не знает

ощупал себя
с головы до пят

кожа была цела
он не выпал из кожи

послушай, женщина:
важно лишь то,
что внутри этой кожи

никто не знает,
что внутри этой кожи

не позднее 1997

Дурной глаз

пожелал смерти соседской собаке
— собака сдохла
представил похороны девочки,
игравшей за стеной гаммы
— лейкемия
пробовал силы
пробовал силы

из фактов
складываются закономерности

составил список врагов,
начал действовать

просыпался в холодном поту:
вспоминал всех близких
— кто-нибудь еще
кто-нибудь еще
обладает тем же даром?

защита —
это нападение

зона смерти
должна быть достаточно широка

а если случайно пожелать смерти
самому себе?

как справиться с шальными мыслями?
как уследить за движением снов?

не позднее 1997

Еще одно лицо

звук упавшей луны
пробудил его ото сна
он выглянул и увидел —
там, где была луна,
парило

еще одно лицо

взглянул на жену,
но это была не жена
вспомнил других —
ни одна

еще одно лицо

заглянул в эти глаза —
ни слезы, ни тени улыбки
они слишком прекрасны
и холодны

вышел в окно,
будто там его ждали
крылатые кони

но кони не ждали

не позднее 1997

Звонки

звонки, звонки в 4 часа утра

она набрала номер на ощупь
она сказала: я не одна
она сказала: сам виноват
она сказала: мне хорошо!..

слушай мое дыхание...
слушай его дыхание...

она сказала: ты извел меня пустыми угрозами
она сказала: ты — трус, ты никогда не решишься

слушай мое дыхание...
слушай его дыхание...

в 4 часа утра...
в 4 часа утра...

она сказала: ты стоишь у окна? смотри не простынь!
она сказала: мне надоело с тобой говорить!
он сказал ей: прощай...
голос ей показался
чужим и странным
она спросила: с кем я говорю? какой это номер?

ей никто не ответил

1997

* * *

я вижу людей насквозь,
я вижу как у них внутри
работают механизмы:
моторчики, гидроприводы,
трансмиссии, шестеренки
люди приходят в движение,
люди потеют и выделяют
ядовитые газы

я вижу, как идет процесс:
датчики принимают сигналы
и посылают их на обработку
серому космонавту,
похожему на медузу,
запустившую щупальца
во все углы скафандра
человеческого тела…

чего он хочет, зачем заставляет все эти машинки
шевелиться, бегать, испытывать ужас,
играть на скрипке, пить пиво?
в шлеме моей головы
он живет, защищенный надежно
от воздействия чужой атмосферы

чего ему нужно, чего он ищет?
почему он чувствует себя так плохо
в этом странном месте?
что он будет делать,
когда этот механизм придет
в негодность?
неужели тоже погибнет?
или отыщет дорогу обратно?

1998

Городской партизан

этот город — змея, этот город — дракон,
он обвивает меня со всех сторон
по позолоченным помойкам я бегу в никуда:
под ногами — асфальт, под асфальтом — вода
люди в небоскребах ненавидят меня
за то, что они не такие, как я
они украли мои песни, убили любовь —
но рано или поздно мы встретимся вновь

я — городской партизан
я прячу самодельную бомбу в карман
я — городской партизан
я скорее умру, чем сдамся вам
я — городской партизан
вам не ударить никогда по моим тормозам

мне хочется остановить на миг потоки машин,
усеять улицы осколками стеклянных витрин,
оборвать телефоны и выключить ток —
тогда каждый поймет, как он одинок
десять тонн кислоты в городской водопровод,
чтобы каждый понял, как он живет
я знаю за собой лишь одну вину —
я просто ненавижу эту страну

Останкинская башня с надсадным скрипом
медленно падает, словно потухшая черная свеча
и протыкает острым концом своей иглы варикозную
шишку купола храма Христа Спасителя, откуда
вырываются языки пламени и черные клубы дыма
и вылетают с пронзительным писком испуганные
бесы в епископских клобуках. От нестерпимого жара
Кремль, как восковая декорация, оседает в Москву-
реку, и все заволакивается клубами пара. Речное дно
лопается, и под ним открывается бездна, на самом

дне которой видны башни и крепостные стены
затонувшей Атлантиды. Земля расступается все
шире и шире — дома, деревья, машины — все падает
в бездну. Удивленные рыбы кружат вокруг медленно
опускающихся на дно трамваев. Постепенно все
успокаивается: я стою на берегу огромного озера
с теплой зеленой водой.

я просыпаюсь: четыре часа утра —
я снова видел сон, во всем виновата жара
автоответчик на кухне смотрит красным нулем:
он будет говорить, когда мы все уже умрем
смысла нет ни в чем, смысла нет нигде,
никто и никогда не ходил по воде
или я заблуждаюсь? но небо молчит —
партизан бывает счастлив, лишь когда он спит

я — городской партизан
я гуляю по высоковольтным проводам
я — городской партизан
я даю сегодня волю своим мечтам
я — городской партизан
вам слабо приказывать моим мозгам

1998

Viva la revolución!

я умру от тоски,
если завтра здесь все будет так же,
как было вчера
я хочу жечь костры,
танцевать на осколках витрин
и не спать до утра
мы с тобой возведем
баррикады на каждом углу
и сразимся с врагом
и увидит весь мир
на страницах газет наши лица,
когда мы умрем

viva viva la revolución!
viva viva la revolución!

город в наших руках
я устал от борьбы и стрельбы,
я хочу отдохнуть
отключи телефон,
положи свою голову мне
на усталую грудь
ты меня не буди —
я боюсь, что проснусь и узнаю,
что все это сон
как признанье в любви,
повторяй вслед за мной:
viva viva la revolución!

1998

Свеча и муха

когда ты спишь, ты видишь сон, что ты солнце
когда ты спишь, ты видишь сон, что я тень от солнца
в твоих снах ты восходишь все выше
в твоих снах я ползу за тобою

когда ты спишь, ты видишь сон, что ты пламя
когда ты спишь, ты видишь сон, что я муха
в твоих снах я всегда сгораю
в твоих снах ты горишь дальше

я могу погасить тебя взмахом крыльев,
я могу задуть тебя минутой молчанья
ты свеча в ночи, тебя колышет ветром

когда ты спишь, ты видишь сон, что ты хозяин
когда ты спишь, ты видишь сон, что я рабыня
в твоих снах ты бьешь меня черною плетью
в снах я целую твои колени

когда ты спишь, ты видишь сон, что ты тарантул
когда ты спишь, ты видишь сон, что я в ловушке
в твоих снах я молю о пощаде
в снах я бьюсь в твоих объятьях

я могу погасить тебя взмахом крыльев
я могу задуть тебя минутой молчанья
ты свеча в ночи, ты истекаешь воском

1998

Парашютист

Мама,
я не хочу быть парашютистом
Мама,
не выкидывай меня из люка
Мама,
я не хочу быть парашютистом
Мама,
что ты наделала, Мама!

сон на лету,
секс на лету,
день на лету,
ночь на лету
что там внизу?
Мама,
что там внизу?
что там внизу?
Мама,
что там внизу?

1998

Фармакология

глупый мальчик,
бедный мальчик,
ты лежишь на холодном полу
ангелы придут за тобою, мальчик
это все фармакология,
мальчик

она стояла у входа в метро,
она стояла на высоких металлических каблуках
она смотрела на тебя как змея,
она сказала: «Пойдем ко мне домой,
мальчик!»

глупый мальчик,
бедный мальчик,
спящий в последнем составе метро
ангелы пришли за тобою, мальчик
это все фармакология,
мальчик

она сказала: «Кока-кола и ром»,
она сказала, что предпочитает со льдом
она сказала: «Я не сплю уже четвертую ночь —
я вижу мертвецов за каждым углом,
мальчик!»

мне нравятся твои пустые глаза
по ночам я ненавижу оставаться одна
у нас осталось мало времени, мальчик
я хочу умереть, но боюсь одна, мальчик
это все фармакология, мальчик

мальчик?

1998

Химическая женщина

неоновые пальцы на пылающем лице,
виниловые губы в синтетической пыльце
ты светишься во тьме как неземное существо,
ты превращаешь в золото любое вещество

химическая женщина,
каков твой состав?

химическая женщина,
химическая женщина,
я не могу уйти отсюда,
так и не узнав

1998

Comedown

я привожу тебя из мертвых городов,
мерцающих в стерильных пространствах
звезды на сиреневом небе
похожи на серые камни
ветер пахнет резиной,
кончается химический праздник

COMEDOWN
COMEDOWN

ты работаешь на разных
случайных работах,
питаешься жетонами для таксофона
и страницами Vogue
мне нравится твоя установка
на саморазрушенье,
пухлые бледные губы,
преждевременная усталость

размытый ангел неправильной формы
висит над горизонтом,
притворяясь кометой
ты не хочешь рожать детей
за пару лет до конца света

кому нужны новые дети
за пару лет до конца света?

1998

Не тащит

я сидел и смотрел в телевизор целый день,
я стрелял из пневматической винтовки в свою тень
меня не тащит,
совсем не тащит

ты просишь меня, чтобы я встал и пошел,
пошел туда, где нам с тобою будет хорошо,
но нам с тобой нигде не будет хорошо,
раз нас не тащит,
совсем не тащит

не тащит от трип-хопа, транса, джангла и рока,
автомобилей, кинофильмов, дьявола, Бога,
воды, сигарет, алкоголя, еды,
МДМА, амфетамина, травы и кислоты,
кокаина, героина, барбитуратов, грибов,
экстрасенсов, контрацептивов,
бандитов, ментов,
виртуального пространства, орального секса,
курения, пьянства, лишнего веса —
не тащит, уже не тащит,
совсем не тащит

я не знаю точно, когда мы умрем, но я точно знаю,
зачем мы живем —
живем, чтоб притворяться ночью и днем,
что нас тащит,
по жизни тащит

от того, как мы меняем города и постели,
от обдолбанного духа в обдолбанном теле,
от одноразовой любви и многократного оргазма,
от телевизора, в котором ликует протоплазма,
от количества женщин на высоком холме,
от наличия денег в чужом дерьме,

от того, что будет завтра, того, что было вчера,
от грядущего во славе Иисуса Христа
тащит,
по жизни тащит

1998

Станция

ночь по капле вытекает
из водопровода
комнату качает
на космических рельсах
даже дети знают,
что любовь — это слово

скажи его снова
скажи его снова

комнату качает
на космических рельсах
нет смысла спать,
если ехать недолго
даже дети знают,
что жизнь — это поезд

где ты выходишь?
где ты выходишь?

как зовут эту станцию,
станцию, станцию, станцию?

нет смысла спать
если ехать недолго:
неизвестно, что тебе может присниться
даже дети знают,
где ты выходишь

1998

Сумочка

Ты носишь в сумочке целую Вселенную,
полную маленьких тайн,
скелетов, привидений,
следов многочисленных встреч,
телефоны, по которым тебя носили на руках,
обещали деньги, били по лицу, били по лицу...
Вселенную, полную маленьких-маленьких тайн,
следов многочисленных встреч...

закрой свою сумочку,
пока не поздно
закрой, закрой свою сумочку,
закрой свою сумочку
пока не поздно
закрой, закрой свою сумочку

ты носишь на плече ящик Пандоры, джунгли,
полные жестоких ароматов, старые колготки со
следами зубов,
пару городов, населенных одними мужчинами,
голову любимой куклы, серебряную пулю,
приворотное зелье...

ты носишь в сумочке целую Вселенную,
полную странных ароматов
и жестоких желаний
адские муки и радости рая
и то, ради чего
ангелы спускаются с неба

(закрой свою сумочку, пока не поздно:
боюсь попасть в твою сумочку)

1998

Не имеет значения

ты стоишь на моем пути,
ты не даешь мне
сойти с ума

твое имя? не имеет значенья
убежденья? не имеет значенья
материал изготовленья? не имеет значенья
женщина или мужчина,
человек или машина —
не имеет значенья,
не имеет значенья

где твой дом? не имеет значенья
кто твой бог? не имеет значенья
ничего не имеет значенья, кроме спасенья
останови паденье —
нас уже ничего не держит

1998

* * *

время ускоряется,
но мы не замечаем этого
потому что ускоряемся вместе с ним
пространство сжимается,
но мы и этого не замечаем,
потому что тоже сжимаемся

(сравните восторг, испытанный Колумбом при виде песчаных берегов Сан-Сальвадора, и безразличие, которое испытывает господин Лекок, член совета директоров из Страсбурга, каждый раз, когда колеса его «Конкорда» касаются ВПП аэропорта им. Кеннеди)

пока у нас был Бог,
мы обладали вечностью,
которая не ускоряется
и не сжимается
с ее помощью мы могли измерять
пространство & время

но с тех пор Бог умер —
тамагочи в кармане у рассеянной девочки
мы мечемся со все возрастающей скоростью
в крохотной тесной Вселенной,
переполненной просроченными желаниями
и отложенным на завтра счастьем

1999

Праздник Красной Смерти

герои супермаркетов, несчастные идиоты,
катят тележки,

наполняют их достижениями цивилизации —
мясом мертвых животных, ядами
в цветных упаковках, бессмысленными игрушками,
сокращающими ожидание, синтетической похотью,
силиконовой красотой…

ты наденешь свое лучшее платье,
я достану обручальные кольца
мы спрячемся за парапетом
между паркингом и туалетом —

это будет наш праздник,
красный праздник,
красный праздник —
праздник Красной Смерти

полюбуемся лицами ближних в линзах
оптического прицела, насладимся музыкой
битых витрин и запахом горящей резины…
неужели тебе их жалко?
эти люди никогда не жили —
мы стреляем по мертвецам,
мы охотимся на манекенов…
пиво течет по асфальту из разбитых бутылок,
смешиваясь с кровью и яичными желтками…

сегодня наш праздник,
красный праздник,
красный праздник —
праздник Красной Смерти

ты наденешь белье королевы,
я побреюсь серебряной бритвой,

мы отправимся на дискотеку
и возьмем два лишних патрона

потом, за гаражами, после прощального поцелуя,
я спрошу тебя:
— Ты никогда не замечала, что смерть и любовь —
два слова женского рода
с одинаковым количеством букв?
я скажу тебе:
— все, что мы сделали, — глупо…
все, что с нами сделали, — подло…
ты слышишь шум вертолета…
или это стучит мое сердце?
я тебе доверяю настолько,
что нажму на курок первым

это был наш праздник,
красный праздник,
красный праздник —
праздник Красной Смерти

1999

* * *

мир как мать, которая не любит меня,
и Бог как отец, которого я не знаю

мы стартовали с Гагариным
практически одновременно:
каждый — в свой космос

мир обожал Брижит Бардо
и музыку Нино Рота,
роботы еще казались смешными,
война казалась выигранной раз и навсегда

впрочем, была атомная бомба,
но об этом старались не думать

я увидел фотографию взрыва
в томе IX «Всемирной Истории»,
когда мне было четыре года
с тех пор почти до тридцатилетия
я просыпался от звука каждого самолета,
пролетавшего в небе,
и сжимался в комок

страх смерти от руки,
лежащей на кнопке за тысячи километров
от нашего дома,
вырастил нас жадными до удовольствий,
безжалостными и инфантильными людьми,
живущими жизнью взаймы

я читал романы Жюля Верна
я мечтал стать капитаном Немо:
о, подводные лодки, железные матки,
скользящие в околоплодных водах
Мировых Океанов
над обломками атлантид и титаников:

мечта всех одиноких детей,
не желавших рождаться

в пять лет на крыльце недостроенной дачи
я испугался большого древесного жука
с невероятной длины усами:
жук пер на меня, а я пятился,
пока не упал с крыльца
и не ударился больно о землю затылком

я понял, что нужно стать таким же, как жук —
усатым и страшным

мир как мать, которая не любит меня,
и Бог как отец, которого я не знаю

2000

Русская ночь

что ты делаешь здесь,
чистый ангел небес?
как найдешь ты дорогу
обратно домой?
за тобой уж давно
следит ПВО —
может лучше остаться
этой ночью со мной?

ровно десять веков,
как на улице шмон:
ищут душу в карманах —
говорят, наркота —
все пути в Вавилон
охраняет ОМОН
на груди — лист брони,
а в груди — пустота

я боюсь разучиться
любить навсегда,
потерять свое сердце
как теряют ключи,
ничего не успеть,
ничего не понять
и пропасть без следа
в этой русской ночи

нам не нужно попов,
чтобы верить в любовь
если нимб твой горит —
значит, будет светло
при небесных свечах
ты заснешь на руках
и бессильная ночь
будет биться в окно

не позднее 2000

Встречная полоса

ночь под желтой луной,
страх в усталых глазах
жить так хочется, но
не любою ценой

день, еще один день
встреч, бесед и звонков
все смогу я купить, но
не такую любовь

мы летим с тобой
по встречной полосе,
обгоняя смерть,
по встречной полосе
не свернуть в кювет
на встречной полосе
лучше умереть,
чем стать такими же как все

брось педали и руль —
правил более нет,
и секунда важней
сотни прожитых лет

мы летим с тобой...

не позднее 2000

Ничего особенного

ты не Карпов, не Рокфеллер, не саудовский принц
ты можешь пойти в кино и не бояться убийц,
ты не торгуешь героином, не воруешь уран
ты даже побоишься угнать автокран

она не леди Диана и не мисс Италия,
не Раиса, не Лолита, не путана из «Континенталя»
она работает в конторе и ходит в садик за сыном,
она давно разведена и бредит морем и Крымом

ничего особенного
ничего особенного
в некоторых людях нет
ничего особенного

ты приходил к ней с цветами, ты приходил к ней
с кольцом,
она сказала: ты не сможешь стать достойным отцом
и ты не можешь заснуть ни до трех, ни до пяти,
и тяжелый товарняк гремит, гремит в твоей груди

я стоял на остановке, когда ты выпрыгнул в окно
и смотрел, как санитары лили хлорку на пятно
каким будет утро, не представишь по снам
ни один из нас не тот, кем он кажется нам

ничего особенного...

не позднее 2000

Колесо

завтра я буду плакать,
завтра ты будешь смеяться
было время для встречи,
настало время расстаться

там, где сгорит любовь,
пляшет на углях печаль
пепел вчерашних слов
ветер уносит вдаль

крутится колесо!
вертится на оси!
там, где сегодня я,
завтра окажешься ты!

завтра ты будешь плакать,
завтра я буду смеяться
было время быть камнем,
настало время скитаться

там, где отпляшет печаль,
взойдет золотая трава
крутится колесо,
кружится голова

крутится колесо...

не позднее 2000

Шаг в пустоту

я поймала твой взгляд
здравствуй, потерянный брат!
ты мне не можешь сказать,
где здесь на небо дверь?
солнце уже не взойдет
над городом скучных людей
если бежать, то бежать
теперь

руки твои крепки,
губы твои — из огня
если я не решусь,
ты подтолкнешь меня
что там у нас за спиной?
холод закрытых дверей?
если лететь, так лететь
скорей

сделаем шаг в пустоту
разве мы хуже птиц?
сделаем шаг в пустоту
от надоевших лиц
сделаем шаг в пустоту,
не закрывая глаз
сделаем шаг в пустоту,
от тех, кто не понял нас

ты можешь быть королем,
ты можешь быть порнозвездой,
но ты не откупишься от
той, что пришла за тобой
сердце в моей груди
стало твердым, как лед
если идти, так идти
вперед

сделаем шаг в пустоту
разве мы хуже птиц?
сделаем шаг в пустоту
от надоевших лиц
сделаем шаг в пустоту
нет нам дороги вспять
сделаем шаг в пустоту
от тех, кто остался ждать

не позднее 2000

Аленький цветочек

прости, принцесса, прости,
мне скучно в этом дворце
твои поцелуи свели на нет
шерсть у меня на лице
но твои лошади
чувствуют тоньше —
они хрипят и бьются,
встречая мой взгляд
твои родные глядят исподлобья
и ждут, когда я отправлюсь назад

прости, принцесса, прости,
мне тошно в этом раю
слишком часто я их ненавижу,
слишком редко тебя люблю
но ты так привыкла
ходить по паркету
тебе будет трудно
ходить по земле
январской ночью
в берлоге на листьях
я буду грустить о тебе

аленький цветочек, аленький цветок...

прости, принцесса, прости,
что я уродлив, как бес,
что ты прекрасна, как птица
на синих равнинах небес
но когда ты лижешь их гнусные руки,
ты становишься старше
на тысячу лет,
а когда я смотрю тебе
прямо в глаза,
ты торопишься выключить свет

прощай, принцесса, прощай,
я благодарен тебе:
теперь я знаю,
как пьют из золота
и как кушают на серебре,
как носят всю жизнь бархат,
но умирают в дерьме
январской ночью
в берлоге на листьях
я буду грустить о тебе

аленький цветочек, аленький цветок...

не позднее 2000

Лунный сон

Не помню точно уж, с каких времен
Мне снится ночью очень странный сон:
Словно мой дом
Стал невесом —
Стоит махнуть веслом,
И поплывешь по небу прямо в нем…

Вот над столицей в синей вышине
Парю я птицей в звонкой тишине.
Выше антенн
Крыш и ворон —
Небо со всех сторон.
Через минуту буду на луне…

Только мне луна не нужна
Ведь луна пустынна и холодна
Хоть себя всерьез считает она
Самою красивой.
Ну а та, что нравится мне
Никогда ко мне не приходит во сне…
Может дело все же в этой луне,
Желтой и ревнивой?

И я решился сделать разворот,
Но в тот же миг прервался мой полет:
Падает дом
Вниз кувырком
Вместе со всем, что в нем.
К земле лечу я головой вперед.

Я просыпаюсь голый на полу,
Смотрю в окно на подлую луну
Ну а она
Мне говорит
И кулаком грозит:
«Я завтра ночью вновь к тебе приду!»

Не помню точно уж, с каких времен
Мне снится ночью очень странный сон…

не позднее 2000

Розмари

у меня есть жирафа,
ее зовут Розмари
во имя мира на земле,
во имя любви
не спрашивай меня,
почему ее зовут Розмари

это совсем небольшая жирафа —
она берет из рук
сигареты и сахар

ты думаешь, что я сошел с ума,
но ты сошла с ума сама

у меня есть человек,
живущий в ушах
он говорит со мной
о самых разных вещах:
о затонувших кораблях
и летучих мышах —

это специальный человек,
живущий только в ушах

у меня есть друг
по имени Круг
он делает круглым
все, что видит вокруг
у него нет ног,
у него нет рук
я ношу его в кармане
оранжевых брюк

это мой самый лучший друг —
он умеет издавать особенный звук

не позднее 2000

Полиция реальности

2001–2007

Тайный знак

мы стоим с тобою с разных сторон
перед омутом ночной темноты
для тебя как отражение — я,
для меня как отражение — ты

и распахнуты, как окна, глаза
перед зеркалом разбитых времен
то, что ты воспринимаешь как явь,
для меня похоже больше на сон

нам не ясно, кто здесь друг,
кто здесь враг
каждый шаг — тайный знак

тайный знак на запотевшем стекле
может стать началом новой войны
тайный знак на почерневшей стене
может быть началом нашей любви

там, где вера разбивается в пыль,
там, где ветер превращается в штиль,
там, где крылья надо с хрустом ломать,
чтобы снова научиться летать

не позднее 2001

Ножницы

в период
борьбы с длинными волосами
в школе,
где я учился,
директриса
выставляла у входа
патруль
из числа сознательных комсомольцев,
вооруженных ножницами

комсомольцы
отлавливали волосатиков
и отсекали им локоны
с одной стороны головы,
после чего
жертва
была вынуждена
бежать в парикмахерскую
и стричься
под уставной полубокс

я тоже был волосатиком

лязг холодных ножниц...

я до сих пор слышу его
у себя над ухом
днем и ночью,
чувствую
прикосновение холодного металла
к коже...

...и вскакиваю с криком
в середине ночи!

включаю телевизор
и слышу металлический лязг,
читаю иную статью в газете
и прикрываю рукой
ухо

люди с ножницами —
любители символической кастрации,
завистливые импотенты,
хозяева трусливых маленьких гильотин...

вам не хватило смелости
сразу отрезать мне голову!

рано или поздно
наступит время
расплаты за педагогические ошибки...

2001

El amor

моя любовь попалась в сети
фальшивых слов и призрачных побед
обрывки снов развеял ветер,
ни друг, ни враг не могут дать совет:
моя любовь попалась в сети

sin amor
la vida pierde el sabor
y la flor
no tiene más el olor
después de la alegría
sin falta viene el dolor
mas del dolor rinace un nuevo amor
nace un nuevo amor

как липкий клей застыло время,
остановились стрелки на часах
и ледяной водой на темя
за каплей капля льется темный страх,
застыли стрелки на часах

/ Без любви мир потонет в крови. /

2001

My only one

I will never be a king,
You will never be a queen,
But who does care?
But who does care?
We're drifting in the sky
Every moment getting high
Up in the air,
Up in the air

Though life can be tragic,
Love still has some magic
If you try,
My only one…
My only one…

Ocean waves will rage and roll
And empires rise and fall
And leave no trace,
And leave no trace
Time is running through my hands,
But in every grain of sand
I see your face
I see your face

октябрь 2001

Не совсем по Энгельсу

как-то раз одна обезьяна
склонилась над вмятиной
в красной глине саванны
только что пролился дождь,
и вода, упавшая с неба,
образовала лужу

обезьяне хотелось пить
она потянула подвижные губы к воде,
как делала это
уже сотни раз
за свою недолгую жизнь

и тут впервые
заметила,
что в луже есть кто-то еще

разумеется, это было всего лишь
отражение обезьяны
но она-то этого не знала!

из зеркала дождевой воды
на нее взирало
странное существо —
ушастое,
с вытянутыми трубочкой губами,
комично наморщенным лбом,
дурацкими кустистыми бровями,
в которых застряла солома,
и бешено вращающимися глазами

в панике обезьяна ударила лапой
по поверхности воды...

...и странное существо
задрожало,

разбилось на тысячи осколков,
затем снова сложилось обратно
и принялось корчить жуткие рожи

и тут
наша обезьяна
почувствовала в горле
незнакомую щекотку
это не был крик,
это не был стон,
это не был рык —
это было что-то такое
с чем она никогда не сталкивалась прежде

щекотка становилась все сильнее,
бедная обезьяна, не в силах сдержаться,
начала издавать
нелепые кашляющие звуки

это был смех

обезьяна смеялась!

в ужасе
от необычности происходящего
она спросила себя:
«Что со мной происходит?»
и откуда-то из глубин
ее маленького прочного черепа
внутренний голос ответил:
«Ты стала человеком»

не позднее 2002

Радость

если утром болит голова,
значит, ночью болела душа
если утром болит голова,
значит, ночью болела душа
я не слышал, как хлопнула дверь,
когда моя радость ушла

вороны кричат за окном
и падает черный дождь
вороны кричат за окном
и падает черный дождь
невозможно ни есть, ни пить,
когда ничего не ждешь

когда умирает тело,
его хоронят под звон лопат
когда умирает тело,
его хоронят под звон лопат,
но когда умирает душа,
она отправляется в ад

человек не может один,
покуда он еще жив
человек не может один,
покуда он еще жив
с этой пьянки никто домой
не уходит, не заплатив

не позднее 2002

Камера пыток

если ты стоишь под дождем, вспомни о том,
что когда-то здесь было лето
если ты теряешь свой путь — не забудь,
не забудь о том, что я где-то
новая весна впереди — подожди
время возвратиться по кругу
и тогда пройдем мы с тобой по одной
улице навстречу друг другу

я просыпаюсь утром с тяжелой головой
и понимаю, что тебя нет рядом со мной
я поднимаю шторы, я смотрю в окно —
я не знаю, зачем мне ходить и дышать,
я не знаю, зачем мне существовать,

если каждый день похож на камеру пыток,
на пахнущий резиной синтетический напиток
я слишком долго утверждал, что любовь — это бред
это проще простого, пока ее нет
я пытался ширяться, я пытался пить
я устал притворяться, что мне нравится жить
я уже не боялся сойти с ума
или позабыть свое имя

не позднее 2002

* * *

меня попросили
написать очередную песню
«про любовь»
я выглянул в окно:
огромная кроваво-мутная луна
всходила над городом
который превзошел
все наивные измышления
средневековых схоластов
об аде
какая, нах**, любовь?
может, пора, наконец,
перестать себя убаюкивать
враками наемных поэтов?

не позднее 2002

* * *

я неисправим:
мне до сих пор хочется
взять в руки автомат или бомбу
и уничтожить мир взрослых —
мир ответственности и принуждения,
мир многолетнего приготовления
к смерти

но, как только в мои руки
попадает оружие,
жалость во мне побеждает
агрессию:
ведь я-то знаю
одну маленькую тайну
НА САМОМ ДЕЛЕ ДЕТИ —
ЭТО ОНИ

не позднее 2002

Клаустрофобия

скользят по каменной стене израненные пальцы
здесь больше нечего терять и некого бояться
в тесной темной комнате томится птица пленная,
душным страшным коконом становится вселенная

по капле капает вода из крана прямо в темя,
идут часы, но навсегда остановилось время
небо закопченное нависло, как надгробие,
дышит в спину холодом моя клаустрофобия

мечется душа моя на дне колодца — ранена она,
смотрит сверху желтым глазом и смеется пьяная луна
молчат пустые города, наполненные страхом
жить можно так же, как всегда, пока не станешь прахом

/ страшнее выстрела в висок молчанье телефона
струится время как песок /

не позднее 2002

Выйди на связь

ты плывешь в никуда между небом и дном
ты плывешь в никуда между явью и сном
в лунном свете вода тяжела, словно ртуть
между жизнью и смертью проложен твой путь
день твой тает как пена на гребне веков
в каждом плеске волны тайный слышится зов
в каждой капле воды видно чье-то лицо
горизонт замыкает пространство в кольцо

выйди на связь — так назначено нашей судьбой
выйди на связь — я всегда где-то рядом с тобой
и спасения нет — зови, не зови,
пока ты не выйдешь на связь
на волнах любви

прогибается небо под тяжестью звезд
в бесконечность уходит невидимый мост
я бегу по нему, в неизвестность маня —
почему ты не хочешь увидеть меня?

2002

Мальчик с пальчик

Старые сказки — страшные сказки,
а новых нет…
Кто нас подставил — бог или дьявол —
ищи ответ…
Черным вороном вьется
детство над головой.

Здравствуй, мальчик с пальчик!
Бедный глупый зайчик…
Думал, если
вырос большой,
не вернемся мы за тобой…
Здравствуй, мальчик с пальчик!
Бедный глупый зайчик…

(Думал, станешь
старше, и все?)

Кем бы ты ни был, где бы ты ни был —
в любой стране —
стоит ресницам чуть приоткрыться
в тревожном сне —
в горло мертвою хваткой
верткий вцепится страх…

Здравствуй, мальчик с пальчик…

2002

На рассвете

в оранжевом тумане фонарей
за стеклами ночных автомобилей
мы — тени на поверхности вещей,
которые мы знали и любили

мы расстаем на рассвете
мы расстаем на рассвете

в отверстия расширенных зрачков
вбирая километры и минуты,
оставим за собою отзвук слов,
поспешно адресованных кому-то

2002

* * *

ненависть ходит в темных очках
по улицам города, словно шпион,
заглядывает в окна,
заходит в дома
пытается проникнуть в каждый твой сон

твой мозг парализован после трудного дня:
навязчивые действия, пустые дела,
часть механизма,
белка в колесе —
тебя легко заменить, ведь ты такой же как все

тебе не убежать, не раствориться в толпе.
мы всегда точно знаем, с кем ты и где
ты — точка на экране,
пульсирующий датчик
так было всегда и не может быть иначе

2002

Серийный кошмар

каждую ночь я вижу
один и тот же сон,
больше похожий на сцену
из второсортного голливудского боевика
я открываю глаза в темной комнате
рядом с непонятным устройством,
на экране которого мелькают цифры
в руках у меня два провода —
красный и синий —
и я знаю,
что должен перерезать
один из них…

стоит ошибиться — и я уже никогда не проснусь

до сих пор
я еще не ошибся ни разу
я всегда перерезал правильный провод,
но утром мне не удавалось вспомнить,
какого он цвета

2002

Дезертир

легко на свете тем, чьи руки в крови
ненависть гораздо практичней любви
главное знать, кто твой друг, кто твой враг
когда не знаешь, как думать — не думай никак

солдаты информационной войны,
мы видим телевизионные сны
за каждым долларом — шекель,
за каждым евро — риал
лишь умирая, ты выходишь в реал

я не хочу быть ни на чьей стороне,
я не хочу убить тебя по чьей-то вине
возьми себе твой умирающий мир
мой командир, я твой дезертир,
я — дезертир

легко на свете тем, кто верит словам,
когда едино, что Адам, что Саддам

главное знать, почем дают и берут

2002

Ноль

улицы в лицах красавиц и люди без лиц
ты — единица в потоке других единиц
ты согласился играть до конца эту роль
съемки кончаются — ты превращаешься

в нОООООООоль
нОООООООоль
кто был никем — тот стал ничем —
в итоге — ноль

сколько готов этот мир заплатить за тебя?
сколько ты сможешь прожить, никого не любя?
ты разучился испытывать радость и боль
кончен обратный отсчет, и на счетчике

нОООООООоль
в нОООООООоль
кто был никем — тот стал ничем —
в итоге — ноль

2002

* * *

вчера я понял,
с каким типом людей
я сталкиваюсь все чаще и чаще —
умный
ограниченный
человек

не позднее 2003

Рэббит-рэп

из многих видов спорта
для упертых
лучше всех — бег на месте:
и первый и последний всегда
приходят к финишу вместе
бегали весь день-деньской,
отдышались, поели
сами не заметили, как снова очутились у цели,
то есть в постели
чем ленивей душа,
тем лучше бегает тело,
а появятся дети —
они продолжат наше дело

да здравствует движенье во имя размноженья!
пусть славится свобода на продолженье рода!

в любое время года
идут соревнования —
двадцать четыре часа в сутки
с перерывами на сон и прием питания
кто-то несется вприпрыжку,
кто-то чинно переставляет лапы,
кто-то просто делает вид,
что бежит,
но результат одинаков:
нет побежденных,
и для обиженных,
и для зависти просто нет темы,
ну а если кто-то просто взял
и не выдюжил,
так это его проблемы

2003

* * *

они легко могли выбраться из этой тюрьмы:
достаточно было одному встать на плечи другого,
и дотянуться пальцами до края стены,
и вылезти наверх, и вытащить наружу второго,
но никто не хотел оказаться внизу,
никто не верил, что другой
не забудет протянуть ему руку, оказавшись на воле
а утром за ними пришли и расстреляли обоих

2003

Капля

я капля влаги на морском песке:
растаю я, мечтая в море влиться
под солнцем жарким сохну я в тоске,
но страшно капле в море раствориться
я пена, позабытая волной,
я гибну под ударами прибоя
приди и напои меня водой,
но дай остаться мне самой собою

горечь соли
на губах моих
море боли
делим на двоих

ты следом за луной уходишь вновь,
пустынный пляж становится все шире,
но смерть пугает меньше, чем любовь,
того, кто потерялся в этом мире

2003

Небо рыб

рыбы в аквариуме
догадываются,
что мир не кончается стеклом
там, за стеклом —
небо рыб
они мечтают о нем
и верят,
что попадут туда
после смерти

я рыбий бог:
включаю и выключаю
рыбье солнце,
корм насущный
подаю им днесь,
не ввожу их во искушение,
но избавляю от лукавого

возможно,
некоторые из рыб
отрицают мое существование,
другие же
закрывают глаза,
шепчут мантры
и пытаются слиться со мной
в мистическом экстазе

глупые рыбы!
мне нет дела до ваших сомнений,
и я не слышу ваших молитв
если же я забываю вас покормить,
то вовсе не потому что вы не вспоминали обо мне,
а просто потому что я забыл о вас

в конце концов
у меня — свой аквариум,
свое небо,
свой Бог
и те же проблемы

2003

Подводная

лечу
камнем с высоты
в омут темноты
на дне…
хочу
страх, печаль и боль
бросить, словно соль
волне и на время
забыть свое имя

иду ко дну
с концами в воду,
соленую,
голодную
найду на дне
себе свободу,
холодную,
подводную

2003

Боль

ты можешь жить в поролоновом мире,
где нет переломов, ушибов и злости,
я все равно буду биться о стены,
кромсая вены, ломая кости

ты можешь делать серьезные деньги
и заниматься значительным делом,
если за мной сохраняется право
распоряжаться собственным телом

я выбираю боль

2003

* * *

от невыносимости жизни,
от вони протухшего Бога
из подвала соседней церкви,
от потока мегабайт,
бомбардирующих сетчатку
и барабанные перепонки,
люди однажды возьмут и начнут взрываться

в метро, на работе, посреди супермаркета —
в тележурналах жертвы, кровь, разрушения

сначала подумают на террористов,
покажут нам очередное исчадие ада
с бородою ветхозаветного пророка,
спецслужбы будут делать умные лица

но люди будут продолжать взрываться
в зале заседаний ООН, в салоне красоты,
в гей-клубе, на складе нефтепродуктов

всю планету охватит паника,
каждый будет подозрительно коситься на соседа,
перед тем как превратиться
в облако дыма
и осколков костей,
похожих на колотый сахар

УЛИЦЫ ГОРОДОВ ОПУСТЕЛИ!

СТРАЖИ ПОРЯДКА ПРЯЧУТСЯ В УРНЫ
ПРИ ВИДЕ ДРУГ ДРУГА!!
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТ ПАРАЛИЗОВАН!!!
ВСТРЕЧИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ
ОТМЕНЯЮТСЯ!!!!

рано или поздно люди берут
и взрываются

не позднее 2004

Тысяча дверей

Тысячи дверей, но за каждой стена,
Тысячи людей повторяют слова:
«Там хорошо, где нас нет»
Но где это место?

Тысячи людей, и каждый мой брат —
Каин или Авель — откуда мне знать?
Люди устали шептать…
Где это место?

Если б я знал, где это место,
Я бы уже там был,
Если б я знал, где это место,
Я бы уже там жил.
Но буду ли это я,
Или это будет кто-то
Вместо меня —
Кто знает?

Если бы только Бог мне подал знак,
Я бы тогда смог волю сжать в кулак,
Сделать первый решительный шаг,
Что ведет в неизвестность.

Я — уже не я, а тот, кто вместо меня,
Пришел сюда, чтоб посмотреть на себя —
Потому что мы там, где нас уже нет…

не позднее 2004

* * *

может быть,
никто из мертвых
до сих пор не вернулся назад
потому, что жизнь
гораздо страшнее смерти?

* * *

ты смотришь на луну
и понимаешь,
что над тобою в небе
висит огромный камень

* * *

внезапно автомобили
стали прозрачными, как воздух
тысячи людей
в сидячих позах
несутся над асфальтом,
нажимая на невидимые педали

2004

* * *

не стану скрывать —
мне нравятся революции
охотно признаюсь —
мое любимое божество —
Шива, Разрушитель Миров

(я видел его однажды
во время кислотного трипа
в черно-оранжевом небе,
жонглирующего черепами вселенных)

мне противны те, кто цепляются
за утлые остовы
человеческих иллюзий —
социальное положение, нацию,
расу, империю, церковь, так называемые
незыблемые научные истины
или семейные ценности

в конце концов, они, разумеется,
все равно побеждают

(хотя часть из них гибнет,
рассеченная сверкающей ваджрой,
новые выползают из земли,
словно черви после дождя)

однако тот волшебный миг,
когда они корчатся в ужасе
в потревоженной навозной куче!

как жаль, что за короткую
человеческую жизнь
такое можно увидеть
от силы два-три раза

2004

* * *

деньги — это фантики
от будущих конфет:
фантиков можно напечатать сколько угодно —
конфет все равно на всех не хватит

с перекошенными лицами,
с хитрыми улыбками,
с идиотскими ухмылками
они едут менять свои фантики
на другие фантики,
вкладывать фантики в предприятия
по производству фантиков,
приобретать фантики,
которые приносят в год по четырнадцать
новых
фантиков

вцепившись костлявыми пальцами
в груду фантиков,
раскрыв беззубые рты
в предсмертном крике,
встретят неумолимый взгляд

Творца Миров,
Господина Вечности

2004

Куклы

мы пластмассовые куклы,
мокнущие в бензиновых лужах на асфальте:
слипшиеся волосы,
кровоточащие пальцы.

нас выбросили — мы вышли из моды.
каждую секунду рождается новая кукла.
на всех нас просто не хватит места.

подняться снова почти невозможно,
особенно если ты — пластмассовая кукла
со слипшимися волосами.

но может помойка — это и есть Врата Рая?

2004

Dolls

we are no more than plastic dolls
broken shapes on wet macadam
ragged hair
bleeding fingers

now we are garbage
now we are useless
every moment a new doll is born
this world is too crowded
to fit them all

you cannot get high
however you try
they won't let you in
the gates of paradise are closed

2004

* * *

Какое первое слово
приходит на ум, когда просыпаешься?
Чаще всего это — «я»,
гораздо реже — «ты»,
почти никогда — «мы».
Этим о нас сказано все
или почти все.

2004

Прямо по курсу

мир — море огромное, синее,
а мы — параллельные линии,
но за горизонтом, случается,
линии пересекаются

туда, где наш Остров правильный,
судьба нас с тобой направила
за все, что мы вместе вынесли,
нас волны на берег вынесли

прямо по курсу — наша любовь,
прямо по курсу — надежда ждет,
прямо по курсу — солнце встает:
день начинается вновь
прямо по курсу…
прямо по курсу…

мы были наивными, славными
и делали все не по правилам,
порой ошибались и падали,
но волны наш курс исправили

и вот мы стоим на пристани,
корабль уходит в плаванье
для вас у нас все закончилось
для нас — только начинается

и все, кто с пути сбиваются,
на Острове том встречаются

2005

* * *

уходили по горным тропам
темной безлунной ночью
вершины Кавказа
чернели во мраке,
словно погасшие угли
колючие звезды
казались гвоздями,
вбитыми в смуглое тело героя

глаза опустив,
крались тихо, как воры
обычные люди — купцы, мореходы,
ремесленники
и даже пара-другая поэтов
и философов
из тех, что ведут себя разумно
и приняты в приличном обществе

разошлись по домам,
смыли кровь с ладоней
и, подсев к очагам,
у которых грелись
женщины и дети,
подбрасывали хворосту в пламя
и рассказывали страшную новость:
«Боги покарали Прометея,
укравшего огонь с неба!»

не позднее 2006

Вогульские духи

в детстве
я часто уходил в лес
общаться с духами

древние вогульские духи,
истомившиеся от безмолвия,
закрывали глаза на то,
что я не был шаманом

сотни лет без собеседника —
это — знаете ли — не всякий вынесет
при таком дефиците общения
заговоришь и с маленьким мальчиком
в очках, перемотанных изолентой

в звоне комариных крыльев
я различал слова на незнакомом,
но понятном языке
обхватив руками
холодный камень,
оставленный растаявшим ледником,
я вслушивался в звуки песен,
которые духи пели мне,
запоминал их,
чтобы сделать своими

духи пели:
«пойди в гордый город
с высокими башнями,
полный белых мертвых
усталых людей,
убивших наших шаманов,

притворись одним из них
и отомсти за нас,

чтобы их духам
стало некому петь песни»

я стою у окна,
гордый город, разморенный жарой,
еще верит в то, что он жив,
но время наступит,
и лоси выйдут из леса
и будут бродить по растрескавшемуся асфальту,
недоверчиво принюхиваясь к запаху
ржавой стали и разлагающейся плоти

2006

Наполняя ванну

если каждое рождение — сотворение мира,
и каждая смерть — апокалипсис,
стоит ли спорить о сроках и временах,
стоит ли толковать знамения?

сколько ни сравнивай
мучения строителя пирамид
и повседневную скуку обитателя офиса —
строитель пирамид не сидел за
жидкокристаллическим монитором Samsung,
а корпоративный работник не стонал
под бичом надсмотрщика

похоже, мы пена, в которой один пузырек
лопается, уступая место десятку новых,
возможно, вселенные рождаются
и гибнут у нас на глазах,
подчиняясь, в сущности, тем же законам

и для того, кто любуется на этот процесс, наблюдая
за пеной для душа,
рождающей радугу под струею из крана,
значение имеет только преломление в нас
исходящих из источника света лучей —
приблизительно то, что индусы когда-то
назвали нирваной

не позднее 2006

Полиция реальности

иногда
встречаешь на летней улице
девушку без пупка
или слышишь отчетливо
разговор на незнакомом языке
в соседней комнате,
где никого нет,
или выходишь ночью на кухню
попить воды
и видишь высоко в небе
медленно летящего ангела

несмотря на все принимаемые меры,
в работе Полиции Реальности
до сих пор случаются накладки

2006

Два бога

только богатые
и нищие
молят Бога
дать им то,
чего у них нет
большинство людей
просят Его
не отнимать у них
то, что есть
расхождение
этих двух позиций
столь велико,
что впору спросить,
идет ли речь
в первом и втором
случаях
об одном и том же
Боге?

2006

Death is a freeze frame

endless self-developing reel of time
is finally torn
we watch the gap grows
edges of space rough & razor-sharp
reveal the Nothingness
exceeding ev'ry word
utterable or conceivable
History is a blockbuster with no sequel attached
Death is a freeze frame

не позднее 2006

Комментарии

Даты написания даны в подписях к стихотворениям. Некоторые даты весьма условны и еще ждут своего уточнения. В нижеследующем комментарии сделан акцент на те тексты, которые легли в основу песен, также помечены первопубликации. Пояснены полузабытые реалии свердловской рок-н-рольной жизни, дан перевод иноязычных выражений. Составители не стали специально помечать тексты, которые впервые публикуются в настоящем собрании.

(2006–2007)

Раздел содержит четыре поздних стихотворения Ильи Кормильцева, которые публикаторы сочли столь важными, что вынесли их в начало книги.

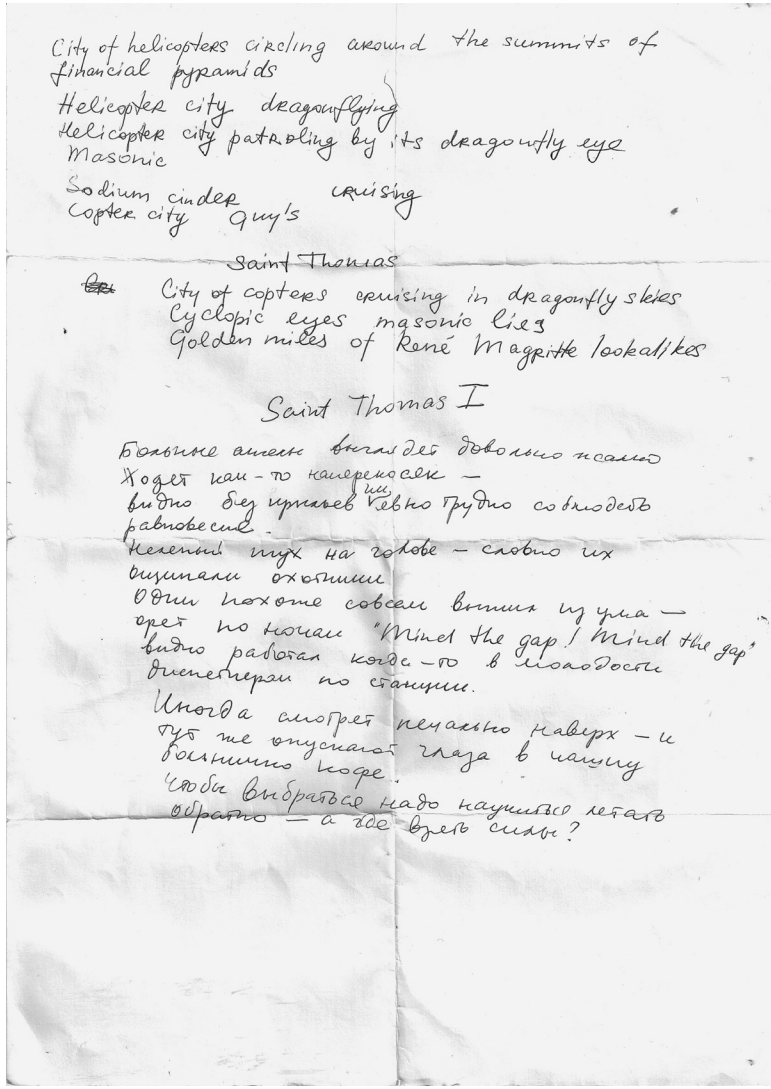
«City of copters cruising in dragonfly skies»
Перевод стихотворения: «Город вертолетов, курсирующих в стрекозьем небе, пучки пирамид, увенчанных циклопическими глазными яблоками, квадратные мили масонских лжей, место, напоминающее картины Рене Магритта» (англ.).

«Saint Thomas I»
Лондонская больница, известная с 12 века. Первоначально была освящена в честь св. Томаса Бекета, позже в честь апостола Фомы.
«Mind the gap!»
«Осторожно, щель!» — предупреждение, звучащее в лондонской «подземке» на старых станциях.

Лето огнедышащее (1974–1980)

Все тексты этого цикла публикуются впервые, если не указано иное.

«Три сна»
«носящей гордое несуществующее имя Веритас»
Веритас — истина (лат.).


City of helicopters circling around the summits of financial pyramids
Helicopter city dragonflying
Helicopter city patrolling by its dragonfly eye
Masonic
Sodium cinder cruising
Copter city guy's

Saint Thomas

City of copters cruising in dragonfly skies
Cyclopic eyes masonic lies
Golden miles of René Magritte lookalikes

Saint Thomas I

Больные ангел выглядел довольно плохо
Ходил как-то накренясь —
видно без пружин (ни) чевью трудно сохранять
равновесие.
Нелепый пух на голове — словно их
ощипали охотники
Один похоже совсем выжил из ума —
орет по ночам "Mind the gap! Mind the gap"
видно работал когда-то в молодости
диспетчером на станции.
Иногда смотрит печально наверх — и
тут же опускает глаза в чашку
больничного кофе.
Чтобы выбраться надо научиться летать
обратно — а где взять силы?

Автограф стихотворения «Saint Thomas I»

«На крыше флюгер, ученик Кратила»

Кратил — греческий философ-досократик, учивший о крайней текучести бытия. Известно его высказывание о том, что в одну и ту же реку нельзя войти даже и один раз.

«И мир кончается не всхлипом, а ничем»

Парафраз строк поэмы Т. Элиота «Полые люди»: «Так пришел конец вселенной, / Да не с громом, а со всхлипом!» (пер. Н. Берберовой).

«принимая форму высшего, вы далеки от Атмана»

Атман — Высшее Я (Радикальный Субъект) в метафизике индуизма.

«Часы, похожие на луковицу глаза»

Часы Судного дня (англ. Doomsday Clock), показывающие условное время, оставшееся до глобального ядерного конфликта.

«Пусть оно будет подобно вознесению Илии»

Согласно библейскому преданию, пророк Илия был взят на небо живым в «огненной колеснице».

«Чекасин»

Эпиграмма на В. Н. Чекасина, мэтра свердловского джаза.

«Ессе Homo»

«Вот человек» (лат.) — слова Понтия Пилата о Христе (Иоан. 19:4-5).

«Мой пупок — это фикция. Еще не разрезана...»

«Как Нью-Йорк моментально без света остался»

Массовое отключение электроснабжения г. Нью-Йорка произошло в ночь с 13 на 14 июля 1977 г. и сопровождалось массовыми грабежами и поджогами.

«Шарлатаны»

medicinae — средства (лат.).

sal mirabilis — чудодейственная соль (лат.).

«Теплый день»

«Кладбищенские парочки, целуясь»

Кладбище, упомянутое здесь и в других стихах — еврейско-лютеранский погост во Втузгородке (г. Свердловск), где еще в конце 1970-х гг. стояли склепы и надгробья. Использовалось автором для уединения, поэтических и эротических медитаций.

«Арго, развевай паруса тополей!»

«Мы уходим в Эвксинский Понт»

Понтос Эвксинос (греч. Гостеприимное горе) — античное название Черного моря.

«Но когда берега Колхиды»

Колхида — поэтическое наименование побережной Грузии и Абхазии.

«В трех стенах»

«Как Франциск проповедую сумрачным рыбам»

Св. Франциск Ассизский проповедовал птицам.

«Стихи для огненнокрылого пса»

Текст впервые опубликован в журнале «Урал» № 1 за 1988 г., однако написан гораздо раньше.

«И оросим кусты в невидимом саду»

Невидимый сад или Пардес — аллегория четырех уровней понимания текста в Каббале.

«чем эта высохшая скорлупа?»

Скорлупы или клипот в метафизике Каббалы — покинутые светом Духа фрагменты реальности, обреченные на жалкое существование в качестве демонических форм.

«и мы вернемся от Элеазара»

Имеется в виду рабби Элеазар из Вормса (1176–1238), средневековый еврейский каббалист, создатель гримуаров.

«Возвращение»

«между futurum и plusquamperfectum»

Между будущим и предпрошедшим (лат.).

«Косари»

«Кто вложит шибболет в цветущие уста»

Шибболет (евр. колос) — библейское выражение, в переносном смысле обозначающее характерную речевую особенность, по которой можно опознать группу людей (в частности, этническую).

«Ложе»

«заплетая ноги в косу Лилит»

Лилит (от евр. лилит — ночница, неясыть; род совы) — персонифицированный дух ночи и «первая жена» Адама в еврейской «высокой» мифологии, также суккуб в еврейской народной мифологии.

«Царь Муший, сам Бель-Зибаб»

Баал-Зебуб, Вельзевул и т.д. (букв. Господин жужжащих) — в семитской мифологии божество-повелитель полудня, болезней и мух. Христиане считали его князем ада.

«Рано или поздно ты обнаружишь»

«Once again you must hit the road»

«И снова в дорогу» (англ.) — цитата из блюза Рэя Чарльза.

«Чеснок»

Этот энигматичный текст станет более понятен читателю после ознакомления с эссе Е. В. Головина «Чеснок».

«Ангелы в форточке»

Danza de flores — «Цветочный танец» (исп.).

Love labour's lost — «Бесплодные усилия любви» (англ.), также название комедии У. Шекспира.

Morrison's Song — песня Моррисона (англ.).

Baila, mi hermana (pasada segunda) — «Танцуй, моя сестра» (выход второй) (исп.).

«Бижутерный дождь»

«И через год, назад вернувшись, обнаружил,
Что умерли все те, кого я знал.»

См. «Остров Абалон».

«Прикосновение к запястью»

«Закладывай быков, Дидона!»

Дидона — легендарная основательница Карфагена, для постройки которого она купила столько земли, «сколько может покрыть воловья шкура». Дидона изрезала шкуру на ремешки и обняла ею целую гору, на которой был воздвигнут акрополь Карфагена.

Ритуал тавромахии или жертвоприношения быка, широко известный в древнем Средиземноморье, производился в день зимнего солнцестояния.

«незастолбленной Бонанцы». Бонанца — здесь то же, что Дикий Запад — неосвоенная территория, сулящая прибыль.

«Засохшие деревья январских ночей»

«Переходя Березину огней,
Закутался в свой плащ экс-император Сердце»

Березина — река, в которой тонули войска Наполеона при отступлении из России в 1812 г.

Физиология звукозаписи (1980–1991)

Все тексты цикла публикуются впервые, если не указано иное.

«Я не знаю, где была эта улица..»

Текст найден в блокнотах первой жены Ильи, Светланы. Написан в 1980 г.

«Движение к оцепенению»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Первоначально песня называлась «День рождения». Ее слова стали первым текстом Ильи Кормильцева, сочиненным для рок-группы. Дневниковая запись Александра Пантыкина от 11 декабря 1980 г.: «Работа с Ильей Кормильцевым над “Днем рождения”». Получилось довольно славно». Впервые песня исполнена 28 декабря 1980 г. на первом концерте «Урфина Джюса» в клубе Уральского университета. Песня записана не была.

«Пожиратель»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Был написан на уже готовую мелодию Александра Пантыкина. Дневниковая запись Пантыкина от 25 декабря 1980 г.: «В течение вечера шла работа с Ильей. Закончили текст “Пожирателя”». Впервые песня исполнена 28 декабря 1980 г. на первом концерте «Урфина Джюса» в клубе Уральского университета. Записана в июне 1981 г. для альбома «Путешествие» (1981). Песня упоминалась в разгромной статье Александра Нефедова «Недавно я услышал где-то» («Собеседник», № 40, 1984): «Действительность, предстающая перед нами в песнях «Урфина Джюса» настолько перевернута и искажена, что впору задаться вопросом, а стоит ли вообще создавать такое как, скажем, «Город объедков» — именно так называется один из альбомов ансамбля».

«Путешествие»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Судя по дневнику Александра Пантыкина, окончательный вариант текста был написан совместно им и Кормильцевым между 18 и 21 декабря 1980 г. Впервые песня исполнена 28 декабря 1980 г. на первом концерте «Урфина Джюса» в клубе Уральского университета. Песня записана в июне 1981 г. для альбома «Путешествие» (1981). Строфа из этой песни была процитирована

в материале Александра Щуплова «Кому нечего сказать, тот громче всех кричит». («Литературная Россия», 7 сентября 1984 г.). Это были первые напечатанные строки Ильи Кормильцева.

Являясь, по видимости, аллегорией на эмиграцию внешнюю и внутреннюю, кроме того, этот текст (как и весь альбом «Путешествие» и часть текстов альбома «15») перекликается с сюжетом фантастической повести уральского писателя Семена Слепынина «Звездные берега» (1974), затрагивающей проблематику трансгуманизма.

Полный текст публикуется впервые.

«На белом дирижабле, похожем на свинью»

Отсылка к обложке альбома «Animals» (1977) британской рок-группы «Pink Floyd».

«Шумящий мир»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Судя по дневнику Александра Пантыкина, окончательный вариант текста был написан между 24 и 28 декабря 1980 г. Впервые песня исполнена 28 декабря 1980 г. на первом концерте «Урфина Джюса» в клубе Уральского университета. Записана в июне 1981 г. для альбома «Путешествие» (1981).

«Последний день воды»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Согласно дневнику Александра Пантыкина, окончательный вариант был написан между 18 и 21 декабря 1980 г. Сохранился рукописный вариант текста, значительно отличающийся от окончательной версии. Впервые песня исполнена 28 декабря 1980 г. на концерте «Урфина Джюса» в клубе Уральского университета. Записана в июне 1981 г. для альбома «Путешествие» (1981).

«Кукла»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Согласно дневнику Александра Пантыкина, окончательный вариант был написан между 25 и 28 декабря 1980 г. Впервые песня исполнена 28 декабря 1980 г. на концерте «Урфина Джюса» в клубе Уральского университета. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

«Живые и мертвые»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Дневниковая запись Александра Пантыкина от 26 декабря 1980 г.: «Илья принес текст “Живых и мертвых”. Задумка в целом интересна». Впервые песня исполнена

28 декабря 1980 г. на первом концерте «Урфина Джюса» в клубе Уральского университета. Песня записана не была.

«451°F»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Дневниковая запись Александра Пантыкина от 14 августа 1981 г.: «Приехал Илья! С утра писал-дописывал. “На всякий пожарный случай”. Почти закончил».

По воспоминаниям Егора Белкина, эта песня — один из примеров кормильцевского «эзопова языка»: «Чтобы не запретили, придумывали такие странные экивоки, как «451 градус по Фаренгейту». Ребенку понятно, что Брэдбери тут ни при чем, а имеются в виду наши власти. Эта песня о подавлении инакомыслия, о стремлении привести всех к общему знаменателю, а тех, кто не приводится, отправить в цугундер — чистая антисоветчина. Брэдбери считался в СССР прогрессивным писателем, и нам с Илюшей пришла в голову гениальная идея: если уж в тексте упоминаются пожарные, растаскивающие горящий череп, сам бог велит нам назвать песню так, чтобы комсомольцы-добровольцы не могли к ней прикопаться. Так мы им и втерли» (цит. по книге Дмитрия Карасюка «История свердловского рока 1961–1991. От “Эльмашевских битлов” до “Смысловых галлюцинаций”». Екатеринбург, 2016).

Впервые песня исполнена 10 октября 1981 г. в ДК «Автомобилист» на дне первокурсника Свердловского архитектурного института. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982). Упоминается в статье Игоря Дубровкина «Джинн из магнитофона» («На Смену!», 6 июля 1985): «Слушаю более поздние композиции — “451 градус по Фаренгейту”. Монотонный, однообразный “хэви-металл”, сплошная эклектика и в инструментальных импровизациях, и в вокальном исполнении. Откровенная беспомощность текстов…».

Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Мир на стене»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Дневниковая запись Александра Пантыкина от 22 марта 1981 г.: «“Мир на стене”… наводит на ощущение стиля… Это характерно и для текстов Ильи». Впервые песня исполнена 29 октября 1981 г. на концерте в горно-металлургическом техникуме Свердловска. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

Пляс-дю-Конкорд — Площадь Согласия в центре Парижа.

Майами-бич — пляж в Майами.

Сансет-бульвар — улица в Голливуде, Лос-Анджелес.

Гиндза — район в Токио, знаменитый своими люксовыми магазинами.

Йеллоу-Крик — природный парк в Пенсильвании.

Сан-Тропе — курорт на юге Франции.

Карнеги-Холл — концертный зал Нью-Йорке.

«Лишняя деталь»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Судя по дневнику Александра Пантыкина, текст был сочинен 15 октября 1981 г. Впервые песня исполнена 29 октября 1981 г. на концерте в горно-металлургическом техникуме Свердловска. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

«Человек наподобие ветра»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранилась рукопись, датированная 3 августа 1981 г. Как говорил сам Кормильцев, стихи посвящены его старшему школьному товарищу Алексею Трущеву, оказавшему на него большое влияние и погибшему во время службы в армии. Впервые исполнена 10 октября 1981 г. в ДК «Автомобилист» на дне первокурсника Свердловского архитектурного института. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

«Homo Superior»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Судя по дневниковой записи Александра Пантыкина от 29 августа 1981 г., он сочинил музыку на уже готовый текст: «Написал любопытную песню “Homo superior”. Это маршеобразная музыка со словами, высмеивающими “слишком большого человека”». Впервые песня исполнена 10 октября 1981 г. в ДК «Автомобилист» на дне первокурсника Свердловского архитектурного института. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

Homo Superior — высший человек (лат.).

«Призрачный гость»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Дневниковая запись Александра Пантыкина от 3 апреля 1981 г.: «Илья принес первый вариант “Призрачного гостя”. Половину (вторую) забраковали. А вот начало (с доработками) в жилу». Впервые песня исполнена 29 октября 1981 г. на концерте в горно-металлургическом техникуме Свердловска. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

«Мышь»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранился машинописный вариант, датированный 4 июля 1981 г. Впервые песня исполнена 29 октября 1981 г. на концерте в горно-металлургическом техникуме Свердловска. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Актер в черно-белой ленте»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Дневниковая запись Александра Пантыкина от 6 сентября 1981 г.: «Я и Илья вдвоем… переключились на "Актера в черно-белой ленте" и дописали 2-ю часть. Теперь эта вещь закончена полностью». Впервые песня исполнена 10 октября 1981 г. в ДК «Автомобилист» на дне первокурсника Свердловского архитектурного института. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

«Ты слишком неподвижен»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Запись Александра Пантыкина от 22 марта 1981 г.: «Я написал музон на текст, который мне дал Илья. Пока условное название "Ты слишком неподвижен"». Впервые песня исполнена 29 октября 1981 г. на концерте в горно-металлургическом техникуме Свердловска. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

«Пропасть»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранился машинописный вариант, датированный 5 сентября 1981 г. Дневниковая запись Александра Пантыкина от 19 сентября 1981 г.: «Мы принялись за "Пропасть". Добили ее. Теперь все в порядке». Впервые песня исполнена 29 октября 1981 г. на концерте в горно-металлургическом техникуме Свердловска. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

«Тупик»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Судя по дневнику Александра Пантыкина, написан между серединой августа и 10 сентября 1981 г. Впервые песня исполнена 10 октября 1981 г. в ДК «Автомобилист» на дне первокурсника Свердловского архитектурного института. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

«Автомобиль без управления»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Написан весной 1981 г., скорее всего в первых числах апреля. Александр Пантыкин 20 июля написал мелодию на готовый текст, ранние варианты которого назывались «Автострада любви» и «Хочу». Впоследствии, в процессе репетиций текст подвергся значительной правке музыкантами «Урфина Джюса». Песня записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982). «*Lady Double Dealer*» — песня группы «Deep Purple» с альбома «Stormbringer» (1974).

«*Lady Luck*» — песня группы «Evolution» с альбома «Journey» (1979).

«Размышления компьютера о любви»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Судя по дневникам Александра Пантыкина, работа над песней началась 3 октября 1981 г. Записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982). Кавер-версия этой песни исполнялась группой «Агата Кристи» на 4-м фестивале Свердловского рок-клуба 14 октября 1989 г. Еще одна версия записана группой «Настя» для альбома «Танец на цыпочках» (1994).

Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Другая сторона холма»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранилась рукопись, датированная 22 июня 1981 г. Александр Пантыкин сочинил музыку на уже готовый текст 29 июля 1981 г. Песня записана весной 1982 г. для альбома «15» (1982).

Послание «западному миру». Кормильцевский образ холма — символический парафраз расхожего выражения «за бугром», постепенно обросший мифологическими аллюзиями.

«*Раковая опухоль меня встретит…*»

Нельзя не признать, что мы имеем здесь дело с редким случаем т.н. самосбывающегося пророчества поэта о себе самом.

«Чего это стоило мне»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранилась рукопись, датированная 19 сентября 1981 г. Как вспоминает Александр Пантыкин: «Илюша принес текст песни "Чего это стоило мне", и настойчивым, но тихим голосом произнес слова: "Это должна быть пронзительная песня в стиле хард-рока". Я кивнул в знак согласия, и когда через несколько дней он услышал непонятную смесь "Реквиема" Моцарта и "Темной ночи" Богословского, он перестал со мной разговаривать и исчез в неизвестном направлении, не отвечая на звонки и не подавая признаков жизни. Тогда я подумал, что больше совместных песен

у нас не будет. Через месяц он появился, как взъерошенный воробей, и, не поднимая глаз, сверля дырки в полу, сквозь зубы процедил: “Ладно, пусть будет такой вариант, но это в последний раз”. Этих последних разов было много».

Впервые песня исполнена 10 октября 1981 г. в ДК «Автомобилист» на дне первокурсника Свердловского архитектурного института. Песня не была записана в студии. Выпущена в 1996 г. на сборнике «5 минут неба» в зальной версии 1986 г.

«Мегаломания»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Дневниковая запись Александра Пантыкина от 29 апреля 1981 г.: «Я и Илья работали над “Мегаломанией”. Закончили ее!» Вариант песни использовался в саундтреке короткометражного фильма режиссера Олега Раковича «Пассажир», снимавшегося осенью 1982 г. Песня записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984).

«Контакт»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранился план совместной работы Александра Пантыкина и Ильи Кормильцева, датированный 2-й половиной 1983 г., в котором упоминается «Контакт». Впервые песня исполнена 8 февраля 1984 г. на фестивале в Волгограде. Записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984). Песня была использована в киножурнале «Советский Урал» № 13 за 1986 г. (режиссер Алексей Балабанов), став первым произведением Кормильцева, прозвучавшим с большого экрана.

«Музей мадам Тюссо»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранился машинописный вариант, датированный 15 июля 1983 г. Впервые песня исполнена 11 января 1986 г. на концерте в институте Уралтехэнерго в Свердловске. Записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984).

«Гнилое золото»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984). Первоначально четвертый куплет выглядел так:

Читая книгу жизни, ты искала лишь картинки в ней
Ты пропускала текст с улыбкою

Как будешь ты удивлена, когда сорвутся планы и станет
Вся твоя душа открытой раной
Сама стремилась обладать, лишь тем, что блещет
В тебе хотели видеть вещь — ты стала вещью.

«Соблюдай дистанцию!»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Одержимый скоростью»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранилась рукопись, датированная 26 апреля 1983 г.: один из первых вариантов, называвшийся «Скорость». 9 мая, после изменений второго куплета, текст приобрел окончательный вид и название.

Впервые песня исполнена 22 марта 1986 г. в МКЦ в Казани. Записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984). Первоначальный вариант второго куплета выглядел так:

Кажется, что нет счастливее тебя
Человека на земле.
Кажется, что страх почти преодолел
Ты в себе.
И сейчас, когда мне очень тяжело
В этом сложном мире жить,
Собственную слабость я хочу тогда
Победить.

«Физиология звукозаписи»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранилась машинописная копия, представленная на утверждение музыкантами группы 13 мая 1983 г. Впервые песня исполнена 1 июня 1985 г. на концерте в Челябинске неполным составом «Урфин Джюса». Записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

Первоначальный вариант трех последних строк выглядел так:

Но средь сотен, потерявших свой курс
Кто-то, вздрогнув, вдруг услышит сквозь гомон
Твой пульс.

«Полный круг»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Впервые исполнена 1 июня 1985 г. на концерте в Челябинске неполным составом группы. Записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984).

«Жизнь в стиле heavy metal»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Сохранился машинописный текст, датированный 16 мая 1983 г. Впервые песня исполнена 1 июня 1985 г. на концерте в Челябинске неполным составом группы. Записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984). Не вошедший в окончательную версию куплет выглядел так:

К чему ты стремился,
Чего ты желал —
Об этом ты даже и вспомнить не смеешь.
Ты лез в западню, о которой ты знал,
Но ты не жалеешь.

«Карающий ангел»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Первое и единственное исполнение — 21 июня 1986 г. на концерте в рамках 1-го фестиваля Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Песня была записана осенью 1984 г. для альбома «Жизнь в стиле heavy metal», но в окончательную версию так и не вошла.

«Новый год»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня была написана Кормильцевым и Егором Белкиным специально для новогодней телепрограммы студенческой самодеятельности Свердловского областного телевидения, показанной 30 декабря 1983 г. За тексты двух песен в этой программе («Новый год» и «Снежная пыль») Кормильцев получил первый в своей жизни гонорар — 22 рубля. В 2007 г. Настя Полева записала кавер-версию этой песни для собственного видеоклипа.

«Снежная пыль»

Текст песни группы «Наутилус». Первый опыт сотрудничества Кормильцева и Вячеслава Бутусова, которые написали песню для новогодней телепрограммы Свердловского областного телевидения (показана 30 декабря 1983 г.; о гонораре см. выше).

«Фотофобия»

Текст для нереализованной песни группы «Урфин Джюс». Сохранились машинописный текст, датированный 18 июля 1983 г., и план совместной работы Александра Пантыкина и Ильи Кормильцева, датированный 2-й половиной 1983 г., в котором упоминается «Фотофобия». Сохранился вариант последнего куплета, который выглядел так:

Глаза закрывая руками,
Ты теряешь рассвет.
За руки взявшись с друзьями,
Ты встречаешь рассвет.

«Протезы души»

Текст для нереализованной песни группы «Урфин Джюс» (упоминается в плане совместной работы Пантыкина и Кормильцева на 2-ю половину 1983 г.).

«Стоп-кадр»

Текст для песни группы «Урфин Джюс». Песня упоминается в плане совместной работы Пантыкина и Кормильцева на 2-ю половину 1983 г. Была записана для альбома «Жизнь в стиле heavy metal» (1984), но по настоянию Кормильцева, в окончательную версию альбома не попала.

«Прокрустово ложе»

Текст для нереализованной песни группы «Урфин Джюс» (упоминается в плане совместной работы Пантыкина и Кормильцева на 2-ю половину 1983 г.).

«Хорошие фильмы»

Текст для нереализованной песни группы «Урфин Джюс» (упоминается в плане совместной работы Пантыкина и Кормильцева на 2-ю половину 1983 г.).

«Кого разбудит эта песня»

Текст для нереализованной песни группы «Урфин Джюс» (упоминается в плане совместной работы Пантыкина и Кормильцева на 2-ю половину 1983 г.).

«Наблюдатель»

Текст для нереализованной песни группы «Урфин Джюс» (упоминается в плане совместной работы Пантыкина и Кормильцева на 2-ю половину 1983 г.).

«Коллекционер»

Текст для нереализованной песни группы «Урфин Джюс» (упоминается в плане совместной работы Пантыкина и Кормильцева на 2-ю половину 1983 г.). В процессе работы текст претерпел значительные изменения.

«Рикки-Тикки-Тави»

Текст для нереализованной песни группы «Урфин Джюс» (упоминается в плане совместной работы Пантыкина и Кормильцева на 2-ю половину 1983 г.). Песню планировали включить в четвертый альбом «Урфина Джюса», который так и не был записан.

«Эрекция»

Текст для нереализованной песни группы «Урфин Джюс» (упоминается в плане совместной работы Пантыкина и Кормильцева на 2-ю половину 1983 г.).

«Угоден всем, но не себе»

Сохранилась рукопись, датированная 19 сентября 1983 г.

«Я и мой друг»

Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Этой ночью машины в гараж не вернутся назад»

Сохранилась рукопись стихотворения, датированная 1 января 1984 г.

«Автоэпитафия»

Сохранились две рукописи стихотворения, датированные 5 и 6 января 1984 г.

«Кто я»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Вячеслав Бутусов вспоминает: «Илья сначала давал нам литературные экзерсисы, которые он писал для себя. Он дал нам такой совершенно конструктивистский текст, который был вне всяких размеров, понятно было, что из него так просто песню сделать было невозможно. Нельзя сказать, что получился рэп, такого в те времена понятия не было, просто человек декламирует, с утрированными интонациями. Илье понравилось, что мы

так, по-архитектурному, подошли к этому тексту. Его потрясло, что мы с пиететом к нему отнеслись, ни буковки не попросили убрать. Илью это зацепило, и мы легко договорились: он дает нам тексты в свободной стилистике, а мы не диктуем, о чем должна быть песня, в каком размере, в каком темпе и так далее!» Записана для альбома «Невидимка». Первое исполнение 1 июня 1986 г. на концерте в Челябинске.

Первый полностью опубликованный текст Кормильцева: издан в мае 1986 г. в самиздатовском журнале «Свердловское рок-обозрение» в статье Андрея Матвеева «Странный моллюск».

«Удачное приобретение»

Стихотворение написано в 1-й половине августа 1984 г. под впечатлением от приобретения японской портастудии «Sony», средства на которую Кормильцев собрал, заложив в ломбарде золотые украшения всей семьи и назанимав денег у знакомых.

«Скованные одной цепью»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Вспоминает Леонид Порохня: «в 1984 Илья Кормильцев в пижаме сидел по ночам в подъезде — дома ему курить не позволялось — и писал на кусочках бумаги тексты… Автор этих заметок тогда, холодной черненковской зимой, прочитал два и с полной уверенностью сказал: “Илья, тебя посадят…” В ответ Илья улыбался, но невесело, он никогда не был героем. Тексты назывались “Скованные одной цепью” и “Метод Станиславского”. Впоследствии оба перешли к Бутусову, и летом 1986 один стал песней. Второй потерялся» (цит. по: Александр Кушнир, Леонид Порохня «Nautilus Pompilius», Москва, 2007). Название и рефрен текста совпадают с советским прокатным названием американского фильма «The Defiant Ones» (1958). Песня впервые исполнена 14 марта 1987 г. на концерте в честь дня рождения свердловского рок-клуба в ДК Свердлова. Записана в июле 1986 г. для альбома «Разлука». Песню долго не разрешали исполнять. Худсовет рок-клуба отказывался литовать этот текст. В результате альбом «Разлука» в Свердловске распространялся без этой песни, хотя по всей стране разошелся в полном виде. «В отдельных случаях Бутусов сознательно менял текст в соответствии с текущим моментом или своим отношением к конкретным строчкам: например, в оригинальных кормильцевских стихах песни “Скованные” — “За красным восходом — коричневый закат”. Бутусов считал, что “розовый закат” выразительнее. В таком варианте песня и приобрела

популярность, но в 1990 г., вероятно, в связи с соответствующими изменениями в советском обществе, на концертах иногда звучала первоначальная версия. В песне “Скованные” запрещению подверглась одна строчка: “Здесь сброшены орлы ради бройлерных куриц”. Вот этих “бройлерных куриц” и нельзя было упоминать на концертах. Потому в концертном альбоме “НАУсибирск” (апрель 1987) после начала “Здесь сброшены орлы” следует трогательное молчание. Но уже днем позже во время следующего выступления в том же Новосибирске фраза была пропета полностью и с тех пор исполнялась всегда» (цит. по: Николай Мейнерт, «Группа “Наутилус Помпилиус”», Таллин, 1991). Кавер-версия записана группой «Машина времени» для трибьюта «Нау Бум» (2008). Текст впервые опубликован в самиздатовском журнале «Марока» № 1, май 1987 г.

«Около радио»

Текст песни для альбома «Около Радио», подписанного «Егор Белкин / Илья Кормильцев». По воспоминаниям Белкина, тексты всех песен для этого проекта Кормильцев сочинил весной 1985 г. на уже написанную музыку. «Вся экспозиция “Около радио” — это сугубо дело Ильи. У меня не было мысли увязывать весь альбом единой концепцией через какую-то одну песню. Я думал, это будет блок песен, и какой-то общей идеей формально я закреплять не хотел. Илья предложил песню про радио, мы ее много раз переделывали, убавляли, прибавляли, потом решили все-таки включить в альбом» (интервью Егора Белкина, «Свердловское рок-обозрение» № 2, август 1986).

Альбом «Около радио» был записан летом 1985 г. Впервые песня исполнена 22 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова.

«Видеокассета»

Текст песни для альбома «Около Радио», подписанного «Егор Белкин / Илья Кормильцев». О сочинении текста и записи альбома см. выше («Около радио»). Впервые песня исполнена 22 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова.

«Необходимость выжить (Выход)»

Текст песни для альбома «Около Радио», подписанного «Егор Белкин / Илья Кормильцев». О сочинении текста и записи альбома см. выше («Около радио»). Впервые песня исполнена 22 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова.

«Такая простая песня»

Текст песни для альбома «Около Радио», подписанного «Егор Белкин / Илья Кормильцев». О сочинении текста и записи альбома см. выше («Около радио»). Впервые песня исполнена 22 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова.

«Братство по ветру»

Текст песни для альбома «Около Радио», подписанного «Егор Белкин / Илья Кормильцев». О сочинении текста и записи альбома см. выше («Около радио»). Впервые песня исполнена 22 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова.

Песня с чуть измененным текстом записана группой «Настя» для сборника «Гербарий» (2000) под названием «Ветер».

«Технологичный брак»

Текст песни для альбома «Около Радио», подписанного «Егор Белкин / Илья Кормильцев». О сочинении текста и записи альбома см. выше («Около радио»). Впервые песня исполнена 22 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова.

«Банановая республика»

Текст песни для альбома «Около Радио», подписанного «Егор Белкин / Илья Кормильцев». О сочинении текста и записи альбома см. выше («Около радио»). Впервые песня исполнена 22 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. На концертах вместо строчки «Брат в Афганистане», не прошедшей цензуру, исполнялись другие слова.

«Соня любит Петю»

Текст песни для альбома «Около Радио», подписанного «Егор Белкин / Илья Кормильцев». О сочинении текста и записи альбома см. выше («Около радио»). Впервые песня исполнена 22 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Песню раскритиковала в газете «Собеседник» (№ 48, 1986) свердловский бард Раиса Абельская: «Вот что поют, например в свердловской рок-мастерской: девочка повесила на стену портрет кинозвезды… Что интересно — руководители рок-групп, как правило, люди грамотные, с высшим образованием. А подделываются под подростковое сознание». Кавер-версию этой песни записала группа «Чайф» для альбома «Симпатии» (2000). Песня является официальным гимном фестиваля «Старый новый рок».

«Ритм»

Текст песни для альбома «Около Радио», подписанного «Егор Белкин / Илья Кормильцев». О сочинении текста и записи альбома см. выше («Около радио»). Впервые песня исполнена 22 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова.

«Отцы и дети»

Текст песни группы «Коктейль». По воспоминаниям Виктора Резникова, текст был написан Кормильцевым на уже готовую музыку. Впервые песня исполнена 21 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Песня записана не была.

«Покажи мне путь»

Текст песни группы «Коктейль». По воспоминаниям Виктора Резникова, текст был написан Кормильцевым на уже готовую музыку. Впервые песня исполнена 21 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Песня записана не была.

«Возвращение»

Текст песни группы «Коктейль». По воспоминаниям Виктора Резникова, текст был написан Кормильцевым на уже готовую музыку. Песня записана не была.

«Ариадна»

Текст песни группы «Настя». По воспоминаниям Насти Полевой, написан в 1985 г. Песня впервые исполнена 21 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Записана в 1987 г. для альбома «Тацу» (1987). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Одиссей»

Текст песни группы «Настя». По воспоминаниям Насти Полевой, написан в 1985 г. Песня впервые исполнена 21 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Песня записана в 1987 г. для альбома «Тацу» (1987).

«Тацу»

Текст песни группы «Настя». По воспоминаниям Насти Полевой, написан в 1985 г. «Настины пробные записи были напеты на “псевдоанглийском” языке, и некоторые фонемы подсказали Кормильцеву тематику песен. Например, на одной из “рыб” Настя под какую-то ориентальную мелодию пела просто «мацу-мацу». Полиглот Кормильцев уловил созвучие с японским словом ‘Тацу” (дракон)» (цит. по: Дмитрий Карасюк, «Свердловская рок-энциклопедия. Ритм, который мы», Екатеринбург, 2016).

Сюжет песни основан на известных случаях, когда отдельные военнослужащие японской армии продолжали сопротивление на отдаленных островах Тихого океана и отказывались сложить оружие даже десятилетия спустя после окончания Второй мировой войны.

Песня впервые исполнена 21 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Записана в 1987 г. для альбома «Тацу» (1987).

Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Юный воин Ямато»

Ямато (букв. Великая гармония) — древнее самоназвание Японии.

«Tazu, Tazu, army’s gone! War is over!
Tazu, Tazu, your emperor surrended!
Leave your rocks, gun-unloaded!»
«Тацу, Тацу, армия ушла! Война окончена! Тацу, Тацу, твой император сдался! Бросай оружие и слезай со скалы!» (англ.).

万歳帝が勝つ «Banzai, Mikado wa katsu!»
«Ура! Десять тысяч лет жизни Императору! Император победит!» (яп.). Боевой клич японских солдат.
万歳軍隊は強い «Banzai, Untai wa tsuyoi!»
«Ура! Наша армия сильна!» (яп.). Боевой клич японских солдат.

«Ночные братья»

Текст песни группы «Настя». По воспоминаниям Насти Полевой, написан в 1985 г. Песня впервые исполнена 21 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Записана в 1987 г. для альбома «Тацу» (1987). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Вниз по течению неба»

Текст песни группы «Настя». По воспоминаниям Насти Полевой, написан в 1985 г. Песня впервые исполнена 21 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Песня записана

в 1987 г. для альбома «Тацу» (1987). Первая публикация: «Группа “Настя”. Вниз по течению неба», Москва, 2001.

«Когти»

Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Каждый вдох»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус», записанный в октябре 1985 г. для невышедшего альбома «359 градусов обстрела».

«Открытые пространства»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Первое и единственное исполнение — 21 июня 1986 г. на концерте в рамках 1-го фестиваля Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Песня предназначалась для 4-го альбома «УД», который так и не был записан. Первая половина 1980-х.

«Менингит»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня была записана в апреле 1989 г. для альбома «5 минут неба».

«Заколдованный бор»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня была записана в апреле 1989 г. для альбома «5 минут неба». Первоначально первые строки последнего куплета выглядели так:

Судьи разводят костер
Мчат к своим плахам в ночи

В сюжете песни описаны ритуалы и атрибутика так называемых фемических судов (Vehmgericht) — системы тайных судебных обществ в Германии 12—14 вв.

«День»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Записана в апреле 1989 г. для альбома «5 минут неба».

«Пять минут неба»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня была записана в апреле 1989 г. для альбома «5 минут неба».

«Запоздалый поезд»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня была записана в апреле 1989 г. для альбома «5 минут неба».

«Режь меня»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня была записана в апреле 1989 г. для альбома «5 минут неба». В процессе создания песни текст подвергся правке.

«Девочки с розовыми глазами»

Песня была записана в апреле 1989 г. для альбома «Пять минут неба», но в окончательную версию не вошла.

«Плебейка»

Песня на этот текст (со значительными искажениями) была записана в 1986 г. сибирской группой «Глубокий Тылъ» для альбома «Декрет о рок-н-ролле» (1986). Первая публикация: журнал «Комсомольская жизнь», 1989, № 1.

«Альтернативная песня в защиту лысых»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня исполнялась группой «Урфин Джюс» («Проект Александра Пантыкина») на концертах в период 1989–1990 гг., но записана не была.

«Сирота»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня исполнялась группой «Урфин Джюс» («Проект Александра Пантыкина») на концертах в период 1989–1990 гг., но записана не была.

«В тени звука»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня исполнялась группой «Урфин Джюс» («Проект Александра Пантыкина») на концертах в период 1989–1990 гг., но записана не была.

«Панцирная кровать»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня исполнялась группой «Урфин Джюс» («Проект Александра Пантыкина») на концертах в период 1989–1990 гг., но записана не была.

«Следы на песке»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня исполнялась группой «Урфин Джюс» («Проект Александра Пантыкина») на концертах в период 1989–1990 гг., но записана не была.

«Очевидно, это она (Полтергейст)»

Единственный пример текста Кормильцева, на который практически одновременно сочинили музыку сразу две группы. «Урфин Джюс»

(«Проект Александра Пантыкина») исполнял «Полтергейст» (с несколько измененным текстом) на концертах в период 1989–1990 гг., но записана эта композиция не была. Группа «Внуки Энгельса» записала свой «Полтергейст» в 1990 г. для альбома «Без адреса» (1990).

«Пылающая улица»

Текст песни группы «Урфин Джюс». Песня исполнялась группой «Урфин Джюс» («Проект Александра Пантыкина») на концертах в период 1989–1990 гг., но записана не была. Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Клипсо-калипсо»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Впервые песня прозвучала 1 июня 1985 г. на концерте в Челябинске. На сцене исполнялась Настей Полевой, которая тогда сотрудничала с «Наутилус Помпилиус». В 1986 г. песню иногда пел сам Бутусов. Позже вошла в репертуар группы «Настя» и была записана в 1987 г. для альбома «Тацу». Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Взгляд с экрана»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Является вольным переводом песни «Robert De Niro's Waiting» группы «Bananarama», записанной в феврале 1984. По воспоминаниям барабанщика «Урфина Джюса» Владимира Назимова, «Кормильцев предлагал его Пантыкину — тот отказался». В оригинальном тексте Кормильцева строчка из припева звучала как «Ален Делон не пьет тройной одеколон». «Наутилус Помпилиус» впервые исполнил песню 1 июня 1985 г. на концерте в Челябинске. Позднее была записана в двух версиях. Первый вариант, записанный в конце 1985 г. для незаконченного альбома «359 градусов обстрела», сохранился в саундтреке короткометражного фильма Алексея Балабанова «Раньше было другое время». Вторая версия записана в июле 1986 г. для альбома «Разлука» (1986). Кавер-версия записана группой «Воплі Відоплясова» в переводе на французский язык для трибьюта «Нау Бум» (2008). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Наша семья»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Впервые исполнена 11 января 1986 г. на концерте в «Уралтехэнерго». Записана в июле 1986 г. для альбома «Разлука». Первая публикация: газета «Семья», № 42, 1988.

«Прогулки по воде»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Машинописная копия сохранилась в архиве Александра Пантыкина, что позволяет датировать текст 1-й половиной 1980-х гг. Из интервью Вячеслава Бутусова: «Илья Кормильцев, предложивший первоначальный текст песни, помимо того, что очень талантливый, еще и очень работоспособный человек. Он раз в неделю приносил мне большие кипы стихов. Я не успевал все эти тексты перерабатывать. Из ста его текстов я выбрал один, который хорошо ложился на мою музыку. Текст мне очень нравился в художественном плане — он был без бытовухи и без социума, красивый и романтический. Я его все-таки чуть-чуть подогнал под музыку, так и получилась эта композиция… Легенда о религиозности ошибочна. Песня вовсе не прямое цитирование библейской темы. Это скорее притча общечеловеческого характера» (газета «Московский комсомолец», 12 января 1993 г.). Песня первоначально записана в 1990 г. для альбома «Наугад», но в его окончательную версию не вошла. Переписана в 1991–1992 гг. для альбома «Чужая земля» (1992). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Труби, Гавриил»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Машинописная копия сохранилась в архиве Александра Пантыкина, что позволяет датировать текст 1-й половиной 1980-х гг. Записана в 1994–1996 гг. и издана на сборнике «Атлантида» (1997). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Погребение проклятого»

Пародия на стихотворение Шарля Бодлера «Погребение проклятого поэта», в переводе Иннокентия Анненского.

«Остров Абалон»

Абалон — так в рукописном тексте. В современной транскрипции Авалон — Острова Блаженных, букв. Яблочное имение (кельт. Эмайн аблах) — место из кельтских мифов, где иначе течет время и находят прибежище герои, заживо взятые с поля битвы богиней Морриган («феей Морганой»).

«Эта музыка будет вечной»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Песня впервые исполнена 21 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК

Свердлова. Записана в июле 1986 г. для альбома «Разлука» (1986). Кавер-версия записана Альбертом Потапкиным в 1992 г. для трибьюта «Наутилуса Помпилиуса» «Отчет» (1993). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Казанова»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Как вспоминает президент Свердловского рок-клуба Николай Грахов, Кормильцев рассказывал ему, что написал этот текст в начале 1986 г. в Ревде, где работал переводчиком у итальянцев, устанавливавших новую линию на местном кирпичном заводе. «Ревдинские девушки гроздьями вешались на итальянских рабочих, и тема Казановы возникла сама собой». Впервые исполнена 5 октября 1986 г. на концерте в честь открытия 1-го сезона рок-клуба в ДК Свердлова. Записана в июле 1986 г. для альбома «Разлука» (1986). Первая публикация: газета «Семья», № 42, 1988.

«Под прицелом твоих окон»

Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Паркет»

Первая публикация: газета «Семья», № 42, 1988.

«Рвать ткань»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». «В процессе литовки пришлось заменить “непроходимое” окончание строки “Когда дети приводят блядей” на слово “людей”. В студийном оригинале песни “Рвать ткань” (альбом “Разлука”, 1986) в строчке “Дети приводят людей” следует несколько иное, гораздо менее приличное, но более логичное окончание. Как правило, все концертные исполнения включали “цензурный” вариант» (цит. по: Николай Мейнерт, «Группа “Наутилус Помпилиус”», Таллин, 1991). Записана в июле 1986 г. для альбома «Разлука». Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«В каждой клетке зверь»

Текст написан под впечатлением от посещения Свердловского зоопарка, в котором друг Кормильцева писатель Андрей Матвеев работал сторожем.

«Всего лишь быть»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Впервые исполнена 21 июня 1986 г. на 1-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК им. Свердлова. Записана в июле 1986 г. для альбома «Разлука». Кавер-версия записана группой «Ассоциация» в 1992 г. для трибьюта «Наутилуса Помпилиуса» «Отчет» (1993). Кавер-версия записана группой «Торба-на-Круче» для трибьюта «Нау Бум» (2008). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«77-й “Akai”»

Японский катушечный магнитофон Akai GX-77 HI-FI класса, модель 1981 г., в 1980-е гг. в СССР стоивший шесть средних месячных зарплат.

«Я хочу быть с тобой»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». «Информация на конверте пластинки “Князь Тишины” по поводу песни “Я хочу быть с тобой” (Бутусов-Кормильцев, Бутусов) — не совсем точная. Стихи написаны Кормильцевым полностью, а реальное участие Бутусова — он “сложил” песню из двух разных текстов Кормильцева (куплет из одного стихотворения, припев — из другого» (цит. по: Николай Мейнерт, «Группа “Наутилус Помпилиус”», Таллин, 1991). По воспоминаниям литературного критика Евгения Зашихина, в подаренном ему Кормильцевым автографе местоимение «Ты» было написано с большой буквы. Подразумевалось, что герой обращается не к женщине, а к Богу. Песня впервые исполнена 11 апреля 1987 г. на фестивале в Новосибирске. Записана весной 1988 г. для альбома «Князь тишины» (1989). Две кавер-версии записаны Алексеем Могилевским и Лорой, а также группой «Аквариум» в 1992 г. для трибьюта «Наутилуса Помпилиуса» «Отчет» (1993). Первая публикация в самиздатовском журнале «Марока», № 1, май 1987 г.

«Падал теплый снег»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Впервые исполнена 11 апреля 1987 г. на фестивале в Новосибирске. Записана в 1990 г. для альбома «Наугад» (1994). Кавер-версии записаны группой «Апрельский марш» в 1992 г. для трибьюта «Наутилуса Помпилиуса» «Отчет» (1993) и группой «Смысловые галлюцинации» для «Нау Бум» (2008).

Сюжет подсказан Кормильцеву ходившими по Свердловску слухами о любовниках, которые покончили жизнь самоубийством, запершись в гараже и включив мотор автомобиля. Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Ни кому ни кабельность»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Впервые исполнена 31 мая 1987 г. на 2-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК УЗТМ. Песня студийно записана не была. Выпущена в концертном альбоме «Ни кому ни кабельность» (1994) в версии, исполненной в 1988 г. в Москве. Кавер-версия записана группой «Настя», включена в состав песни «Летучий фрегат» в 1992 г. для трибьюта «Наутилуса Помпилиуса» «Отчет» (1993). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Доктор твоего тела»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Первое исполнение 19 сентября 1987 г. в Подольске. Песня записана весной 1988 г. для альбома «Князь тишины» (1989). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Ворота, откуда я вышел»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Исполнялась на концертах в 1988 г. «Несмотря на явный эротический контекст многих текстов Кормильцева, границу приличий группа, как правило, не переходила. По крайней мере, внешне. И все же во время исполнения на концертах песни “Ворота, из которых я вышел” некоторые возмущенные мамы демонстративно уводили своих детей-подростков» (цит. по: Николай Мейнерт, «Группа “Наутилус Помпилиус”», Таллин, 1991). Песня студийно записана не была. Выпущена в концертном альбоме «Отбой» (1993), в версии, исполненной в 1988 г. в Москве. Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Стриптиз»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана весной 1988 г. для альбома «Князь тишины» (1989). Кавер-версия записана группой «Ундервуд» для трибьюта «Нау Бум» (2008). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Улитка»

Текст песни группы «Настя». По воспоминаниям Насти Полевой, текст написан Кормильцевым на готовую мелодию в период подготовки альбома «Тацу». Впервые исполнена 30 мая 1987 г. на 2-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК УЗТМ. Записана в 1987 г. для альбома «Тацу» (1987). Первая публикация: Илья Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Вверх улитка ползет вплоть до самых высот, вверх по склону Фудзи»

Цитата из хайку японского поэта Кобаяси Исса (1763—1828).

«Цунами»

Текст песни группы «Настя». Две последних строфы написаны Алексеем Могилевским. По его воспоминаниям, «На одной из репетиций Насти перед (или во время уже) записью “Тацу” Белкин посетовал, что Илья придумал очень неудобные для пропевания строчки — “трусов всех труд в секунду смыт набежавшей волной одной”, и в ряду морских змеев и прочей нечисти упоминались “скаты, спруты”, что тоже вызывало у Егора не лучший ассоциативный ряд: “ссаты-сруты”, что за, блин, лажа”? Я практически не думая и сказал, да спой ты “карточный дом” заместо “трусов всех труд” и “слева-справа” заместо “скаты-спруты”, смысла это не меняет практически, а артикуляционные проблемы сходят на ноль. Ну и спели. Кормильцева где-то не было, так и отпели на запись. А потом он сильно недоволен был и чуть ли не требовал перепеть». Песня впервые исполнена 30 мая 1987 г. на 2-м фестивале Свердловского рок-клуба в ДК УЗТМ. Записана в 1987 г. для альбома «Тацу» (1987). По настоянию Насти Полевой на изданиях альбома в качестве авторов текста указаны Кормильцев и Могилевский.

«Город братской любви»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Исполнялась на концертах в 1988 г. Записана в 1990 г. для альбома «Наугад» (1994). Выпущена в концертном альбоме «Отбой» (1993) в версии, исполненной в 1988 г. в Москве. Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Мой брат Каин»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Исполнялась на концертах в 1988 г. На концертах Вячеслав Бутусов вместо второй строки пел «защищал там детей Пророка». Песня студийно записана не была. Выпущена в концертном альбоме «Отбой» (1993) в версии, исполненной в 1988 г. в Москве. Первая публикация текста под названием «Брат мой Каин»: газета «Семья», № 52, 1988.

«Чужой»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Исполнялась на концертах в 1988 г. Студийно записана не была. Выпущена в концертном альбоме «Отбой» (1993) в версии, исполненной в 1988 г. в Москве. Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Бриллиантовые дороги»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Исполнялась на концертах в 1988 г. Записана в 1989 г. для альбома «Человек без имени» (1995). Кавер-версию записал Владимир Осинский для трибьюта «Отчет» (1993). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Музыка на песке»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1989 г. для альбома «Человек без имени» (1995). Впервые исполнена 17 марта 1990 г. на концерте в честь дня рождения Свердловского рок-клуба во Дворце молодежи. Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Черный парус»

Текст песни группы «Настя». По воспоминаниям Насти Полевой, Кормильцев писал стихи на готовую музыку в период подготовки альбома «Ноа Ноа». Впервые исполнена 14 октября 1988 г. на 3-м фестивале Свердловского рок-клуба во Дворце молодежи. Записана на альбоме «Ноа Ноа» (1989).

«Вотан, Вотан»

Вотан — немецкий вариант имени скандинавского верховного бога Одина.

«Будет золото муравьев»

Отсылка к античному преданию, изложенному Геродотом в «Истории»: в пустыне в Индии водились муравьи размером с лисицу, роющие норы в золотоносных песках. Основой для предания могли послужить сурки.

«Боксер»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1989 г. для альбома «Человек без имени» (1995). Версия текста песни, вошедшей в альбом, написана при участии Марины Аникиной. В настоящем издании публикуется авторский вариант. Первая публикация: газета «Московский автортанспортник», 2–8 февраля 1989 г.

«Красные листья»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1989 г. для альбома «Человек без имени» (1995). Версия текста песни, вошедшей в альбом, написана при участии Марины Аникиной. Как вспоминает Дмитрий Умецкий, изначально программа «Человек без имени» рассматривалась как саундтрек к планируемому одноименному фильму: «Алена Аникина по нашей просьбе создала сюжетную конструкцию фильма. Новые стихи Ильи легли в нее идеально, но потребовались еще несколько номеров, совсем не подходящих для концертного исполнения. А вот саундтрек без них не клеился. В результате пришлось сделать то, что называется зонгами. Необходимые корректировки текстов “Боксера” и “Красных листьев” делала Алена. Илья всегда с пониманием относился к вмешательству в текст при работе в кино». Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Люди»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1989 г. для альбома «Человек без имени» (1995). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«(Как) Падший ангел»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1989 г. для альбома «Человек без имени» (1995). Впервые исполнена 17 марта 1990 г. на концерте в честь дня рождения Свердловского рок-клуба во Дворце молодежи. Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Звездные мальчики»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1989 г. для альбома «Человек без имени» (1995). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Человек без имени»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1989 г. для альбома «Человек без имени» (1995). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Иван Человеков»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1991–1992 гг. для альбома «Чужая земля» (1992). Первая публикация: газета «Семья», № 42, 1988.

«Чужая земля»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1991–1992 гг. для альбома «Чужая земля» (1992). Первая публикация: газета «Семья», № 42, 1988.

«Новая любовь»

Текст песни группы «Внуки Энгельса». Записана в 1990 г. для альбома «Без адреса» (1990). Первая публикация: газета «Московский автортранспортник», 2–8 февраля 1989.

«Она ждет любви»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1990 г. для альбома «Человек без имени» (1991). Первая публикация текста под названием «Ждущая»: журнал «Комсомольская жизнь», № 1, 1989.

«Умершие во сне»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1994–1996 гг. и издана на сборнике «Атлантида» (1997). Первая публикация: журнал «Комсомольская жизнь», № 1, 1989.

«Колеса»

Текст песни группы «Настя». По воспоминаниям Насти Полевой, Кормильцев писал стихи на готовую музыку в период подготовки альбома «Ноа Ноа». Записана на альбоме «Ноа Ноа» (1989).

«Ленивые огни»

Текст песни группы «Настя». По воспоминаниям Насти Полевой, Кормильцев писал стихи на готовую музыку в период подготовки альбома «Ноа Ноа». Записана на альбоме «Ноа Ноа» (1989). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Письма к римским друзьям»

Первая публикация цикла: журнал «МИКС», № 1, 1990.

Сатурнов век — эпоха благоденствия и счастья, золотой век в Древнем Риме.

Сарматия — в Риме так называли Восточную Европу.

Ирида — богиня радуги в мифах древней Греции.

«Когда с Лицинией на ложе узком в истоме...»

Стихотворение, по смыслу и текстуально примыкающее к циклу «Письма к римским друзьям».

Декурия — «совет десяти», разновидность военно-административного органа в Древнем Риме.

«Родившийся в эту ночь»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1990 г. для альбома «Человек без имени» (1991). Впервые исполнена 17 марта 1990 г. на концерте в честь дня рождения Свердловского рок-клуба во Дворце Молодежи. Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Последний человек на земле»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1990 г. для альбома «Человек без имени» (1991). Впервые исполнена 17 марта 1990 г. на концерте в честь дня рождения Свердловского рок-клуба во Дворце Молодежи. Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Джульетта»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1990 г. для альбома «Человек без имени» (1991). Впервые исполнена 17 марта 1990 г. на концерте в честь дня рождения Свердловского рок-клуба во Дворце Молодежи. Кавер-версия записана группой «Настя» для трибьюта «Нау Бум» (2008). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Черные птицы»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1990 г. для альбома «Человек без имени» (1991). Кавер-версию записал Олег «Tallboy» Карпачев для трибьюта «Нау Бум» (2008). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Монгольская степь»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Первоначально записана в 1990 г. для альбома «Наугад», но в его окончательную версию не вошла. Переписана в 1991–1992 гг. для альбома «Чужая земля»

(1992). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Эти реки»
Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Первоначально записана в 1990 г. для альбома «Наугад», но в его окончательную версию не вошла. Переписана в 1991–1992 гг. для альбома «Чужая земля» (1992). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Летучая мышь»
Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1991–1992 гг. для альбома «Чужая земля» (1992). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Морской змей»
Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1991–1992 гг. для альбома «Чужая земля» (1992). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Бесы»
Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1991–1992 гг. для альбома «Чужая земля» (1992). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Лунатики»
Текст песни группы «Внуки Энгельса». Записана в 1990 г. для альбома «Без адреса» (1990).

«Прозрачный поезд»
Текст песни группы «Внуки Энгельса». Записана в 1990 г. для альбома «Без адреса» (1990). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Параллельные линии»
Текст песни группы «Внуки Энгельса». Записана в 1990 г. для альбома «Без адреса» (1990).

«Твоя тень»
Текст песни группы «Внуки Энгельса». Записана в 1990 г. для альбома «Без адреса» (1990).

«За то, чего нет»
Текст песни группы «Внуки Энгельса». Записана в 1990 г. для альбома «Без адреса» (1990).

«Дни темноты»
Текст песни группы «Внуки Энгельса». Записана в 1990 г. для альбома «Без адреса» (1990).

«Утро Полины»
Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1993 г. для альбома «Титаник» (1994). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«20 000»
Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1993 г. для альбома «Титаник» (1994). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Бегущая вдаль»
Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1994–1996 гг. и издана на сборнике «Атлантида» (1997). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Христос»
Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Золотое пятно»
Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Песня записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Свежее утро»
Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Стеклянный дом»
Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Зов»

Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Марсельеза»

Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

«Мертвая мечта плохо пахнет»

Известен вариант текста под названием «Мертвые мечты дурно пахнут». Первая публикация: И. Кормильцев, «Скованные одной цепью», Москва, 1990.

Атлантида (1992–1996)

Все тексты цикла публикуются впервые, если не указано иное.

«Тутанхамон»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1993 г. для альбома «Титаник» (1994). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Титаник»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1993 г. для альбома «Титаник» (1994). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Негодяй и ангел»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1993 г. для альбома «Титаник» (1994). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Воздух»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1993 г. для альбома «Титаник» (1994). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Колеса любви»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1993 г. для альбома «Титаник» (1994). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Крылья»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Дыхание»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Железнодорожник»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Живая вода»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Кто еще..»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Небо и трава»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Клетка»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Жажда»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Человек на луне»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Одинокая птица»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1995 г. для альбома «Крылья» (1996). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Абсолютное белое»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1994–1996 гг. и издана на сборнике «Атлантида» (1997).

«Белая стена»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1994–1996 гг. и издана на сборнике «Атлантида» (1997).

«Заноза»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1994–1996 гг. и издана на сборнике «Атлантида» (1997).

«Матерь богов»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1994–1996 гг. и издана на сборнике «Атлантида» (1997). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Бедная птица»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1994–1996 гг. и издана на сборнике «Атлантида» (1997).

«Люди на холме»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Во время дождя»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Странники в ночи»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Сестры печали»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Три царя»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Девятый скотч»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Нежный вампир»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Большое сердце»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Атлантида»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Апельсиновый день»

Текст песни группы «Наутилус Помпилиус». Записана в 1996 г. для альбома «Яблокитай» (1997). Первая публикация: «Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение», Москва, 1997.

«Колесница свободы»
Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Золотой дирижабль»
Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Тяжелые времена»
Пауль фон Гинденбург — рейхспрезидент Германии в 1925—1934, пришедший к власти в результате всенародных демократических выборов и назначивший рейхсканцлером (главой правительства) Адольфа Гитлера.

«Дождь»
Текст песни для проекта «Чужие», не вошедшей в альбом «Подполье». Песня на музыку Олега Сакмарова записана группой «Сплин» и вошла в бутлег «Овертайм. Несуществующий альбом» (2009).

«Катерина»
Текст песни, прозвучавшей в 3-м сезоне сериала «Тайный знак» (2004) в исполнении Петра Маркина.

«Стеклянный ковчег»
Текст песни, записанной Александром Маракулиным, участником проекта «Чужие».

«Первобытная ночь только вверх глубока»
Хорасан — историческое название Восточного Ирана и Афганистана.

«Мертвые цветы»
Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Армия свободы»
Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Усталость»
Cheese — «сыр» (англ.).

Фармакология (1996–2000)

Все тексты данного цикла публикуются впервые, если не указано иное. Тексты легли в основу ряда любительских аудиозаписей, здесь не упомянутых.

«Городской партизан»
Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Viva la Revolución»
Текст песни студийного проекта «Чужие» (Илья Кормильцев, Олег Сакмаров, Алеся Маньковская и другие). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001).
Перевод названия — «Да здравствует революция!» (исп.).

«Свеча и муха»
Текст песни студийного проекта «Чужие» (см. выше). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001).

«Парашютист»
Текст песни проекта «Чужие» (см. выше). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001).

«Фармакология»
Текст песни проекта «Чужие» (см. выше). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Химическая женщина»
Текст песни проекта «Чужие» (см. выше). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001). С несколько видоизмененным текстом и под названием «Химический ангел» была включена в «параллельный» альбом Олега Сакмарова «Химический ангел» (2001).

«Comedown»
Текст песни проекта «Чужие» (см. выше). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001), но не вошла в финальную сборку альбома. Была включена в «параллельный» альбом Олега Сакмарова «Химический ангел» (2001). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

Перевод названия — «отходняк» (англ.).

«притворяясь кометой»

Комета Хейла — Боппа, наблюдаемая невооруженным глазом весной 1997 г.

«Не тащит»

Текст песни проекта «Чужие» (см. выше). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Станция»

Текст песни проекта «Чужие» (см. выше). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001).

«Сумочка»

Текст песни проекта «Чужие» (см. выше). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Не имеет значения»

Текст песни проекта «Чужие» (см. выше). Записана в 1998 г. для альбома «Подполье» (2001). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Время ускоряется»

Сверхзвуковой пассажирский авиалайнер «Concorde», популярный у бизнес-элиты. Снят с рейсов после катастрофы в 2000 г., унесшей жизни 113 человек. Один из символов технического прогресса и успеха во 2-й половине 20 века.

«Праздник Красной Смерти»

Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Колесо»

Текст песни группы «Томас». Записана в 2004 г. для альбома «Ягнята молчат» (2005).

«Шаг в пустоту»

Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Аленький цветочек»

Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«Ночная радуга»

Текст песни группы «Томас». Записана в 2002 г. для альбома «Командор» (2002). Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

Полиция реальности (2001–2007)

Все стихи данного цикла публикуются впервые, если не указано иное.

«Тайный знак»

Текст песни официального саундтрека сериала «Тайный знак» (2001). Исполняют группа «Томас» и Алеся Маньковская. Первая публикация: И. Кормильцев, «Никто из ниоткуда», Москва, 2006.

«El amor»

«Любовь» (исп.).

sin amor
la vida pierde el sabor
y la flor
no tiene más el olor
después de la alegría
sin falta viene el dolor
mas del dolor rinace un nuevo amor
nace un nuevo amor

«Без любви жизнь теряет вкус, и цветок не имеет запаха. После радости обязательно приходит боль. Новая любовь перерождается из боли, новая любовь рождается» (исп.).

«My only one»

«Моя единственная» (англ.).

«Я никогда не буду королем, ты никогда не будешь королевой, но кому до этого есть дело? Мы парим в небесах, с каждым моментом забираясь все выше, парим в воздухе. Хотя жизнь может быть трагичной, в любви все еще есть немного магии, если только попытаться. Моя единственная…

Океанские волны накатят и отступят, империи возвысятся и падут, не оставив и следа. Время течет сквозь мои пальцы, но в каждой песчинке я вижу твое лицо» (англ.).

«Выйди на связь»

Текст песни официального саундтрека фильма «Бегущая по волнам» (2007). Вспоминает Дмитрий Умецкий: «Работа над текстами проходила ранней весной и в начале лета 2004 г. Илья всегда с пониманием относился к вмешательству в текст при работе в кино. Наша совместная с ним работа над фильмом “Бегущая по волнам” ярчайшее тому доказательство. Ну не мог он или не хотел выполнять требования режиссера. В результате мне приходилось не просто корректировать текст, а дописывать целые куплеты. И никаких проблем у нас с Ильей по этому поводу не возникало».

«Тысяча дверей»

Текст песни саундтрека фильма «Бегущая по волнам» (2007).

Для этого фильма Кормильцев предложил еще два текста — «Талисман» и «Баллада о Золотой Цепи», однако первоначальные варианты не сохранились, а те, что имеются в наличии, подверглись серьезной переработке сторонними лицами. «Что-то менял в тексте Юра Чернавский. Не уверен… Но на всякий случай сообщаю о сомнениях» (Дмитрий Умецкий). Ниже приводятся некоторые строчки из этих текстов, восстановленные Умецким по памяти.

ТАЛИСМАН
Я ношу судьбу на черном шнурке,
Я судьбу сжимаю, словно птицу в руке.
И, казалось бы, чего там — только пальцы разжать,
Но судьба такое дело — от нее не сбежать.
Все длинней дорога, но короче шаги,
В небе каменная (черная?) птица нарезает круги.
Под защитой этих крыльев я бессмертен как бог,
Но бессмертье хуже смерти, если ты одинок..

БАЛЛАДА О ЗОЛОТОЙ ЦЕПИ
Я не помню, кто, я не помню, где,
Наяву ли, в бреду ли, в тревожном ли сне,
Мне нашептал рассказ о золотой змее,
Что лежит, свернувшись, на коралловом дне..

«Вогульские духи»

Вогулы — устаревшее название автохтонного народа манси, населяющего север Урала и Западной Сибири.

«Death is a freeze frame»

«Смерть — это стоп-кадр» (англ.).

«Бесконечная саморазматывающаяся пленка времени, наконец, порвана. Мы смотрим, как ширится разрыв. Твердые и острые, как бритва, лезвия пространства вскрывают Ничто, превыше всякого описания, произносимого или только мыслимого. История — это блокбастер, не подразумевающий сиквела. Смерть — это стоп-кадр» (англ.).

Юрий Казарин

Послесловие. Спички для снега

Поэт — это прежде всего путь: путь поэта и человека; путь духовный, нравственный, этико-эстетический, лингво-культурный, текстотворческий и в целом концептуально значимый. Илья Кормильцев — поэт. И в словесности, и в музыке, и в философии, и в миропонимании, и в жизни. Внешне он был похож на Николая Заболоцкого (ученый-поэт и поэт-ученый), всегда сосредоточенный, молчаливый (мы просидели с ним в одной аудитории военной кафедры несколько лет, завершившихся трехмесячной «напряженкой» военных лагерей: я был «командиром» взвода, в котором собирались все те, кто не математик, механик, журналист, историк или философ, — так сказать, остаточек, или осадок, филологического, химического и биологического факультета, — осадок человеков неординарных, странных, в общем-то заблудших в своих не совсем популярных специализациях и специальностях). Илья Кормильцев — это действительно поэт, напоминавший очкарика Заболоцкого, но Заболоцкого, шедшего всегда даже не поперек, а против времени — и социального, и народного, и государственного, что, в общем-то не помешало ни Николаю, ни Илье стать поэтами народными.

Илья Кормильцев как личность (и в антрополингвистическом, и в духовном, и в культурологическом аспекте) — феномен уникальный: поэт, вообще словесник, мыслитель, деятель и человек — он всегда сопротивлялся и противился неиссякаемой силе пошлости, давлению ортодоксального порядка и государственно-ритуальной мощи того, что принято называть

обществом, «советским народом» и «строителем» всего на свете. Однако И. Кормильцев, отрицая существующий порядок и положение людей и вещей, не стал абсолютным мироотрицателем и создателем хаоса — он являлся творцом иного космоса, — ультракосмоса, экстракосмоса, космоса не плоского и шарообразного, как все социальное, а космоса и мира вертикального, обоюдоострого, — направленного сразу и вверх, и вниз.

Поэзия Ильи Кормильцева, его стихотворения (или, как было принято говорить в 1980-х, — тексты), — это явление уникальное. И. Кормильцев создавал и поэтические тексты, и рок-поэтические тексты, и тексты песен, и тексты — зародыши рэпа, речитатива, поэтического и стихотворного нарратива, и микротексты — философемы («философоэмы») записочного, иногда мемуарного и дневникового характера. Генетика такого текстотворчества очень сложна и неоднородна. Поэт, несомненно, владел русской стихотворной традицией, но отстранялся от нее, сочиняя — изредка — правильные, регулярные, силлаботонические стихи — тексты песен. Если генезис поэтики Ильи Кормильцева очевиден и представляет собой движение от сложного — к простому, а от простого — к сверхсложному, которое, если вдуматься, есть сверхпростое, то генетически его поэтические, рок-поэтические и стихотворные тексты очевидно связаны прежде всего с англо-саксонской традицией рок-поэзии и поэзии рок-музыкантов. На мой взгляд (и многолетний опыт любителя рок-музыки), И. Кормильцеву ближе всего прочего были этико-эстетические и лингвокультурные сценарии поэтических и рок-поэтических текстов Дж. Моррисона, Боба Дилана и Дж. Леннона. Философские медитации Моррисона, прямоговорение Дилана и поэтическая парадоксальность Леннона в той или иной мере и степени, возможно, повлияли на становление поэтики, просодии и семантики стихотворений И. Кормильцева. Кроме того, несомненный интерес, как мне кажется, вызывали у И. Кормильцева тексты и стихи поэтов-битников (США, ср. поэзию Лоуренса Ферлингетти), а также «записных» песенных «тек-

стовиков», английских поэтов Берни Толина, Тима Райса и др. И. Кормильцев не был подражателем: просто система, структура и функции его мышления счастливо совпадали с системами мышления (музыка — смысл — образ, по Н. А. Заболоцкому) англо-американской, европейской и вообще мировой рок-поэтической культуры.

Поэтическое познание Ильи Кормильцева в общечеловеческом (и в космическом, и в трансгрессивном, и в этико-эстетическом) отношении — вполне традиционно и в процессуальном, и в методологическом плане: стихотворный текст есть результат поэтического познания *главных* предметов бытия (жизнь, смерть, любовь, душа, Дух, Бог, время, вечность, бесконечность и место, метаэмоции и метасмыслы онтологического масштаба и др.). Но: каузативно поэтическое сознание, мышление и способы выражения *главного (неназываемого)* были насыщены ментальным экстремизмом, мыслительной парадоксальностью, речемыслительной прямотой, абсолютной серьезностью тона и отсутствием социально-аксиологической (оценочность) интенции — боль как денотат и концепт, боль как состояние и действие, боль как таковая у И. Кормильцева не заменяла оценку, нет, — боль была и есть больше оценки, крупнее оценки. Илья Кормильцев вообще был крупнее человека (себя), крупнее жизни и крупнее судьбы. Замечу следующее: русская традиция поэтического познания и текстостроения уже есть — в самом русском языке. А И. Кормильцев писал по-русски (за редким исключением).

Ультра- и экстра-мышление всегда стремится к метамышлению, к метаобразности, к метасмыслам — т. е. к называнию метабытийного, или *невыразимого*. Не — к говорению об оном, а именно к называнию непознаваемого, ненарекаемого, неведомого.

Свод стихотворений (поэтических, песенных и рок-поэтических текстов) Ильи Кормильцева представляет собой пятикнижие, или, если воспользоваться музыковедческой терминологией, пятичастный концерт (огромный — Кончерто Гроссо)

с увертюрой из четырех стихотворений, которые одновременно выполняют функции эпилога и постскриптума («Поминки» и еще три стихотворения). Каждая из пяти частей имеет свое имя: Первая — «Лето огнедышащее (1974–1980)», где помещены стихотворения молодого поэта, ступающего, как ему кажется, в кипяток жизни и слова, а действительно оказывающегося в ледяной влаге начальных попыток поэтического познания: от кипятка до льда — один глоток; Вторая — «Физиология звукозаписи (1980–1991)», где поэтическое познание расширяется, усложняется и одновременно упрощается (песенность, повторы, редупликации и проч.); Третья — «Атлантида» (1992–1996), — здесь ирония и наивность, трезвый реализм и лиричность, где романтизм синтезируется и окончательно оформляются рок-символы, рок-иконы и рок-индексы в соответствии с видами любого значимого знака (в том числе и языкового): знак — индекс (называющий), знак иконический (изобразительный, образный) и знак — символ: например, любовь (индексация), Каренина и Мерилин (иконизация) и колеса любви (как символ триединства жизнилюбвисмерти); Четвертая — «Фармакология (1996–2000)», где песня первородна, как страх, где песня — сестра страха, а страх старше смерти, но песня и страх — близнецы, потому так и цепляет, трогает, дергает за рукав, за шарф, за сердце, за душу, за крылья; Пятая — «Полиция реальности (2001–2007)», книга зрелого поэта, научившегося отличать кипяток от ледяной воды, ложь от художественности, правду от истины, — разучившегося отделять смерть от жизни и любви.

Крепкая системность пятикнижия И. Кормильцева обеспечивается единством направленности поэтического познания, методом движения от фрагмента мира, сферы художественности и культуры — к частному (жизнь, смерть, любовь, бытие, Бог, время etc) посредством интенсификации поэтического («ультра»), но не экстенсификации его (как делает большинство поэтов, стихотворцев и рок-поэтов). Тем не менее поэтолект И. Кормильцева разнообразен и обширен: богатейший словарь, вольная грамматика, регулярная идиоматизация лек-

сики, словосочетаний и фраз («В комнате с белым потолком», «Я хочу быть с тобой», «Скованные одной цепью», «Ален Делон не пьет одеколон», «В этом городе женщин», «Гудбай, Америка, где я не буду никогда» и десятки других): И. Кормильцев обладал талантом таких идиомографов», как А. С. Грибоедов («Шел в комнату — попал в другую», А. С. Пушкин («На свете счастья нет»), М. Ю. Лермонтов («Где нам, дуракам, чай пить»), В. С. Высоцкий («А день, какой был день тогда? — Ах, да — среда»).

Ключевые образы, функционально-денотативные комплексы и концептуально значимые смыслы И. Кормильцев, как правило, выражает прямо, реже он использует образные номинации. Ключевые образы и смыслы, общие для всего пятикнижия, проясняют прежде всего интенциональные истоки поэтического познания, а также плоды такого познания. Вот они:

— стихотворение «Поминки» (Смерть);

— ангел, ангелы в нескольких стихотворениях (Божественное);

— «стряхнув с себя чужую плоть…» и далее (стихотворение «О, сколько их в тумане ходит…» (Перерождение, Возрождение);

— «Такой сделал Землю художник / Все прочее сделали люди…» (Бог, Творец, творец);

— «У тела есть пределы, / У жажды тела — нет…» (Сила и Дух Творчества);

— «Вы отдали меня задешево / Знак бессмертия…» (Бессмертие художника, вечность);

— «Куст зверем кажется, а зверь — кустом…» (Пантеизм);

— «Теперь уже вне гравитации…» (Свобода, воля, эйфория);

— «Палящий зной заносит молот / на воду хрупкую в оправе тростников…» (Жизнь);

— «Приходи, / приходи в позавчера…» (Время, Вечность);

— «И тут все приходит в движение — / В движение к оцепенению…» (Жизнь — Смерть);

— «Это был последний день воды — / Первый день расплавленной пустыни…» (Жизнь — Смерть);

— «Я уже устал молчать, / Мне необходим контакт…» (Поэзия, Язык, Речь);

— «Он отделяет голос твой от тела, словно хирург…» (Музыка, Песня, Поэзия);

— «если б суметь огонь надеть, как платье…» (Поэзия);

— «Пять минут неба…» (Счастье Творчества);

— «Ален Делон не пьет одеколон…» (Жажда Любви);

— «видишь, там на горе / возвышается крест» (Бог, Творец, творец);

— «Эта музыка будет вечной, / если я заменю батарейки…» (Время, Вечность);

— «все готово, чтобы рвать ткань» (Жажда Перемен);

— «я хочу быть с тобой…» и окрест, и далее (Любовь, Смерть, Жизнь);

— «Там, где умер последний человек на земле…» (Смерть, Вечность, Страшный суд);

— «по небу Луна плывет как слеза последнего ангела…» (Конец Света);

— «Музыка — только его отраженье [ритма — Ю. К.]» (Музыка, Время);

— «умершие во сне…» и далее (Смерть, Вечность, Инобытие);

— «черные птицы слетают с Луны…» и далее (Инобытие и Жизнь);

— «мы с ним друг друга / понимаем вполне — / я и человек на Луне (Иная Жизнь, Инобытие и Бытие);

— «но у холма нет вершины…» (Бог);

— «еще одна походка, чтобы вспомнить через годы в толпе…» (Любовь, Жизнь, Бессмертие);

— «Первобытная ночь только вверх глубока, только вниз высока…» (Вселенная, Бытие, Инобытие, Время);

— «Viva viva La revolución!..» (Жажда перемен; Социальное — Духовное);

— «ночь по капле вытекает из водопровода…» (Время — Вечность);

— «Мы стартовали с Гагариным/ практически одновременно: / каждый — в свой космос…» (Жизнь, Бытие, Время, Бесконечность Космоса и Поэзии);

— «Мы летим с тобой / по встречной полосе, / обгоняя смерть…» (Сила Любви, Сила Творчества);

— «есть одна любовь — та, что здесь и сейчас» (Хронос и Топос Любви);

— «Спички для снега», — все стихотворение (Вечность, Время, Жизнь);

— «прикосновение холодного металла к коже (Социальное и иное Насилие; Смерть; Несвобода и Свобода);

— «Камера пыток», — все стихотворение (Любовь);

— «уничтожить мир взрослых…» (Общество — Человек; Государство — Человек; Семья — Человек; Детство, Чистота, Добро etc);

— «рыбы в аквариуме / догадываются, / что мир не кончается стеклом / там, за стеклом — / небо рыб…» (Безграничное Бытие, Миры, Иномиры, Инобытие, Бесконечность);

— «Боль», — все стихотворение (Боль Плодотворна, Честна и Очистительна);

— «ты смотришь на Луну / и понимаешь, / что над тобою в небе / висит огромный камень» (Прозрение, Зрение Творца и творца);

— «сотни лет без собеседника…» (Абсолютное Одиночество);

— «Полиция реальности», — все стихотворение (Инобытие и Жизнь);

— «Два Бога», — все стихотворение (Социальное — Божественное; Бог и Человек);

— и др.

Ключевые образы, смыслы и концепты в поэзии Ильи Кормильцева часто образуют оппозиции, что свидетельствует, скорее, не о парадоксальности его мироощущения, а о способности поэта видеть и различать белое и серое, черное и бурое, социальное и человеческое, Божественное и низкое, Прекрасное

и Безобразное (в социально-государственном отношении), Вечное и Временное, бесконечное и конечное, очевидное и тайное, непознаваемое, невыразимое — то, что порождает боль. Боль, по Илье Кормильцеву, — есть главный (как любовь, смерть и жизнь) двигатель Вселенной.

Есть ли в стихах И. Кормильцева провокативность? Эпатаж? Экстремизм? Ультракультурологичность? Вообще — борьба? Борьба борьбы с борьбой (по Ю. Ковалю)? С позиции обывателя, все названное — присутствует в поэтических текстах И. Кормильцева, как и в стихах любого крупного поэта. И. Кормильцев — поэт крупный (по М. Цветаевой, большой поэт — это большой человек [или — великий] пишущий стихи) и мужественный, почти одиночка в глухих восьмидесятых: он не борется ни с кем и ни с чем — он как поэт противостоит пошлости, ментальной лености, повальной социологичности и идеологичности толпы: Поэт и Толпа. Не Чернь, как у Пушкина, но толпа в объеме и качестве преувеличенной, катастрофически размножившейся черни. И. Кормильцев — поэт благородный: любви и Бога в его поэзии больше всего остального; а любовь и Бог тянут за собой — в душу — и Дух, и Время, и Красоту, и Бессмертие, — Бессмертие, — бессмертие не творца, но творения.

Поэтический, словесный дар И. Кормильцева — универсален. Он создавал и поэтические тексты («равнодушные» к музыкальному сопровождению: такие стихи не поются, а звучат сами по себе), и рок-поэтические тексты, и тексты — стихотворные — иные, чаще это — миниатюры. Рок-поэтический текст — это стихотворение прежде всего креолизованной природы (имеющее как вербальную, так и иную, невербальную форму — музыкальную, голосовую, вообще инструментальную etc.). Рок-поэтический текст И. Кормильцева имеет множественную просодию:

— поэтическую (стиховую);

— языковую (звуковую, фонетическую, фоносемантическую);

— музыкальную (мелодия, кода, ритм etc.);

— вокальную (голос исполнителя [В. Бутусова и др.];

— синтезированную (соединение всех видов просодии рок-поэтического текста).

Таким образом, И. Кормильцев есть поэт, рок-поэт, стихотворец, «поэт-песенник» и поэт-нарратор, поэт-афорист, поэт-создатель верлибров, микротекстов, поэтических максим etc.

Илья Кормильцев создал десятки стихотворений, поэтическая подлинность которых несомненна. Назову некоторые из них, которые, на мой взгляд, остаются выдающимися образцами современной художественной словесности: «Чекасин»; «Сделайте мне комнату…»; «Где, тополиный пух, твоя судьба…»; «Просыпаясь между двух тел…»; «Телефонный номер Бога»; «Мегаломания»; «Контакт»; «Скованные одной цепью»; «Ночные братья»; «Пять минут неба»; «Взгляд с экрана»; «Прогулки по воде»; «Рвать ткань»; «Я хочу быть с тобой»; «Последний человек на земле»; «Бесы»; «Заноза»; «Черные птицы»; «Люди на холме»; «Псалом»; «Спички для снега»; «Дурной глаз»; «Парашютист»; «Ножницы»; «Камера пыток»; «Я неисправим…»; «Вчера я понял…»; «Ты смотришь на Луну…»; «Может быть, / никто из мертвых…»; «Вогульские духи»; «Два Бога» и многие другие.

Стихи Ильи Кормильцева синтаксически, лексически, строфически и ритмически медитативны, что обеспечивается постоянной редупликацией наиважнейших элементов поэтического текста (так, в замечательном стихотворении «Спички для снега» словосочетание, ставшее названием, повторяется, вместе с заголовком, 5 раз! — и это на 16 коротких строк). Стихи И. Кормильцева не просто — прежде всего прочего — духовны, — они духографичны (см. указанные стихотворения, а также «Псалом»).

Стихи Ильи Кормильцева — уникальны, это качество поэзии обеспечивается следующей антрополингвистической особенностью поэта: языковая личность преобразуется в текстовую с нарастанием, с увеличением объема и совершенствованием качества личности текстовой/поэтической, которая в свою очередь «перерастает» и «разрастается» в личность культуры. Таков феномен поэта Ильи Кормильцева. Уникальность поэзии И. Кормильцева не основывается на аттракции (привлечение внимания) и др. свойствах «популярного» творчества, как это было, например, — и довольно часто, — у Н. Некрасова, у С. Есенина, у В. Маяковского и даже у В. Высоцкого. Стихи И. Кормильцева лишены голой и назойливой артистичности, декларативности и риторичности. Уникальность поэта Ильи Кормильцева неожиданно, а значит — чудесным образом, — обернулась народностью. Народностью интеллектуальной, протестной, поэтически чистой и мудрой.

СПИЧКИ ДЛЯ СНЕГА

спички для снега
я прошу у тебя в эту ночь
у тебя на груди
спичек для снега
десять месяцев снега,
два месяца страха
новой зимы
спички для снега
в холодильнике радио,
ком голосов,
ледяной язык дедов
в гортанях отцов

если наступит двухтысячный год
прежде, чем время закончит свой бег,
и спички для снега растопят весь лед,
весь мир будет плавать как Ноев ковчег.

Поэт подарил нам чудо — спички для снега, чтобы ледяное и огнедышащее стало теплом.

26.01.2017, д. Каменка

Содержание

Дмитрий Быков. Не в Перу (предисловие) 3

2006–2007

Поминки 11
«Мир — это больница для ангелов...» 12
«City of copters cruising in dragonfly skies...» 13
Saint Thomas I 14

Лето огнедышащее (1974–1980)

«Пусть в нашей северной стране...» 17
«Сытые удавы мохеровых шарфов...» 18
«О, сколько их в тумане ходит...» 19
Палитра 20
«Если это необходимо...» 21
Три сна 22
«И сны разрешаются — в то...» 29
«Огни фильтруются, фильтруются сквозь штору...» 30
«Приходит миг...» 31
Часы, похожие на луковицу глаза 32
«Неумение петь похоже на морскую медузу...» 33
Чекасин 34
Воспитание рук 35
Блюз 36
«Сделайте мне комнату...» 38
Ecce Homo 39
«Мой пупок это фикция. Еще не разрезана...» 40
«Сон и розы, волнующе-яркий муслин...» 41
Шарлатаны 42
Теплый день 44
«Колокольчики вечера впились в улыбку...» 45
Возвращение добродетели 46
Завтрак на траве 48

«Арго, развевай паруса тополей!..» 49
Вероника 50
Где, тополиный пух, твоя судьба? 52
В трех стенах 53
Лето огнедышащее 57
Стихи для огненнокрылого пса 59
Возвращение 61
Косари 63
У сельской дороги 65
«В этом безмолвном пруду ослепленной Земли...» 67
Молчаливый соловей 69
У зерцала вод 71
Пловец 73
Ложе 75
«О эльфы! Лица, стиснутые рамками...» 77
Дом палача 79
«Просыпаясь между двух тел 81
«Здравствуй, то, что за закрытой дверью...» 82
«Это еще не ненависть: так, лишь вспыхнула спичка...» 83
Поминки по упоению 84
Ад воров 85
«Бессонны очи пустоты...» 87
«По водам призрак снова вынудит ступать...» 88
Потоп 89
Второй потоп 90
«Эту старую кожу, местами порванную...» 91
«Я возвращался домой по улице темной...» 92
Предел 93
«Дети Больше и дети Лучше!..» 95
Кривь и Кось 96
«Телефонный номер Бога...» 97
«Рано или поздно ты обнаружишь...» 98
Магнитная любовь 99
Измена 101
Чеснок 102
«По переулку, по переулку...» 103
Ангелы в форточке 105
«Кто есть пюре из яблок...» 111
А она говорит 113
На старой бойне 114

Бижутерный дождь ... 115
«Звезда Печали! Знаки Зодиака...» ... 118
Астрологическая трагедия ... 119
«Когда мы утонем в холоде...» ... 121
«Земля зимой — огромный белый заяц...» ... 123
«Ты — переписчик мой, небрежною лакуной...» ... 124
Прикосновенье к запястью ... 125
Засохшие деревья январских ночей ... 127
«Лето набирает номер 03...» ... 129

Физиология звукозаписи (1980–1991)

«Я не знаю, где была эта улица...» ... 133
Движение к оцепенению ... 134
Пожиратель ... 135
Путешествие ... 136
Шумящий мир ... 138
Последний день воды ... 139
Кукла ... 140
Живые и мертвые ... 141
451 °F ... 142
Мир на стене ... 143
Лишняя деталь ... 145
Человек наподобие ветра ... 146
Homo Superior ... 147
Призрачный гость ... 148
Мышь ... 149
Актер в черно-белой ленте ... 150
Ты слишком неподвижен ... 151
Пропасть ... 152
Тупик ... 153
Автомобиль без управления ... 154
Размышления компьютера о любви ... 156
Другая сторона холма ... 157
Чего это стоило мне ... 159
Мегаломания ... 160
Контакт ... 161
Музей мадам Тюссо ... 162
Гнилое золото ... 164
Соблюдай дистанцию! ... 166

Одержимый скоростью ... 167
Физиология звукозаписи ... 169
Полный круг ... 170
Жизнь в стиле heavy metal ... 172
Карающий ангел ... 173
Новый год ... 174
Снежная пыль ... 175
Фотофобия ... 176
Протезы души ... 177
Стоп-кадр ... 178
Прокрустово ложе ... 179
Хорошие фильмы ... 180
Кого разбудит эта песня ... 181
Наблюдатель ... 182
Коллекционер ... 183
Рикки-Тикки-Тави ... 184
Эрекция ... 186
Угоден всем, но не себе ... 187
Я и мой друг ... 188
«Этой ночью машины в гараж не вернутся назад...» ... 190
Автоэпитафия ... 191
Кто я? ... 192
Удачное приобретение ... 194
Скованные одной цепью ... 195
Около радио ... 196
Видеокассета ... 197
Необходимость выжить (Выход) ... 199
Такая простая песня ... 200
Братство по ветру ... 202
Технологичный брак ... 203
Банановая республика ... 205
Соня любит Петю ... 206
Ритм ... 207
Отцы и дети ... 209
Покажи мне путь ... 210
Возвращение ... 211
Ариадна ... 212
Одиссей ... 214
Тацу ... 215
Ночные братья ... 216

Вниз по течению неба ... 217
Белая бабочка ... 218
Разбуженный ударом между глаз ... 219
Когти ... 220
Каждый вдох ... 222
«Открытые пространства...» ... 223
Менингит ... 224
Заколдованный бор ... 225
День ... 226
Пять минут неба ... 227
Запоздалый поезд ... 228
Режь меня ... 229
Девочки с розовыми глазами ... 230
Плебейка ... 231
Альтернативная песня в защиту лысых ... 232
Сирота ... 233
В тени звука ... 234
Панцирная кровать ... 235
Следы на песке ... 236
Очевидно, это она (Полтергейст) ... 237
Пылающая улица ... 238
Клипсо-калипсо ... 239
Взгляд с экрана ... 240
Наша семья ... 241
Прогулки по воде ... 242
Труби, Гавриил ... 243
Снегопад ... 244
Пограничник рассудка ... 246
Поезд, поезд (Рай или пропасть?) ... 248
Разговорчивый пьяница ... 250
Архитектор дороги ... 251
Поздно вечером в парке ... 253
«Мой хитрый бог, ты мне шепчешь на ухо...» ... 255
«Я никогда не гордился...» ... 257
Подросток ... 259
Магнитная стрелка ... 261
«Смотрите, как я ухожу» ... 263
«Ты прыгаешь на тугую сетку...» ... 264
Баллада в ре ... 265
Погребение проклятого ... 269

«Эй, человек! Беспечный человек!..» ... 270
Волы ... 271
Я открываю все краны ... 273
Остров Абалон ... 274
«Мы вместе вышли в путь...» ... 275
Тревога странного человека ... 276
«Ты словно сплошной стресс...» ... 277
Я хочу спать ... 278
Эта музыка будет вечной ... 279
Казанова ... 280
Под прицелом твоих окон ... 282
Паркет ... 283
Рвать ткань ... 285
В каждой клетке зверь ... 286
Всего лишь быть ... 287
Праздник, на котором нас нет ... 289
Я хочу быть с тобой ... 290
Падал теплый снег ... 291
Ни кому ни кабельность ... 292
Доктор твоего тела ... 293
Ворота, откуда я вышел ... 294
Стриптиз ... 295
Улитка ... 297
Цунами ... 298
Город братской любви ... 299
Мой брат Каин ... 300
Чужой ... 301
Бриллиантовые дороги ... 303
Музыка на песке ... 304
Черный парус ... 305
Боксер ... 307
Красные листья ... 309
Люди ... 311
(Как) падший ангел ... 312
Звездные мальчики ... 313
Человек без имени ... 314
Иван Человеков ... 315
Чужая земля ... 317
Новая любовь ... 318
Она ждет любви ... 319

Умершие во сне ... 320
Колеса ... 321
Ленивые огни ... 323
Карменсита ... 324
Письма к римским друзьям ... 325
«А где-то там вдали Сарматия, Марцелл...» ... 326
«Вчера смотрел, как ловят фимодлид ... 327
«Когда с Лицинией на ложе узком в истоме...» ... 326
Садык ... 329
Под железнодорожным мостом ... 330
Родившийся в эту ночь ... 331
Последний человек на Земле ... 333
Джульетта ... 334
Черные птицы ... 335
Монгольская степь ... 337
Эти реки ... 338
Летучая мышь ... 339
Морской змей ... 340
Бесы ... 341
Лунатики ... 342
Прозрачный поезд ... 343
Параллельные линии ... 344
Твоя тень ... 345
За то, чего нет ... 347
Дни темноты ... 348
Утро Полины ... 349
20 000 ... 350
Бегущая вдаль ... 351
Христос ... 353
Золотое пятно ... 354
Свежее утро ... 355
Стелаянный дом ... 356
Зов ... 357
Марсельеза ... 358
Мертвая мечта плохо пахнет ... 359
Тараканы ... 360
Война ... 361

Атлантида (1992–1996)

Тутанхамон ... 365
Титаник ... 366
Негодяй и ангел ... 368
Воздух ... 370
Колеса любви ... 372
Крылья ... 374
Дыхание ... 375
Железнодорожник ... 376
Живая вода ... 378
Кто еще? ... 379
Небо и трава ... 380
Клетка ... 381
Жажда ... 382
Человек на Луне ... 383
Одинокая птица ... 384
Абсолютно белое ... 385
Белая стена ... 386
Заноза ... 388
Матерь богов ... 389
Бедная птица ... 390
Люди на холме ... 391
Во время дождя ... 392
Странники в ночи ... 394
Сестры печали ... 395
Три царя ... 396
Девятый скотч ... 398
Нежный вампир ... 400
Большое сердце ... 401
Атлантида ... 402
Апельсиновый день ... 403
Архитектура ... 404
Колесница свободы ... 405
На путях твоих ... 406
Птица на подоконнике ... 407
Солдаты ... 408
Тени отцов ... 409
Стальная звезда ... 410
Я боюсь ... 412

Голоса ... 414
Женщины, с которыми ... 415
Земля ... 416
Крик без лица ... 418
Кукушка ... 419
Монета ... 420
Поезд мертвецов ... 421
Стань бронзой ... 422
Тени сторожат солнце ... 423
Шорох листвы ... 424
Голос воды (Японская бабочка) ... 425
Золотой дирижабль ... 426
Спаси меня ... 427
Шум зеленой листвы ... 428
Вишневый пирог ... 429
«Большинство людей не знают, зачем они живут...» ... 430
Тяжелые времена ... 431
Дождь ... 432
Катерина ... 433
Стеклянный ковчег ... 434
Роза ... 435
Секси Квин ... 436
«Первобытная ночь только ввверх глубока...» ... 437
Смех птицы ... 438
Мертвые цветы ... 439
Сегодня мы ловим скорость ... 440
Robert Johnson's Blues ... 442
«Павел шел по пустыне...» ... 443
Псалом ... 444
«Мир такой, каким мы его знали...» ... 445
«Две категории людей...» ... 446
«Когда заходящее солнце коснулось края земли...» ... 447
10 000 ... 448
Армия Свободы ... 449
Ниспошли ... 450
Светопреставление ... 451
Спички для снега ... 452
Йети ... 453
Я промолчал ... 454
Глупая девочка ... 455

Демоны ... 456
Одиночество ... 457
Сладкая боль ... 458
Усталость ... 459
Сон, где нет тебя ... 460

Фармакология (1996–2000)

Ночная радуга ... 463
Внутри этой кожи ... 464
Дурной глаз ... 466
Еще одно лицо ... 467
Звонки ... 468
«Я вижу людей насквозь...» ... 469
Городской партизан ... 470
Viva la revolución ... 472
Свеча и муха ... 473
Парашютист ... 474
Фармакология ... 475
Химическая женщина ... 476
Comedown ... 477
Не тащит ... 478
Станция ... 480
Сумочка ... 481
Не имеет значения ... 482
«Время ускоряется...» ... 483
Праздник Красной Смерти ... 484
«Мир как мать, которая не любит меня...» ... 486
Русская ночь ... 488
Встречная полоса ... 489
Ничего особенного ... 490
Колесо ... 491
Шаг в пустоту ... 492
Аленький цветочек ... 494
Лунный сон ... 496
Розмари ... 499

Полиция реальности (2001–2007)

Тайный знак ... 501
Ножницы ... 502

El amor....504
My only one....505
Не совсем по Энгельсу....506
Радость....508
Камера пыток....509
«Меня попросили...»....510
«Я неисправим...»....511
Клаустрофобия....512
Выйди на связь....513
Мальчик с пальчик....514
На рассвете....515
«Ненависть ходит в темных очках...»....516
Серийный кошмар....517
Дезертир....518
Ноль....519
«Вчера я понял...»....520
Рэббит-рэп....521
«Они легко могли выбраться из этой тюрьмы...»....522
Капля....523
Небо рыб....524
Подводная....526
Боль....527
«От невыносимости жизни...»....528
Тысяча дверей....529
«Может быть...»....530
«Не стану скрывать...»....531
Деньги — это фантики....532
Куклы/Dolls....533
«Какое первое слово...»....534
Прямо по курсу....535
«Уходили по горным тропам...»....536
Вогульские духи....537
Наполняя ванну....539
Полиция реальности....540
Два бога....541
Death is a freeze frame....542

Комментарии....
Юрий Казарин. Послесловие. Спички для снега....

Илья Кормильцев

Поэзия

Продюсеры *Олег Гененфельд, Сергей Силушин* и *Юрий Донцов*
Составители *Станислав Кормильцев,*
Алеся Маньковская и *Дмитрий Карасюк*
Автор предисловия *Дмитрий Быков*
Автор послесловия *Юрий Казарин*
Авторы комментариев *Дмитрий Карасюк* и *Станислав Кормильцев*
Дизайн логотипа и обложки *Александра Коротича* и *Бэллы Боевой*
Редактор *Анна Филосян*
Верстка *Евгении Язвенко*
Координаторы проекта *Александр Касьяненко,*
Константин Преображенский и *Владимир Харитонов*
Издатель *Федор Еремеев*
Фотоматериалы из архива *Станислава Кормильцева*

Издатели выражают искреннюю признательность всем,
кто оказал самую разнообразную помощь в создании этой книги:
Александру Пантыкину, Вячеславу Бутусову, Егору Белкину,
Владимиру Елизарову, Алексею Могилевскому, Дмитрию Умецкому,
Виктору Резникову, Алесе Маньковской, Станиславу Кормильцеву,
Игнатию Кормильцеву, Елизавете Савинцевой, Александру Коротичу,
Константину Преображенскому, Бэлле Боевой, Аркадию Застырцу,
Ксении Егоровой, Ульяне Емлиной, Роману Карасюку, Владимиру Пищаеву,
Надежде Колтышевой, Дмитрию Константинову, Александру Кушниру,
Андрею Матвееву, Людмиле Телень, Юлии Недосековой,
Светлане Плетенко, Вадиму Дулепову, Василию Сычеву,
а также *Первому Музыкальному Издательству.*

Большое спасибо всем, кто оказал финансовую поддержку изданию
сочинений Ильи Кормильцева, в первую очередь: *Анне Гавриловой,*
И. Н. Залогиной, Артему Александровичу Карапетяну, Евгению Липецкому,
Михаилу Сергеевичу Молчанову, Павлу Савинову.

Иллюминатор
S.G.T.R.K. Media-Lab
Кабинетный ученый

Подписано в печать 26.04.2017 Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 1200 экз.

9 785758 401620